

попаванец

Дмитрий Дашко
Александр Самойлов

РОТМИСТР
ГОРДЕЕВ

Дмитрий Дашко
Александр Самойлов
РОТМИСТР
ГОРДЕЕВ

Annotation

Во время схватки с сирийскими террористами старший лейтенант российской армии Алексей Шейнин героически погибает, однако судьба дарует ему ещё один шанс. Теперь он штабс-ротмистр Гордеев, и на дворе 1904 год – война с японцами. Однако, несмотря на привычный ход событий, есть одно «но»: бок о бок с людьми сражаются и очень странные существа.

- [Дмитрий Николаевич Дашко, Александр Альбертович Самойлов](#)
  -
  - [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
  - [Глава 6](#)
  - [Глава 7](#)
  - [Глава 8](#)
  - [Глава 9](#)
  - [Глава 10](#)
  - [Глава 11](#)
  - [Глава 12](#)
  - [Глава 13](#)
  - [Глава 14](#)
  - [Глава 15](#)
  - [Глава 16](#)
  - [Глава 17](#)
  - [Глава 18](#)
  - [Глава 19](#)
  - [Глава 20](#)
  - [Глава 21](#)
  - [Глава 22](#)
  - [Глава 23](#)
  - [Глава 24](#)

- [Глава 25](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
    - [6](#)
    - [7](#)
    - [8](#)
-

**Дмитрий Николаевич Дашко,
Александр Альбертович Самойлов
Ротмистр Гордеев
Роман**

* * *

*Выпуск произведения без разрешения издательства считается
противоправным и преследуется по закону*

© Дмитрий Дашко, 2023

© Александр Самойлов, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Глава 1

Люблю рынки, когда наша мангруппа заходит в местные селения на огонёк. Кругом война, жара, бармалеи со своими засадами, а тут – вечные сказки «Тысячи и одной ночи». Настоящие, не прилизанный Голливуд.

Красота! Живые куры кудахчут, овцы блеют, фрукты и овощи грудями лежат на импровизированных прилавках под навесами из каких-то брезентух или просто простыней, чтобы не изжариться на солнцепёке. Закутанные по самые брови продавцы и покупатели в своих хламидах – и потому, что ислам, и потому, что жара и всепроникающий песок лезет во все щели, чтобы поскрипеть на зубах да позудеть на коже. Они клёкочут между собой на своём гортанном языке – не то ругаются, не то просто торгуются. Легко представить, что так же точно было и тысячу лет назад, и две тысячи, и три... Только без покоцанных японских тачек и мобильных.

Идём тройкой, смотрим. Продавцы в основном тётки или старики. Покупатели – тётки. Мужиков почти не встретишь – бегают друг за другом с автоматами по местным пескам, кто в правительственных войсках, кто у повстанцев.

Повстанцы разные: одни совсем религиозные, другие религиозные, но не очень, а третьим всё равно, лишь бы заплатили. Все воюют со всеми. А мы? Мы – за мир, за законного президента и за Родину. Ну и что, что Родина в тысяче километров отсюда? Раз послали сюда, значит, надо. Мы – люди военные. Тоже бегаем за повстанцами.

– Тащ старший лейтенант, – толкает меня в бок Савельев, – разрешите освежиться купить. В горле уже скрипит от песка.

Оглядываюсь. В нескольких метрах сидит местный пацан, автомат в руки брать ему ещё рано, а торговать – в самый раз. За спиной в тенёчке пара ящичков с банками газировки, бидон с водой, бутылки с подозрительной молочкой. По виду не скажешь, кого доили: козу, корову или верблюда. Ну её на фиг, такую. Нам только отравлений не хватало.

– Газировку возьми на всех, – протягиваю ему пару местных купюр, – должно хватить.

Савельев идёт к пацану торговаться за три банки шипучки. Мы с Кроминым осматриваемся по сторонам.

В закутке между развалинами сидит неподвижно в чёрном бурнусе крепкий ещё, хотя и с сединой в бороде араб-бедуин. Только глаза в сетке крупных морщин не арабские – светлые в синеву. Кинжал на поясе в потёртых ножнах с истёртым золотом вышивки. Перед ним на коврике нехитрый товар...

Э-э, нет, товар как раз хитрый. Монеты – медяшки, серебрушки и даже вроде пара золотых с полу-, а то и почти совсем стёртыми надписями и рельефами. Позеленевшие масляные лампы – того и гляди с джинном каким внутри. И она – висюлька на кожаном шнурке, восьмиконечная звезда с голубым эмалевым глазом в центре. Такие глаза на Востоке любят держать в доме или на себе от сглаза и порчи. А вот чтобы он был вписан в восьмиконечную арабскую звезду...

Подхожу, наклоняюсь, чтобы получше рассмотреть. Кромин за плечом сечёт сейчас остальной рынок, ему эта старинная дребедень до одного места. Бедуин, увидев, что вещица меня заинтересовала, хитро сверкнул глазами, протянул в руку: смотри, мол. И звезда непростая, это же змей так изогнулся, кусая сам себя за хвост. Уроборос. Золото, серебро? Какой-то непонятный сплав. Вещица лежит в ладони и словно покалывает кожу. И глаз в центре так и притягивает взгляд.

– Бери, господин. Старая вещь, ценная, – на ломаном русском неожиданно говорит араб.

Ничего удивительного, за то время, что мы здесь, многие местные выучили наш язык. Хотя бы вот для таких взаимовыгодных операций.

– Ценная? Да у меня, наверное, и денег нет таких. Сколько просишь?

Араб достаёт из складок своих одеяний мобильный телефон, набирает цифру. Н-да... Ценная вещица и стоит, как крыло от самолёта. Но мы на Востоке или где? Набираю свою цифру – в три раза меньше. Резьба морщин моего визави даже не дрогнула, только голубые глаза сверкнули льдинками. Он набирает новую цену – в полтора раза меньше изначальной. Сбиваю её вдвое.

Подваливает Савельев с шипучкой.

– Чё это? – шепчет Кромину.

– Командир торгуется, – отвечает тот, продолжая сечь периметр.

Пшикают две банки. Подчинённые мои жадно глотают газировку. Что с них возьмёшь, мальчишки ещё, пусть и с автоматами. Нам в Рязанском училище с первого курса вколачивали: не утоляет газировка жажду, ещё сильнее потом пить хочется. Лучше в воду щепотку соли. Пить противно, а жажду снимает на время. Ещё лучше – зелёный чай, но его ещё прочувствовать надо и пить почти горячим.

Савельев протягивает третью банку.

– Держите, тащ старший лейтенант.

– Разделите между собой. Я из фляжки обойдусь.

Пшикнула третья банка. Пока парни по очереди передают друг другу банку, снимаю с пояса фляжку с тепловатой подсоленной водой. Делаю пару глотков и сразу чувствую, что полегчало.

Бедуин протягивает свой телефон с новой цифрой. Уже лучше. Но и я не останавливаю процесс, уменьшаю сумму. Бедуин горестно качает головой, цокает языком, разводит руками – дескать, разорить меня хочешь! Пока всё идёт как по учебнику.

Делаю вид, что теряю интерес к дальнейшей торговле. Хлопаю подчинённых по плечам.

– Пошли, парни.

Шаг, другой, третий прочь от бедуина с его барахлом с раскопок.

– Постойте, господин!

Так и есть, окликнул в спину. Игра продолжается. Торг уместен.

Разворачиваемся, возвращаемся к бедуину. Он показывает новую цифру. Уменьшаю её на треть. Бедуин пыхтит, прижимает руку к сердцу, мотает головой. Пишет свой вариант. Скидываю ещё немного. Вещица-то реально редкая. Дома смогу загнать её с хорошим барышом. Или оставлю себе на память об очередной командировке. Она у меня далеко не первая.

Наконец согласие с бедуином достигнуто. Бьём по рукам. Достаю деньги, отсчитываю нужную сумму, протягиваю продавцу. Он благодарно кланяется, хитро смотрит своими голубыми гляделками, встаёт и вешает талисман мне на шею. Как раз поверх броника.

– Удачи тебе, отец! – говорю я.

– Храни тебя Аллах! – доносится вслед.

Идём прочь, на ходу заправляю талисман под форму, поближе к телу. Металл приятно холодит кожу, чуть покалывая. Статическое

электричество, что ли? Небо на горизонте хмурится. Гроза? Откуда здесь?

Пора двигаться дальше.

Пш-пш... – оживает рация.

– Вомбат вызывает Шею. – Пш-пш... – Шея, приём.

– Здесь Шея. Закончили с рынком. Движемся к вам.

– Шевелите помидорами. Вас одних ждём. В десяти километрах к югу замечена бармалейская шайтан-арба. Приказано перехватить.

– Приказ принят. Бежим.

Поворачиваюсь к парням:

– Срочный сбор, бойцы.

Трусцой пылим прочь с рынка к тому, что осталось от местной школы. Там нас ждёт под парами бронетранспортёр с командиром нашей мангруппы (это его позывной – Вомбат) и остальными бойцами. Ждать он не любит, так что невольно ускоряем бег.

– Всё нормально? – спрашивает он.

– Без эксцессов, – сообщаю я.

Покидаем мирный кишлак. Бронированный «Тайфун» рассекает по местным пескам. На борту три человека экипажа и наша семёрка во главе с Вомбатом. Гулко ревет мотор, трясёт немилосердно, но бойцам всё равно, двое уже откровенно кемарят, пользуясь случаем.

Вомбат хлопает по плечу водилу:

– Тормози. Надо выпустить дрон, сориентироваться.

Пока оператор возится с запуском летучего разведчика, две наши тройки – моя и Вомбата – рассыпаются по окрестностям, контролируя периметр вокруг «Тайфуна», чтобы вдруг не прилетело ничего от бармалеев.

С лёгким жужжанием воздушный разведчик уходит в небо. Небо наливается жёлтой хмарью, которая ползёт с юга. Сыпанёт песком хамсин или пронесёт на этот раз? Пустыня словно замерла в ожидании. Только лёгкий свист песчинок по песку...

Пш-пш... Снова рация.

– Глаз вызывает Вомбата.

Пш-пш...

– Вомбат на приеме.

Пш-пш...

– Шайтан-арбу засёк. Полтора километра к юго-востоку. Там какие-то развалины. Рядом кучкуются пяток бармалеев, из них трое в охране.

– Уводи дрон.

Пш-пш.

– Принято. Вомбат, там наверху задувает сильно, не то что здесь. Это так, к сведению.

– Понял. – Пш-пш. – Шея, приём.

– Шея на приёме.

– Предлагаю уконтрапупить бармалеев. Наверняка же в засаду садятся. Нужны нам засады на этой дороге? Завтра должна идти колонна с гуманитаркой в Алеппо. Плюс средства от холеры.

– Согласен. Есть план?

– Подваливай ко мне. Пошепчемся над тактическим планшетом.

Ползём с Савельевым и Кроминым под прикрытием бархана. Небо уже совсем заволочило желтизной. Ветер и внизу чувствуется. Песок аж подвывает. Главное, успеть всё до начала песчаной бури. За барханом, если верить нашему дрону, бармалеи со своей шайтан-арбой.

Смотрю на часы – до сигнала к атаке минута. Уложились. Мы зашли с юга, где у бармалеев не должно быть охранения, пришлось дать изрядную кривулину по песку. Жестами уточняю бойцам их задачу: пара бросков гранат, а дальше – пали во всё, что движется и не матерится.

Ребята у меня опытные, два раза повторять не нужно. Достали гранаты, изготовились. Пыхнула в жёлтом мареве зелёная ракета со стороны Вомбата. Сорвали кольца, швырнули – бахнуло. Сорвали кольца, швырнули – бахнуло.

За барханом – заполошная стрельба, гортанные крики бармалеев. Рвёмся в атаку, поливая перед собой автоматными очередями. Буря и натиск. За барханом чадит чёрным дымом шайтан-арба – японский пикап с укреплённой в кузове ракетной установкой. Около него два бармалейских трупа. А где остальные?

Неожиданно сбоку ударил пулемёт. Я толкнул зазевавшегося Кромину, а Савельев и сам уже на песке. Лежим. Пули свистят над головой.

«Дружеский огонь? Неучтённые бармалеи? Откуда? Не было же никого...»

Жму тангенту рации. Пш-пш...

– Шея вызывает Вомбата. Приём.

Пш-пш... В наушнике только треск и шипение эфира. Молчит Вомбат. Не понял. Снова жму тангенту. Пш-пш...

– Тайфун, ответьте Шее. Приём.

Шипит и трещит эфир. К северу – стрельба и взрывы гарант.

– Тайфун на приёме. У нас с трёх сторон атакуют бармалеи. Вомбат замолчал сразу после начала атаки.

Со стороны «Тайфуна» вдарила очередь из крупнокалибрушечки. Потом несколько взрывов. Рация замолчала.

Жму тангенту. Пш-пш...

– Тайфун, ответьте Шее. Приём?..

Молчит. Тишина. Стрельба продолжается.

Ещё пара взрывов.

– Тащ старший лейтенант? – Кромин толкает в бок. – Что там?

Изысканно и грубо матерюсь. Общий смысл – походу, хана случилась и Вомбату, и Тайфуну. Напоролись на очень грамотную засаду. Подкинули нашей мангруппе вкусную наживку, а мы её и ам – заглотили по самое не могу.

– И что теперь? – Это уже Савельев.

– Уходить надо. Или геройски погибнуть.

– Погибнуть всегда успеем.

Отползаем. На севере ползёт к низкому небу густой чёрный дым. Если это не наш «Тайфун», то что? Жёлтая муть уже не только в небе, она вокруг. Кутаем носы и рты в платки тактической расцветки – те же куфии, что у местных, только цвета другие. Помогает, песок меньше скрипит на зубах.

Не паниковать, главное, не паниковать. Командую: короткими перебежками. Вскакиваем, бежим по песку к югу, забирая к востоку. Сзади бьют автоматные очереди. Савельев спотыкается и падает лицом в песок. Падаем рядом.

– Кромин! Периметр!

Кромин бьёт несколькими короткими очередями в сторону предполагаемых преследователей.

Переворачиваю Савельева на спину. Моя левая ладонь вся в крови. Пуля прилетела ему в шею, аккуратно над верхним срезом броника, почти под каску. Слепой случай.

Что-то большое и круглое вылетает из песчаной круговерти и шлёпается между мной и Кроминым. Граната? Вжимаемся в песок. Жаль, я не муравей, не могу зарыться поглубже.

Взрыва нет. Открываю левый глаз. Правый. На меня смотрит мёртвый Вомбат. Кровь на его отрезанной голове уже успела запечься. Глаза смотрят в вечность. Прощай, капитан Дудин с позывным «Вомбат».

Чёрт! Чёрт! Неужели бармалеи положили всю мангруппу? Если это так – всё, писец котёнку, то есть нам...

Что-то вылетает из заворотов песчаной бури и брякается на песок между нами с Кроминым. Ещё чья-то голова?

Граната!

Не знаю, какие там мышцы сработали, но меня подняло в воздух и отбросило за небольшой песчаный холмик.

И тут бахнуло.

Горсти песка сыплются за шиворот, шуршат по каске, по бронике. Поднимаю голову. Вот и Кромин – всё. Вместо лица кровавая каша, опознать невозможно. Эх, Кромин, Кромин, как же так!

Краем глаза фиксирую несколько тёмных силуэтов, приближающихся к моему укрытию. Вскидываю автомат, жму на спусковой крючок и не отпускаю, пока не выщёлкаваю весь магазин.

Силуэты падают, я почти гложу. Вскакиваю и бегу. За спиной выстрелы. Впереди вырастает какая-то большая тёмная груда – старая развалившаяся каменная кладка. Втискиваюсь в какую-то щель между камнями... И оказываюсь в небольшом, почти круглом помещении, засыпанном горами песка. Свод крыши давно обвалился, но здесь хотя бы не чувствуется ветер, несущий песок.

Убежище или ловушка?

Ловушка!

Сквозь проём лезет бармалей. Ну, сука, сейчас ты у меня попляшешь! Вставляю новый магазин взамен пустого. Палец давит на спусковой крючок. Уже труп вываливается мне под ноги. Из тёмного проёма грохочет, а внутри расцветает огненный цветок огня на дульном срезе противника.

Сильный толчок прямо в грудь, в броник, в то самое место, где под ним – купленный утром на базаре странный талисман.

Не могу дышать. Перед глазами встаёт красная завеса, я медленно сползаю по стене.

Темнота.

Интерлюдия 1

«Уважаемая Галина Сергеевна, с прискорбием сообщаем, что Ваш сын, старший лейтенант ВДВ Алексей Петрович Шейнин погиб в бою, выполняя свой воинский долг в Сирийской Арабской Республике. Командование части ходатайствует о награждении Шейнина А. П. орденом Мужества посмертно. Примите мои искренние соболезнования. Командир в/ч...»

Глава 2

Плыву в плотной, как кисель, воде, она сковывает все движения, сдавливает грудь и не даёт дышать. В ушах шум – бу-бу-бу. На голове с каждой секундой всё сильнее смыкается невидимый обруч, ещё немного – и башка лопнет, как перезревший арбуз. Тело пронзает невыносимая боль, заставляя меня сжиматься и разжиматься, словно пружина. Меня охватывают конвульсии, какая-то гадость вытекает из открытого рта. Лёгкие просто разрываются, начинаю кричать...

– Господин штабс-ротмистр, вы очнулись?

Открываю глаза и вижу перед собой не то призрака, не то ангела в белоснежных одеяниях.

Это что, я уже на том свете?

Потом замечаю красный крест на косынке спрашивавшей. Выходит, на этом, что ли? Только наряд уж больно странный какой-то, я бы даже сказал, старомодный, наши медики давно такие не носят, да и сирийцы тоже. Международный Красный Крест или какие-нибудь «Врачи без границ»?

Только не больно я верю в гуманизм бармалеев. Если передали в руки медикам, значит, есть на меня определённые планы. Выкуп запросят, на обмен пустят или заставят записать ролик, в котором я буду рассказывать, что раскаялся и сожалею о тех непотребствах, которые наша армия творит супротив мирных бармалеев. Думаете, не заставят? Держите карман шире. У этих ребят обширный набор спецсредств, зря их, что ли, полмира снабжает.

– Как вы себя чувствуете, господин штабс-ротмистр?

А говорит барышня в белом на очень хорошем русском. Землячка? Тогда почему называет каким-то штабс-ротмистром, ведь на мне были три старлеевские звёздочки. А звание такое не существует уже больше ста лет. Если не изменяет память, штабс-ротмистр – офицерский чин в кавалерии и у жандармов, равен штабс-капитану в пехоте. Но это не точно, историей я увлекался постольку-поскольку, а военной реконструкцией никогда не интересовался, у меня и так полжизни в сапогах и при погонах прошло.

Видимо, барышня из старых русских, тех, кто сбежал из страны во время революции и Гражданской войны. Отсюда и это старинное – штабс-ротмистр.

Чувствуя на себе вопрошающий взгляд, отвечаю:

– Ещё не разобрался.

– Сейчас я приглашу к вам доктора. Потерпите немного.

Барышня уходит.

Начинаю прикидывать, что делать. Девушка – эмигрантка, то есть я в какой-то иностранной – европейской или американской (хрен редьки не слаще) – миссии. В бескорыстное лечение как-то не верится, значит, надо рвать отсюда когти, и как можно быстрее. Но для этого необходимо понять, в какой я форме.

Голова трещит, это естественно, меня гарантированно контузило во время боя с бармалями. Руки и ноги шевелятся и полностью послушны, вот только грудь – на ней танк, что ли, разворачивался? Такое ощущение, будто вмяли здоровенным молотом. Неужели разворотили?

Предательская мысль заставляет покрыться холодным потом. Лезу за пазуху, первым делом натыкаюсь на бинт, его на меня не пожалели, спеленали, как мумию.

Так, а это что? Пальцы нащупали нечто металлическое и холодное. Я вытащил его на свет.

Медальон! Тот самый медальон, что я купил у старика-бедуина на базаре. Не знаю почему, но я обрадовался ему как родному.

Делаю глубокий вдох и выдох. Я не медик, но всё-таки рёбра целы, это радует. Ушибы мы как-нибудь переживём, на мне вообще всё заживает как на собаке. Невольно вспоминаю Вомбата, бойцов – у них точно не было никаких шансов. Не ужели уцелел только один я?

В палате ещё несколько коек, и они не пустые. Справа лежит сосед, нас разделяет только грубая неокрашенная тумбочка. У соседа густая окладистая борода. Чеченец? Нет, вроде морда лица вполне себе рязанская, то есть типично русская. Глаза соседа закрыты, он спит и видит пятый сон.

Приоткидываю одеяло, дабы посмотреть, что у меня осталось ниже пояса. Упс... Вместо трусов какие-то кальсоны, причём совсем доисторического вида. В таких, наверное, ещё мой дед вое вал. Да и кровать не похожа на медицинскую, скорее грубо сколоченный топчан.

Совсем, что ли, у этих «Врачей без границ» с оборудованием плохо? Кстати, не наблюдаю ничего похожего на медицинскую аппаратуру, то есть это либо не реанимация, либо на пациентах экономят. Выжил – хорошо, не выжил – такова селява!

В палате стоит ни с чем не сравнимый запах карболки, он забивает все ноздри. Не выдержав, чихаю.

– Будьте здоровы!

– Спасибо!

Скашиваю взор и вижу перед собой долговязую фигуру. Фигура тоже вся в белом, на носу очки с толстыми линзами, на груди – даже не стетоскоп, а скорее трубка.

Что за хрень? Где такое выкопали?

– Ну что, господин Гордеев, рад, что вы пришли в себя, – говорит врач. (А кто ж ещё это мог быть?)

Порываюсь поправить эскулапа, сказать, что моя фамилия Шейнин, но потом одёргиваю сам себя. Может, ну его. Рано вскрывать все карты. Побуду какое-то время Гордеевым, а там будет видно.

– Я тоже этому рад.

Доктор будто не верит своим глазам, смотрит на меня, как на неведомую зверушку. Неужели считали, что не очухаюсь? А вот хрен вам! Помирать нам рановато! Дел по горло!

– Давайте знакомиться. Я Сергей Иванович Обнорский, главврач госпиталя и по совместительству ваш лечащий врач.

– Очень приятно, Сергей Иванович!

– Взаимно, – любезностью на любезность отвечает эскулап.

Начинается стандартный медицинский осмотр: меня всего выслушивают, простукивают, прощупывают, заставляют открыть рот. Я послушно следую приказам.

– Что ж, голубчик! – удовлетворённо крикает Обнорский. – У меня для вас хорошие новости: вы пошли на поправку. Неделька, максимум полторы, и вас можно выписать из госпиталя.

– Куда выписать? – осторожно спрашиваю я.

Врач мрачнеет.

– Разумеется, в действующую армию. Бить японцев, куда ж ещё?!

Каких, блин, японцев? Мы что, за то время, что я в больничке валяюсь, успели сцепиться со Страной восходящего солнца? Интересно, чего не поделили? Те самые Курильские острова?

– Доктор, – медленно говорю я, – простите за глупый вопрос, но у меня что-то вроде... как его... амнезии, что ли... Не помню почти ничего...

– Бывает, – соглашается врач. – Так что вы хотите узнать?

Вообще, вопросов вагон и маленькая тележка, но я начинаю с главного:

– Война с японцами давно идёт?

– Да как началась девятого февраля тысяча девятьсот четвёртого года, так уже почти полгода идёт, ни конца ни края ей не видно.

Мой мозг взрывается! Какой, твою в душу мать, февраль тысяча девятьсот четвёртого года?! Тогда не то что меня – моего деда, а то и прадеда в проекте ещё не было!

Галюники... Ну, галлюцинации то есть... Только больно уж всё реально выглядит для этой самой галлюцинации...

Доктор неправильно толкует мои эмоции.

– Ничего страшного, – успокаивает он. – Память к вам обязательно вернётся, только надо немного времени. Отдохните немного, придите в себя.

В волнении я сам не заметил, как вытащил из-под одеяла восьмиконечную звезду. Врач заметил её, во взгляде мелькнуло удивление.

– Надо же... А в бумагах ничего не сказано насчёт того, что вы у нас, оказывается, охотник на демонов.

Я снова чуть было не подавился собственной слюной. Демоны... Точно крыша поехала на почве контузии! А лежу я, наверное, в дурке, странно только, что не в смирительной рубашке. Видимо, не буйный, но это пока.

Логично предположить, что и доктор – никакой не доктор, а такой же псих, как и я. Отсюда тысяча девятьсот четвёртый год, война с японцами и демонами. Насколько мне известно, в спор с психами лучше не встречать, нужно со всем соглашаться. Охотник на демонов так охотник на демонов.

– Наверное, в суматохе не разобрались, – подбираю максимально нейтральный вариант я.

– Да уж... Суматохи хватило, – соглашается Обнорский. – После сражения при Ляояне мы буквально зашивались, счёт раненых шёл на тысячи.

– И чем оно закончилось, это сражение?

– Генерал Куропаткин отдал приказ об отходе на главную позицию, – помрачнев, сообщает врач.

Понятно, нашим надрали задницу... Стоп, я что, сам начинаю верить во всю эту чушь?

– Но вы не переживайте, сейчас вы находитесь в глубоком тылу, и вам ничто не грозит, – успокаивает Обнорский. – Кстати, вернётесь в часть – обязательно поставьте штоф водки вашему ординарцу. Он вас на собственном горбу в госпиталь приволок.

– Обязательно, – киваю я, хотя понятия не имею, о каком ординарце идёт речь.

Вижу по выражению лица, что Обнорскому очень хочется о чём-то меня спросить, причём явно не из области медицины. Наконец, эскулап решается:

– Скажите, голубчик, а каково это – с демонами сражаться? Говорят, японцы поднаторели в этом искусстве, порой таких созданий призывают, что его и убить-то нельзя.

– Любого можно убить, – машинально говорю я и тут же смолкаю. Как бы чего лишнего не сболтнуть...

– Понимаю, – кивает собеседник. – Военная тайна?

– Именно, – подтверждаю я.

Закончив со мной, Обнорский переключается на бородатого соседа.

– Ну-с, как ваши дела?

Из разговора я узнаю, что сосед – капитан, командир артиллерийской батареи. Его тоже ранило в битве при Ляояне. Если и капитан псих, то почему именно артиллерист и рубка при Ляояне, а не какой-нибудь Наполеон после Ватерлоо или Бородино? Ну не могут люди трогаться кукухой на одной почве!

Так, на сон это не похоже. Бред сумасшедшего? Если и бред, то слишком детальный и продуманный до мельчайших деталей. В общем, вариант с психическим заболеванием отправляется в мусорную корзину. Будем исходить из того, что такова реальность, а в ней надо как-то обустроиться и жить. Дальше? Дальше будет видно, что к чему.

Обнорский, завершив обход, вышел из палаты.

Сосед-бородач облегчённо вздыхает и поворачивается ко мне:

– Ну что, очухался, Николая?

– Простите, это вы ко мне?

Артиллерист смеётся:

– А к кому ещё? Неужели не помнишь меня, Коля? Мы вместе кутили в Порт-Артуре в заведении мадемуазель Коко! Ты тогда увёл у меня из-под носа красивую кореяночку. Дело чуть до дуэли не дошло. Но потом мы помирились и даже выпили на брудершафт, – продолжает улыбаться капитан.

– Амнезия, – вздыхаю я. – Даже имени своего не помню.

Взгляд артиллериста становится серьёзным.

– Крепко ж тебя приложило, братец! Ну да ничего, наш Обнорский даже безнадёжных на ноги ставит, а уж ты наверняка скоро снова вернёшься в бой и будешь лупцевать япошек.

– Да вроде они и сами не прочь дать нам сдачи, – говорю я, вспоминая школьные уроки истории.

– Это да. Самураи тоже не лыком шиты, и шапками их не закидаешь. Ничего, русский солдат всё равно победит! – патетически провозглашает капитан.

Огорчать его не хочется. Если я действительно оказался в прошлом (правда, если вспомнить демонов, то в каком-то уж больно альтернативном прошлом), война с Японией окончится позорным миром. Хотя считается, что повоюй наши ещё немного, и экономика Страны восходящего солнца уже бы не выдержала и рассыпалась, а вместе с ней посыпался бы и фронт. Однако слов из песни не выкинешь.

– Слушай, – прошу я, – расскажи, пожалуйста, что ты обо мне знаешь... Может, так мне легче будет вспомнить, что и как.

– Эх, Николая, я бы с радостью тебе помог, но мы тогда оба с тобой так набрались, что вспоминать-то нечего... – огорчает сосед по палате.

Ну вот, а я-то надеялся, что, может, он меня просветит.

– Тогда расскажи хоть, как дела на фронте обстоят?

– Дела как сажа бела, – признаётся капитан. – Ломят нас япошки. Берут не умением, а числом! По своим же трупам лезут, и только вперёд. Ты бы знал, сколько их одна моя батарея накосила, а что толку?! Всё равно пришлось отступить... – Чувствуется, что я задел больное место. – Ничего! Военная фортуна переменчива. Будет и на нашей стороне виктория! – коротко бросает он. – Кстати, Николая, у тебя как, закурить найдётся?

– Не знаю, – пожимаю плечами я. – А тебе можно?
– Мне теперь всё можно, даже если нельзя! – туманно отвечает он.
– Сейчас посмотрю, – говорю я и, приподнявшись на локтях, начинаю рыться в тумбочке.

Первым же делом натыкаюсь на серебряный портсигар с вензелем в виде двуглавого орла на крышке. Открываю – он битком набит папиросами с неизвестными названиями. Прежде никогда не курил, да и сейчас при виде табачных изделий курить не тянет. Уже хорошо, но вдруг возникнет соблазн? Надо избавляться от этой заразы раз и навсегда.

Недрогнувшей рукой отдаю портсигар соседу:

– Дарю!

– Благодарю, Николая! – расплывается в улыбке он.

– Слушай, а как тебя зовут-то?

– Мишель.

– Миша, значит.

Продолжаю рыться в тумбочке. Что тут у нас? Пачка писем, бережно перехваченных тесёмкой. Надо будет почитать, в них может находиться полезная для меня информация. Документов, увы, нет. Они наверняка на хранении у главврача, как и моя медкарта. Тоже не мешало бы на неё взглянуть, но чуток позже. Кошелёк. Открываю – ну, не богатства пещеры Аладдина: несколько бумажных купюр и какая-то мелочь. Хрен знает, что на эту сумму можно купить. Может, полцарства, а может, на проезд в трамвае не хватит. Ещё какая-то бытовая ерунда, в моей ситуации бесполезная.

Покончив с поисками, ложусь на спину и закрываю глаза. Меня никто не беспокоит, и можно спокойно подремать. Сам не замечаю, как проваливаюсь в глубокий сон.

Вечером, после ужина, за разговором выведываю, где у нас кабинет главврача. Оказывается, в этом же здании. Сам госпиталь одноэтажный. Уже хорошо, не придётся корчить из себя альпиниста.

Часа в два ночи, по моим прикидкам, я приподнялся с кровати и на цыпочках подошёл к дверям, приоткрыл их, высунул голову и осмотрелся. Неподалёку находился медпост. Дежурная медсестричка спала, уронив голову на руки. Умаялась, видать, бедолага.

Тихо, чтобы не разбудить женщину, я подкрался к кабинету главврача. Та-дам! И сразу первое препятствие – дверь оказалась заперта. Жаль, я не вор-медвежатник, способный вскрыть любой замок ногтем мизинца. К счастью, преграда оказалась так себе, мне удалось отжать язычок замка и отпереть дверь. Видимо, меньше всего здесь опасались чьих-то неожиданных визитов.

Так же тихо проскользнул в кабинет. Для подстраховки снова отжал замок и заперся. Теперь ни одна собака не догадается, что внутри кто-то есть. Что будет со мной, если тут застукают, думать не хотелось. В расход, конечно, не пустят, но проблем не оберёшься.

Занавески были отдёрнуты, в окошко глядела тусклая луна. Её света было недостаточно для моих поисков, и я включил настольную лампу. Вот и полка с медкартами пациентов. Найдя на обложке свою фамилию (то есть Николая Гордеева), взял медкарту, положил на стол и углубился в чтение. Больше всего меня интересовали титульный лист и информация о том, как я (ну, или тот, в чьём теле я вдруг оказался) угодил в госпиталь.

Удалось выяснить, что мне двадцать пять годков от роду, служу я во второй отдельной кавалерийской бригаде (не жандарм то есть) на должности командира взвода разведки драгунского полка. Был ранен в столкновении с японской конницей. Под Гордеевым (то есть мной) убили лошадь, при падении я потерял сознание от сильного удара и был спасён своим ординарцем, нижним чином Кузьмой Скоробутом, коему, со слов главврача, должен проставиться штофом горячительной жидкости. Не проблема, хоть два штофа!

Тут я услышал чьи-то мерные шаги – кто-то грузно шёл по коридору. Он остановился напротив кабинета главврача и, вставив ключ, начал поворачивать, чтобы открыть дверь.

Глава 3

Я лихорадочно закрутил головой. Есть! Врачебная кушетка для осмотра пациентов, а с неё до полу свисает белая простыня. Успел в последний момент, ноги пришлось подтянуть, чтобы не торчали – коротковата кушетка под мой рост.

Дверь открылась, шаги замерли в середине кабинета. Я задержал дыхание, прикинулся ветошью, стараясь не отвечивать ничем. Послышался стук ведра, поставленного на пол. Плескание воды в ведре.

Как сладко с тобою мне быть
И молча душой погружаться
В лазурные очи твои.

Зашаркала по полу половая тряпка на швабре. Слава богу, не японский шпион, не наша контрразведка – простая ночная приборка. А неплохой у приборщика-санитара баритон. Фальшивит, правда, малость.

Всю пылкость, все страсти души
Так сильно они выражают,
Как слово не выразит их.
И сердце трепещет невольно
При виде тебя!

Мокрая тряпка въехала под кушетку и ткнулась мне прямо в лицо. Чудом сдержался, не чихнул. Тряпка ещё поелозила под кушеткой и исчезла. Счастье, что санитар не дотумкал заглянуть под простынь. Вот бы удивился. Пришлось бы что-то врать. Фантазия у меня, конечно, есть, но придумать нечто правдоподобное... Это вряд ли.

Шаги удалились, хлопнула дверь. Повернулся в замке ключ. Выждав немного, я выбрался из-под кушетки. Приник ухом к двери, прислушался – тишина. Легонько дёрнул дверь. Как и думал, заперта.

Только собрался заново отжать язычок замка, как услышал непонятную возню. Что там творится, даже выяснить не хочется. Через дверь в коридор пока не попасть. Ничего, есть ещё окно. Подцепил шпингалет, потянул наверх. Не идёт. А нет, идёт, но с трудом. Дёрг, дёрг. По миллиметру, но идёт. Есть! Шпингалет выскочил из гнезда.

Осторожно, придерживая створку окна рукой, чтобы не скрипнуть лишней раз, приоткрываю её, выглядываю наружу. Отлично. Темнота – друг молодёжи. Первый этаж, под ногами мягкая земля. Никакого риска. Теперь прикрыть окно обратно поплотнее. А вот никто не заметит, а и заметит, не обратит внимания, что его открывали.

Сворачиваю за угол, спокойно иду вдоль госпитальной стены. И тут из-за угла прямо на меня выныривает тёмная фигура. Тёмно-коричневый халат, руки с чётками молитвенно сложены на груди, бритый череп с удлинёнными мочками ушей, на ногах – плетённые из лыка сандалии. Шея какая-то странная – слишком длинная. Из-под круглой плетёной соломенной шляпы огненным блеском сверкнули глаза.

Да он растёт, что ли? И шея удлиняется, вытягивается... Чертовщина какая-то! Фигура монаха увеличивалась на глазах, шея удлинялась, словно змеиная. В приоткрытом рту ощерились острые, как иглы, зубы.

В груди кольнуло. Амулет?

Словно неведомая, но благожелательная ко мне сила подтолкнула взглянуть странному монаху глаза в глаза и с таким выражением, как сверху вниз, будто не монах выше меня уже в два раза, а я его. Фигура противника вроде даже перестала расти, скорее наоборот – съёжилась, сравнявшись со мной ростом.

Стараюсь не отводить взгляда от его глаз. Лето, тепло, а по спине ползут капли ледяного пота. Амулет уже не колет, а бьёт током, жжётся.

Не отводи глаз, только не отводи...

В этот момент в госпитале страшно закричали. Истерический женский крик. И сразу тишина испарилась вследствие беготни и заполошных криков.

Монах щёлкнул от досады своими зубами-иглами, развернулся и бегом припустил прочь. Делаю за ним по инерции пару шагов и тут же себя останавливаю. Ну и куда собрался, дурень? Ночь, местность

незнакомая, а я в кальсонах и нательной рубашке, да куцый больничный халатец поверх.

Тем более тревога в госпитале не унималась. У моей палаты народ и толпился. Из палаты двое санитаров выносят сомлевшую сестричку. Она, поди, и кричала, разбудив всю округу.

Проталкиваюсь к двери.

– Позвольте, господа... Раз-решите!..

Глянул – и чудом удержал в себе содержимое желудка. Миша, Мишель, артиллерист, которого я лишил удовольствия трахнуть какую-то коряночку в порт-артурском заведении мадам... а, нет, мадмуазель Коко, лежит навзничь на своей койке. Горло вырвано – одна сплошная кровавая дыра. И сам весь залит собственной кровью, и всё вокруг – койка, пол...

Кто же его так?

Поневоле подумаешь: «На его месте должен был быть я...» В горле моментально пересохло и засадило, словно шершавым наждаком провели.

– Ротмистр! – раздаётся со спины. – Господин Гордеев.

Поскольку других Гордеевых тут нет, оборачиваюсь. Незнакомый офицер, на погонах три звёздочки. Лет сорока пяти. Тёмные, чуть седоватые на висках волосы.

– Так точно, – отвечаю нейтрально. – С кем имею?..

– Подполковник Николов, – отвечает он. – Управление второго генерал-квартирмейстера Главного штаба.

Это ещё что за чёрт? Тыловик, что ли? И чего ему от меня надо?

– Господин Обнорский временно уступил нам свой кабинет, – продолжает подполковник с тремя звёздочками. – Прошу пройти со мной.

– Ну, раз так, то не могу отказать... Тем более старшему по чину, – развожу я руками.

Что же ему надо от меня? Ой, засыплюсь... Удастся ли списать на амнезию? Ладно, всё равно выбора нет. Придерживаюсь выбранной линии поведения, а там – куда кривая вывезет.

Ключ в пальцах Николова делает пару оборотов в замке кабинета, покинутого мною так недавно. Заходим. Николов закрывает дверь – к счастью, не на ключ, – жестом предлагает присесть к столу. Я не

гордый, предлагают – присяду. Сам Николов устраивается по-хозяйски на месте Обнорского. Щёлкает портсигаром, протягивает мне.

– Благодарю, ваше...

Заминаюсь. Бес его знает, как к нему тут обращаться: превосходительство, благородие, светлость?

– Мы тут без чинов, так что можно запросто – Сергей Красенович.

– Запросто так запросто.

Папиросу не беру, жду, что будет дальше. Чувствую себя Штирлицем в кабинете Мюллера. Попал ты, Лёха, не по-детски.

– Простите любопытство, у вас такое необычное отчество, господин подполковник.

Почти чёрные глаза воткнулись в меня, словно те буравчики. Измеряют, взвешивают.

– Я болгарин. Семья отца уехала в Россию ещё до семьдесят восьмого года.

Киваю – дескать, понял теперь, не дурак. И тут как молнией в мозг сверкнуло – это ж не интендант. Контрразведка, особист. «Молчи-молчи» на армейском жаргоне. Аж в животе селезёнка с испугу ёкнула.

– Николай Михалыч, – продолжает русскоподданный болгарин совершенно нейтральным тоном, – а как случилось, что ночью вас не оказалось в палате вместе с несчастным соседом вашим?

– Выходил покурить, господин подполковник, – вру я и не краснею.

Николов посмотрел на меня своими зыркалками. Понимающе кивнул. Скосил глаза на нетронутые мною папироски в портсигаре. А, чёрт! Почти спалился. Беру папироску, чиркаю спичками. Душистый табачок у подполковника, а в горле всё одно першит. С огромным трудом сдерживаюсь, чтобы не закашляться.

– Видели что-то необычное?

Ну а тут-то чего врать?

– Видел, Сергей Красенович. – Откладываю папиросу на край пепельницы. – Буддийского монаха. В этой их хламиде и шляпе. Необычный монах: словно вырос в два раза, а потом уменьшился, и шея какая-то странная – как туловище змеиное, с удава толщиной. И зубы... острые, и слишком много их во рту.

Наблюдаю, какое впечатление произвели мои слова на Николова. Похоже, ему мой ответ не по душе.

– И куда делся монах? – напряжённо спрашивает он.

– Да я посмотрел на него как бы сверху вниз, он обратно уменьшился и рванул подальше, а тут как раз в госпитале шум поднялся. Может, у меня галлюцинации после ранения и амнезии?

Николов усмехается в усы.

– Нет, ротмистр, не галлюцинация. Вы вообще очень везучий человек, Николай Михайлович. Это и был убийца капитана Горбатова. Не посмотри вы ему в глаза, он бы и вас... своими зубками порвал.

– Монах?

– Да какой он монах? Обычный демон – микоши-нюдо.

– Демон? И как он тут оказался?

– Так же, как и все мы, и наши противники – по приказу своих императоров. Война-с.

– Демон?

– А что удивительного? Они такие же подданные своих монархов, как и обычные люди. И патриотизм им не чужд.

Николов неожиданно протянул руку к моей груди и извлёк наружу мой восьмиконечный амулет. Так и впился в него глазами.

– Впрочем, странно, что вы меня об этом спрашиваете. Вы, как охотник на демонов, лучше меня должны это знать.

И что мне ему сказать? Что я вообще не Гордеев и не из этого времени? Да что там, даже не из этого мира, раз уж тут демоны вовсю воюют в составе армейских подразделений.

– У меня, господин подполковник, амнезия. Не верите, поинтересуйтесь у господина Обнорского. А амулет этот я на Ближнем Востоке сторговал у местного бедуина.

Говорить правду легко и приятно. Говорите всегда правду. Но не всю.

Тишком про себя перевожу дух.

– Николай Михалыч, вы сказали, что вышли ночью покурить...

Киваю:

– Ну да...

– Потрудитесь объяснить тогда: отчего же в начале нашего разговора от вас вовсе никаким табаком не пахло?

Песец, он, если вы не знаете, вот такой. Большая белая полярная лисонька пришла по мою душу.

– Э-э... так, Сергей Красенович, выйти-то я вышел, только покурить не успел. Звёзды, ночь фантастическая. А потом демон этот, и не до того.

Николов снова впился в меня своими глазами. Кивнул на пепельницу, где почти погасла моя папироска.

– Так докуривайте, ротмистр.

И ждёт, зараза, что делать буду.

Тянусь к папиросе.

В этот момент за спиной бухает входная дверь.

– Вашвысокобродь! Есть тут местная кумирня. Мог там укрыться. Больше негде.

Оборачиваюсь вместе с Николовым на вошедшего. Казак (опознал не по погонам и околышу фуражки, а по торчащему из-под козырька буйному чубу) лет двадцати пяти.

– Как далеко? – Голос Николова сух и решителен.

– Минут десять верхами.

Глава 4

Николов резко поднимается. Я машинально подскакиваю вслед за ним. Вот что значит армейская выучка – субординация аж в корку головного мозга зашита, действую на одних рефлексах.

Особист смотрит на меня, причём так, что под его взором я начинаю чувствовать себя не в своей тарелке. Видимо, их этому обучают.

– Господин штабс-ротмистр, – говорит он теперь уже официально, – я не имею права приказывать вам, поскольку вы раненый и не проходите по моему ведомству, но...

– Не утруждайте себя, ваше высокоблагородие (слава богу, теперь я знаю, как его титуловать!), – само собой вырывается из меня. – Можете всецело на меня рассчитывать.

Этот демон убил моего соседа по палате, второй жертвой был бы я. Надо обязательно найти гада и отомстить. Не в моих правилах давать врагу пощады и праздновать труса.

– Рад это слышать, – облегчённо вздыхает особист. – Признаюсь, людей у меня под рукой – раз-два и обчёлся.

– Сколько нас всего?

Я твёрд как никогда в этом «нас». Неважно, что мир другой и это другая Россия. Русский солдат при любых обстоятельствах остаётся верен Родине и присяге. Я бил врага страны в Сирии, буду делать это и здесь.

– Со мной мой водитель, вольноопределяющийся Кузьмин, да два казака конвоя, братья Лукашины, – поясняет особист.

– Нижний чин третьей сотни девятнадцатого Донского казачьего полка Тимофей Лукашин-старший, – вытягивается в струнку станичник.

– Лукашин-младший ждёт возле моего автомобиля, – добавляет Николов.

– У нас есть ещё немного времени? Может, среди выздоравливающих найдутся добровольцы? – с надеждой спрашиваю я.

– Смейтесь, ротмистр? Простого бойца на демона с собой не возьмёшь. Тут нужен человек со способностями, – немного непонятно говорит особист.

К моему удивлению, такой специалист находится среди легкораненых. Это матрос Жалдырин. Каким ветром сюда занесло моремана, выяснять некогда, как и некогда разбираться, почему именно его выбрал Николов. Видимо, Жалдырин умеет что-то такое, что может пригодиться в нашей охоте.

Выдернутая из постели заспанная кастелянша выдаёт нам одежду, не в больничных же халатах отправляться на войнушку с демоном. Выясняется, что мой мундир забрал ординарец, чтобы заштопать, постирать и привести в порядок. В итоге мне выдают чужой китель белого цвета, чужие синие галифе с лампасами, сапоги, портянки, ремень и фуражку.

– А вот это ваше, – протягивает мне кастелянша какую-то саблюку с перевязью.

Блин, я в последний раз шашкой махал ещё в детстве. Не удержавшись, обнажаю клинок. Лезвие выглядит странным, будто отливает серебром. И при этом выглядит опасным – аж мороз по коже.

– Знатная шашка, вашбродь, заговорённая! – одобрительно хмыкает Тимофей.

– Откуда знаешь?

– Да как мне не знать?! – обижается тот. – Я ж характерник.

– Вот даже как, – хмыкаю я. – Твой брат что, тоже характерник?

– Никак нет, Фёдор у нас оборотень. В медведя перевоплощается, – с гордостью за брата отвечает казак.

Ох, мама дорогая, куда ж я попал... Надеюсь, этот оборотень не грызёт всех, кто попадает под руку.

Видя смятение на моём лице, казак смеётся:

– Не волнуйтесь, вашбродь, Федя в любом обличье остаётся казаком!

– Ну-ну... – неопределённо протягиваю я.

Наскоро переодеваюсь, заодно получаю первую возможность посмотреть на нового себя в зеркале. М-да... Кожа да кости. Лишь маленький намёк на мускулатуру – кажется, ротмистр Гордеев не очень увлекался спортом. Очень худое лицо с ввалившимися щеками, большими глазами и тонкими усиками. Нет, некоторым романтическим

барышням такой байроновский типаж мужчин нравится, но я бы предпочёл держать себя в хорошей физической форме и быть таким, как прежде – кровь с молоком.

Вместе с Николовым выходим из госпиталя. Там ждёт агрегат, лишь в общих чертах напоминающий автомобиль. За рулём водила. На нём, как полагается, чёрная кожаная куртка, кожаный шлем и кожаные же краги. Глаза прячутся за огромными очками-консервами. Общую цветовую гамму портит неуставной светлый шарфик, обмотанный несколько раз вокруг шеи.

Брат-близнец Тимофея Лукашина сидит верхом на лошади, за его спину перекинута винтовка, в левой руке – поводья от другого коня. Странно, что коняги от нашего оборотня не шарахаются. Или Тимофей пошутил? Хотя вряд ли, не до шуток сейчас.

При виде машины я мысленно крещусь. Наездник из меня так себе, а надежды на память нового тела мало. Пока что оно не спешило приходить мне на помощь.

Прежде чем сесть в авто, Николов открывает бардачок, достаёт из него револьвер и подаёт мне, рукояткой вперёд.

– Все пули серебряные, ротмистр, – поясняет особист. – Постарайтесь впустую не тратить. Вы бы знали, как трудно выбивать их у интендантов!

Я киваю. Мне это хорошо знакомо по той жизни.

Особист пристраивается рядом с водителем, я сажусь сзади.

К моему огромному удивлению, авто заводится и даже едет. Катим по дороге с сумасшедшей скоростью двадцать километров в час. По бокам скачут наши казачки. И я понимаю, почему не сзади: за машиной тянется огромный шлейф пыли и дыма – чадит наш чудо-агрегат не по-детски.

Внезапно Николов поворачивается ко мне:

– Простите мне моё любопытство, господин ротмистр, но не было ли в вашем роду далматинцев, венгров или, на худой конец, румын или осетин?

Недоумённо пожимаю плечами:

– Да вроде господь миловал, чистокровный русак. – Сам не знаю, откуда берётся во мне эта уверенность.

– Странно, – задумчиво тянет особист.

– А что тут странного?

– Ваша профессия, ротмистр. Вы – охотник за нечистью. У итальянцев это бенанданти, у далматинцев – крестники, у венгров – талтос, у румын – калушари, у осетин – буркудзаута.

– Ну... видимо, как-то само собой проявилось, – не зная, что и ответить, произношу я. – Всякое в жизни возможно...

Николов качает головой, но, к счастью, тему не развивает.

– Тут остановитесь, вашскородь, – просит характерник. – До монастыря уже рукой подать. Теперь надо тишком добираться.

Особист подаёт знак шофёру, тот послушно тормозит и заглушает двигатель. К моему удивлению, водитель не остаётся с авто, а идёт вместе с нами к монастырю.

Видя мой невысказанный вопрос, Николов поясняет:

– Как понимаете, у меня вся команда непростая. Вольноопределяющийся Кузьмин – вампир.

Я ошарашенно смотрю на шофёра. Тот поднимает очки, закрывавшие половину лица, и теперь я вижу его неестественную бледность. Когда Кузьмин приподнимает верхнюю губу, обнажаются два острых клыка.

Весёлая компания подобралась у меня сегодня. Кого только в ней нет, даже вервольф с вурдалаком затесались. И главное, все на службе в российской армии! Не зря нас, выходит, орками называют!

Как и полагается, монастырь находится на пригорке, со всех сторон его окружает высокая каменная стена. Не крепость, но и с наскоку не возьмёшь, да ещё и нашими малыми силами. К тому же монастырь не производит впечатление опустевшего. Несмотря на поздний час, в нём кипит жизнь. Доносятся отголоски чьих-то разговоров, стук и бряцанье каких-то предметов.

– Мы как, нахрапом пойдём на штурм? – интересуюсь я.

– А у вас есть какие-то предложения? – интересуется Николов.

– Парочка имеется. Думаю, сразу всем переть буром не стоит.

Особист слегка обалдело смотрит на меня, и я понимаю, что мой «французский» немного неуместен. Но слово не воробей, продолжаю излагать план:

– Разделимся на две части. Одна пойдёт впереди, другая сзади. Заодно подстрахуемся, если демон попытается удрать.

Николов быстро соглашается. Как старший по званию, он же и разделяет наш отряд. Вместе с вампиром и оборотнем они заходят с

тыла, а мы с матросом и характерником идём в лоб.

Колючки-путанки на стене нет, но так просто не перелезешь – высоко. Применяем знакомую нам с характерником хитрость: они с морячком подкидывают меня вверх, я цепляюсь за край стены, подтягиваюсь, оказываюсь на гребне и, протянув руки, начинаю поднимать их по очереди.

Спускаемся уже не в пример легче. И почти сразу натываемся не то на часового, не то на вышедшего подышать свежим воздухом монаха. У него глаза становятся большими, как чайные блюдца, и, пока он не успел набрать полные лёгкие воздуха, чтобы призвать на помощь, подлетаю к нему, сбиваю подсечкой и резким ударом по скуластой физиономии отправляю в царство снов. Всё это происходит молниеносно.

– Ловко вы его, вашбродь, – довольно крикает казак. – Поучите при случае?

Я не успеваю ответить, как где-то спереди бухает гром, а небо озаряется яркой вспышкой.

– Граната? – спохватываюсь я.

– Никак нет, – отвечает характерник. – То наш господин подполковник в схватку вступил. Всплеск магической энергии.

Я слегка охреневаю от происходящего.

Слышится чей-то душераздирающий крик, несколько раз бахает, как из пушки, на долю секунды становится светло как днём. И тут кирпичная кладка строения напротив рушится, будто картонная, а в проём протискивается фигура давешнего монаха-убийцы. В руках у него бумажный фонарь на бамбуковом шесте и копьё-посох. Он сразу замечает нас и вскидывает копьё.

– Стреляйте! – кричит характерник. – Не дайте ему метнуть посох!

Револьвер сам прыгает мне в руки. Не надо целиться, я действую на автомате. Нажимаю на спусковой крючок, чувствую лёгкую отдачу. Ствол изрыгает сноп пламени.

Я знаю, что попал – с такого расстояния просто невозможно промахнуться, – однако монаху всё нипочём. На его лице появляется хищная усмешка. Стреляю второй раз, потом третий, рядом палит из карабина Лукашин-старший, но всё без толку. Серебряные пули демона не берут. Он снова поднимает копьё.

И тут проявляется особенный дар моремана. Он что-то произносит, топает ногой – и сразу же из этого места начинает бить ручей. Вода окружает демона. Тот перестаёт ухмыляться, теперь на его лице растерянность.

– Эта тварь боится проточной воды! – довольно потирает ладоши Жалдырин.

Бух!

Неподалёку осыпается каменная кладка, пыль ещё не успевает осесть, как сквозь дыру не выходят – вылетают Николов со спутниками. Особист что-то кричит демону на японском.

– «Ты проиграл. Я предвидел твою хитрость», – приходит мне на помощь характерник, оказавшийся ещё и полиглотом.

Тут происходит нечто, заставившее меня открыть рот от изумления. Демон испаряется, оставляя бумажный фонарь на бамбуковом шесте и копьё.

– Обалдеть! – произношу я и тянусь к трофеям.

– Нет! – в один голос кричат Николов и характерник, но уже поздно: я коснулся одного из предметов.

– Ну, вашбродь, держись! – недовольно качает головой Лукашин-старший. – Сейчас начнётся!

Некогда уточнить, что именно, на это уже не остаётся времени. Начинает твориться нечто невообразимое. Фонарь на бамбуковом шесте охватывает рыжее пламя, а когда оно гаснет, я вижу перед собой существо, чем-то смахивающее на огненного цвета лисицу.

– Дзинко! – бормочет Тимофей. – Лиса-оборотень.

Копьё обращается во что-то неопишное – на наших глазах появляется монстр в виде гигантского паука-быка-тигра с лицом человека.

– Цитигумо! – ахает Тимофей, очевидно, хорошо знающий местный бестиарий.

Я скидываю револьвер, целясь в дзинко, но меня останавливает Лукашин-младший:

– Погодите, вашбродь. Дозвольте мне с этой рыжей бестией потягаться! – весело кричит он.

Дотоле трансформацию оборотня мне приходилось видеть только в голливудских фильмах, но одно дело, когда смотришь кино, и совсем другое – когда это происходит у тебя на виду в реальной жизни.

Сначала тело Фёдора вытянулось, запузырилось мускулами, в клочья разрывая одежду, лицо исказилось, нос подался вперёд, всё тело мгновенно заросло шерстью, вместо рук образовались лапы с огромными когтями. Оборотень опустился на четвереньки, поднял морду и, раскрыв пасть, бросился на дзинко.

И тут же резкий толчок сваливает меня с ног – это Тимофей успевает оттолкнуть меня от разошедшегося не на шутку цитигумо. Выясняется, что и этой твари плевать на пули из серебра. Они отскакивают от него, как горох от стенки.

Что-то обжигает мой бок. Я опускаю взгляд и понимаю, что это ножны от клинка, который чуть ли не раскалился. Обнажаю шашку и вижу, как на ней проступает загадочный узор. Готов поклясться чем угодно, прежде его на лезвии не было.

Ни Николов, ни морячок-кудесник, ни казак-характерник с вампиром ничего не могут поделать с разъярённым цитигумо.

– Умри, сволочь! – кричу я и с шашкой наперевес кидаюсь на монстра.

Тот раздражённо отмахивается лапой, клинок касается её и, к моему огромному удивлению, сносит твари конечность.

– Убейте гада! – кричит Николов.

Ободрённый, я набрасываюсь на страшное порождение магии с утроенной силой. Каждый мой удар причиняет чудовищу боль, хлещет кровь, ещё немного – и она покрывает меня с ног до головы. Чем больше ран я наношу твари, тем слабее и неповоротливее она становится. Наконец мне удаётся подрубить ей последние лапы, свалить на землю. Взметнув клинок, обрушиваю его на шею цитигумо, чтобы отделить башку от туловища. Мне это удаётся, правда, не с первого удара. Чувствую себя мясником.

Тварь издыхает, я облегчённо вытираю пот, размазав по лицу чужую кровь, и убираю клинок в ножны. Неподалёку валится дзинко, его горло разорвано, из него хлещет бурая жижа.

Оборотень-медведь встаёт на дыбы, начинает бить себя по груди и издаёт трубный крик. А потом... Потом перед нами появляется прежний казак Лукашин, правда, из одежды на нём практически ничего нет, кроме лоскутков ткани.

– Никакой формы на тебя не напасёшься, – бурчит Николов, но я-то вижу, что это напускное. На самом деле особист доволен. – Иди,

открой багажник, там есть ещё один комплект, – добавляет он. – Последний...

На этом приключения в монастыре не заканчиваются. Характерник приводит откуда-то маленького человечка. Он кажется рахитичным ребёнком, весь щуплый и тонкий, однако у него лицо древнего старика.

– Вот, помощника демона сыскал, – говорит Лукашин-старший. – Здесь будем допрашивать или...

– Здесь, – прерывает Николов.

Японца сажают на колени. Особист останавливается напротив и начинает спрашивать. Сначала слуга демона молчит, однако пара затрещин Лукашина-оборотня приводят его в чувство, и японец говорит. Что именно он сказал, не знаю, допрос вёлся на японском языке. Похоже, информация была важной: Николов несколько раз удовлетворённо качнул головой.

– Всё, больше он не знает, – наконец сказал особист. – Кузьмин, он твой.

Вампир довольно ослабился.

– Пойдёмте к машине, – предложил мне Николов. – Кузьмин голодный уже несколько дней. Поверьте, это зрелище не из привлекательных.

Глава 5

Остаток ночи я спал как убитый. Хотя на войне это плохое сравнение. В общем, дрых без сновидений и без задних ног.

Утром после завтрака – крепкий чай с пилёным сахаром, отличный белый хлеб из госпитальной пекарни и тушёное мясо с гречневой кашей, – Обнорский пригласил в свой кабинет. Снова стандартный медицинский осмотр с упором на рефлексы, ибо задействовал любезный Сергей Иваныч в основном инструментарий для их проверки. И по коленке молоточком побил, и перед зрачками его туда-сюда поводил, и по коже в разных щекотных местах поцарапал.

– Что ж, батенька, рефлексы ваши в полном порядке. А память... Голова – предмет тёмный и всё ещё до конца не изученный. Но в вашем случае ретроградная амнезия, скорее всего, связана с падением с лошади, что и привело вас на госпитальную койку.

Обнорский задумчиво теревит очки, нервически почёсывает переносицу. Жду, внимательно смотрю на него в ожидании, что скажет эскулап.

– Можем попробовать лечение регрессивным гипнозом. Ввести вас, господин ротмистр, в состояние гипнотического сна и отправить вас в ваше прошлое, словно на машине времени господина Уэллса.

Они тут что, машину времени изобрели? А! Это же роман какого-то древнего фантаста. Американец, англичанин?.. Не спеши, Лёха-Николя рот раскрывать. Слушай да на ус мотай.

– А поможет?

Я-то своё прошлое помню отлично, вот только это не прошлое моего реципиента штабс-ротмистра Гордеева.

Обнорский неопределённо хмыкает.

– Как повезёт... Но рекомендую возвращение в компанию сослуживцев, к обязанностям службы. А свежего воздуха и физических упражнений на передовой хоть отбавляй.

– Неужели выписываете?

– В остальном, Николай Михалыч, вы совершенно здоровый человек. А события минувшей ночи показали, что на ваше воинское

искусство амнезия никак не повлияла.

Это он про бой с демонами, что ли?

– Благодарю за лечение.

– Это наш долг. Пару часов поскучайте, пока мы оформим все необходимые бумаги. Да и ординарец ваш вскоре должен прибыть, чтобы сопроводить вас в часть.

– Сергей Иваныч, а нет ли в госпитале каких газетных подшивок? Может, при чтении что в голове и всплывёт из памяти.

– Должны быть в столовой. «Русское слово», «Харбинский вестник», «Биржевые ведомости», «Русский инвалид».

Отлично. Употребим время с пользой.

Употребил. Во-первых, продираться сквозь дореволюционный алфавит с его «ижицами», «ятями» и «фитами» – то ещё удовольствие. Во вторых, я всё-таки старлей-десантник, а не штабной аналитик, чтобы из разрозненных газетных статей всё на сто процентов понять про этот «дивный новый мир». Но кое-что уяснил.

Здесь демоны существуют повсеместно: баньши и банники, овинники и привидения, русалки и кикиморы, лембои и упыри – в каждой стране свои. Оборотня, вампира, водяного и трёх японских демонов я видел собственными глазами. Вся эта нечисть и нежить составляет около четверти имеющегося населения здешнего мира. И активно принимает участие в его делах.

При этом история если и отличается от истории нашего мира, то в каких-то мелочах. А значит, впереди унижительное поражение от японцев в этой войне. Первая русская революция, Первая мировая война, вторая и третья революции не заставят себя ждать. И я, двадцатипятилетний штабс-ротмистр, если уцелею в этой бойне, встречу их в самом расцвете сил. В тысяча девятьсот четырнадцатом году мне будет всего тридцать пять. Кризис среднего возраста, млять...

Или получится что-то изменить в истории? Попаданец я или кто?

– Вашбродь! Господин штабс-ротмистр! – раздаётся за спиной радостное.

Оборачиваюсь. В дверях столовой сияет как начищенный пятак (и такой же кругленький) рядовой – средних лет мужичок с вычищенным и отутюженным мундиром штабс-ротмистра (моим, выходит) в руках. А мужичок, стало быть, Кузьма Скоробут, мой ординарец, которому тушка моя нынешняя обязана своим спасением.

Встаю навстречу, обнимаю малость ошалевшего мужичка. Он явно не ожидал.

– Вы чегой-то это, вашбродь?

– Врачи сказали, я тебе жизнью обязан.

– Они и не то скажут, трубки клистирные. Обычное дело солдатское: сам погибай, а командира выручай.

– Ну, ты ж не погиб, Кузьма. А потому с меня тебе проставя будет.

Улыбается уже от уха и до уха. Только вот почему на него мой амulet почти сразу среагировал? Тоже демоническая сущность?

– А скажи-ка, братец... Ты же не простой мужик, рядовой обученный?

– Так вы ж знаете, вашбродь. Домовой я.

– Ты, Кузьма, не удивляйся, что я спрашиваю об обычных вещах. Меня при падении так приложило тогда, что память почти начисто отшибло. Тут помню, тут не помню... – Не смог удержаться и не вспомнить один из любимых фильмов. – Амнезия называется. Ты уж помоги мне, подскажи, кто у нас в полку кто из офицеров, да в нашем подразделении кто из солдат кто.

– Что, совсем ничего не помните, вашбродь?

Делаю неопределённый жест руками и плечами.

– Дак помогу, чего ж не помочь-то.

С помощью ординарца облачаюсь в мундир. Вбиваю ноги в яловые сапоги. Не берцы, конечно, но так... со скрипом.

Идём с Кузьмой получать документы по выписке и моё невеликое имущество. Последние штрихи – шашка, кобура с наганом на поясе, перчатки. Сердечно прощаюсь с Обнорским. Хороший человек, но лучше не встречаться с ним по его профессиональным обязанностям.

На выходе из госпиталя меня окликает Николов. Даже не знаю, радоваться ли такому вниманию со стороны контрразведчика-особиста.

– Николай Михалыч, приглашаю отобедать в местной харчевне. Отметить, так сказать, выздоровление и возвращение в строй.

Ну и как ему, такому красавцу, откажешь?

Вскидываю руку к козырьку, приветствуя старшего по званию. Он протягивает мне руку в перчатке – пожимаю, не снимая свою.

– С превеликим удовольствием, Сергей Красенович, вот только...

Я оглядываюсь на своего ординарца.

– Там и рядовому место найдётся. В харчевне есть зал и для нижних чинов.

Достаю кошелёк, протягиваю Кузьме трёшку. Надеюсь, достаточно.

По тому, как загорелись глаза моего домового-ординарца, понимаю, что даже более чем.

– На горячительное не налегай, – упреждаю ординарца вполголоса. – Лучше с собой купи, в расположении ещё отметим моё исцеление.

На входе в местный общепит нас поклонами приветствует упитанный не то китаец, не то маньчжур с косой до пояса – швейцар не швейцар, вышибала не вышибала. Однако кланяется уважительно. Мы с Николовым оставляем Кузьму в зале для нижних чинов, а сами уединяемся в отдельном кабинете.

Смотрю за Николовым и повторяю за ним, дабы не попасть совсем уж впросак. Ага, здесь допустимы некоторые вольности по части формы. Следом за подполковником снимаю перчатки, фуражку, отстёгиваю шапку, чтобы не путалась в ногах.

Усаживаемся за столиком на невысоких лежанках-канах с множеством разбросанных по ним подушек – хошь, под спину подложи, хошь, под пятую точку. Стол уже накрыт закусками, здесь же фарфоровый кувшинчик. Принюхиваюсь – в нос шибает сивушный запах.

– Ханшин, местная водка, – просвещает Николов. – Китайцы предпочитают пить её подогретой.

Морщусь. Бр-р... Тёплая водка, потные женщины – вспоминается присловье анекдота из моего настоящего. Думаю, не стоит радовать им Николова, вдруг не поймёт. Сильнее, чем водка, «благоухают» лежалые по несколько лет в извёстке яйца. А так-то экзотика, конечно: лёгкое козы под соусом, трепанги с грибами, морская капуста с какими-то микрокреветками, акульки плавники и ласточкины гнёзда.

Ну да я в китайском ресторане не первый раз, палочки в руках держать привык. Николов тоже действует ими достаточно умело.

– Где так наострились орудовать палочками?

– Да здесь и наострился, господин подполковник. Уже какой месяц воюем, а случаются и трактиры, где европейских приборов и не видали. Да и для местной еды палочки как-то удобнее.

Приносят новую перемену блюд: рубленая курица, бараний желудок с овощами, кисло-сладкий суп со свининой, рис.

Николов поднимает пиалушечку с местной тёплой водкой.

– За победу.

Опрокидывает. Я, хмыкнув, следом. Нет, не уговаривайте: плохо очищенная тёплая водка – совсем не то, что холодная. Надо срочно чем-то закусить. Мечу палочками в рот морскую капусту.

– Не стоит недооценивать врага, – отвечаю.

Увы, знаю, чем у нас кончилась русско-японская. Будут ли здесь отличия?

– Да, японец силён. Они сумели создать современный флот...

– Купить его у англичан, – перебиваю я и тут же прикусываю себя за язык.

Николов опасно блеснул на меня своими внимательными глазами.

– Позвольте вопрос, господин подполковник?

Николов приглашающе кивает: мол, давай, спрашивай, может, и отвечу.

– Вопрос элементарный, – продолжаю, – но у меня же амнезия, так что, надеюсь, простительно. Почему демоны вообще воюют?

Николов удивлён:

– Как почему? Они подданные своих императоров. Среди них немало патриотов. Мой Кузьмин – вольноопределяющийся, пошёл служить добровольцем.

– Японцы используют демонов только в открытом бою? Или то, с чем мы с вами столкнулись на днях, не единичный случай, а постоянная тактика?

– Гадят ли они у нас в тылу, вы подразумеваете?

Киваю утвердительно.

– Гадят. И не только демоны. Если время демонов чаще всего ночь, то японская разведка трудится круглосуточно.

– Ввиду визуальной схожести китайцев с японцами японским шпионам несложно притворяться местными торговцами, крестьянами, монахами, кули. Даже прислугой у наших офицеров.

– Да, это серьёзная проблема, ротмистр. К тому же японцы и настоящих китайцев прекрасно научились вербовать, чтобы выznавать наши секреты.

– Сергей Красенович, как получается, что мы не можем разбить японцев? Снять осаду с Порт-Артура? У нас что, недостаточно сил?

– Представьте себе, Николай Михалыч. Мы до сих пор воюем в основном теми частями, что изначально располагались на Дальнем Востоке.

– А подкрепление из европейской части России?

– Поступает. В час по чайной ложке.

Он ловит мой удивлённый взгляд.

– Напомню, на большинстве своего протяжения Транссиб – однопутка. Эшелоны с вооружением, припасами и подкреплением просачиваются, словно в бутылочное горлышко. Да и на море японцы нас переиграли в самом начале войны.

Точно. Логистика играет здесь на стороне врага.

– Есть, правда, надежда на эскадру Рождественского.

– Цусима! – Я не замечаю, что говорю вслух.

– Что Цусима? – напрягается Николов.

– Эскадра будет идти долго. Здесь, на суше, за это время успеет черт знает что произойти. А в Цусимском проливе легко подготовить ловушку нашим кораблям. Может, стоит их предупредить?

– Это ведь только ваши предположения? Насчёт Цусимы?

С сожалением развожу руками. Ну нет у меня резидента в Токио со связями в Генеральном штабе.

– Я всего лишь штабс-ротмистр. К тому же с потерявшейся памятью.

– Но с острым умом, – парирует Николов. – Не хотите ко мне под крылышко? Мне нравится ваш аналитический склад ума. Да и охотник на демонов нам потребен. Интересную жизнь гарантирую.

Болгарин разливает водку по пиалушечкам.

– Вынужден отказаться, ваше высокоблагородие.

Бровь Николова удивлённо ползёт вверх.

– Я ещё не до конца оправился после падения с лошади. И те самые мои способности дают сбой. К тому же в бригаде могут счесть, что я таким образом решил отсидеться в тылу и праздную труса.

– Понимаю ваши мотивы, ротмистр. Жаль. Возможно, в ближайшем будущем вы всё же примете моё предложение. А пока... небольшой презент. В память о нашем знакомстве.

Николов кладёт передо мной на стол продолговатый бумажный свёрток. Разворачиваю. Короткий меч-вакидзаси. Специально для харакири. Это намёк?

– Ваш трофей по праву, – поясняет подполковник, – с убитого цитигумо.

Выдвигаю клинок из ножен. Линия закалки распадается на иероглифы. Несколько групп по несколько знаков. Что бы эта надпись значила? И лезвие серебром отливает. Э-э, не родственница ли это моей шашке?

Обед закончен, мы с Николовым прощаемся: ему в штаб армии, мне – на фронт.

Кузьма ждёт у коновязи. В сидоре что-то стеклянно стучается друг о друга и аппетитно булькает. Нет, ординарец – это сила: и себя не обидел, и о командире не забыл. Поел, выпил, смотался к госпиталю, где оставил наших коней, и с ними вернулся к харчевне.

Стою, гляжу на своего коня, как дурак распоследний. И что с ним делать? Где у него нейтралка, передняя, задняя скорость? Кузьма смотрит на меня с недоумением: мол, чего энто с их благородием?

Закрыл глаза, взялся за луку седла – и тело само вспомнило всю последовательность движений. На счёт три я уже в седле, ноги в стремях. Главное, отпустить разум, и тело вспомнит всё на автомате. Сработало.

Едем. Или скачем? Передвигаемся, короче. Я впереди на лихом коне, Кузьма чуть сзади и сбоку.

– А скажи, Кузьма, что приключилось у нас, пока я в госпитале на койке бока отлёживал?

Скоробут озадаченно чешет затылок.

– У нас, вашбродь, это где? Во взводе, в батальоне или в бригаде?

– Ну, начни со взвода. – И тут меня осеняет. – Постой. Нет ли у нас среди солдат какого-нибудь ведуна или шамана?

– Сам не знаю, а разузнать разузнаю...

Мы сворачиваем за поворот. Выстрел, другой, третий. Конь мой хрипит и заваливается на бок. Просто чудом успеваю соскочить, едва не застряв в стремях. Падаю под прикрытие упавшего коня. Путаюсь в непривычной кобуре, рву из неё наган и кручу головой: как там мой ординарец? Скоробуту повезло чуть меньше, чем мне. Его лошадь тоже убита, а сам он лежит с придавленной её трупом ногой. Штанина

на второй ноге покраснела от крови. Но хоть до винтовки смог дотянуться.

Три фигуры направляются к нам из зарослей, держа оружие наизготовку. Белые брюки с гамашами, синие кителя, у двоих винтовки и жёлтые околыши фуражек, у третьего – револьвер и околыш красный. Понятно, офицер с двумя солдатами. Ну наглость – японская засада в русских тылах.

Вскидываю руку с наганом, жму спуск. Мимо, мимо, есть! Один из солдатиков роняет винтовку и оседает, держась руками за грудь. Скоро бут стреляет, но японцы приближаются, то и дело шныряя в стороны. Меня тоже сложно поздравить с меткими выстрелами.

У Кузьмы сухо щёлкает боёк – осечка или кончились патроны? Уцелевший солдат-японец вскидывает свою «арисаку» и целится в моего ординарца. Жбах! «Мосинка» Скоробута, отправленная барабашкиной силой в полёт, с глухим чмоком встречается с раскосой физиономией подданного микадо. Удар силён. Японец падает на дорогу и замирает без движения. Лицо его словно кровавая маска.

Перестреливаемся с японским офицером. Увы, патроны не бесконечны. Японец выхватывает свой офицерский меч и быстрым шагом идёт ко мне. Скоробут пытается запустить в него свою многострадальную винтовку, но офицер лишь отмахивается, и винтовка улетает, словно городошная бита, куда-то в кусты. Второй ментальный удар приходится по моему ординарцу. Неведомая сила отбрасывает Скоробута вместе с лошадьёю с дороги, словно детскую игрушку.

Амулет раскалёнными иглами жжёт грудь. Японец начинает трансформацию, оборачиваясь в человекоподобного демона с лицом на груди. Выхватываю саблю. Рожа демона скалится в гнусном хохоте. Японец делает несколько выпадов. С трудом отбиваю их, но на последнем ударе моя шашка летит в сторону, выбитая из рук.

– Гайдзин, отдай то, что тебе не принадлежит, и ты умрёшь лёгкой смертью.

Его палец утыкается в трофейный вакидзаси, который я сунул за голенище сапога.

Натягиваю на лицо выражение крайнего испуга.

– Не надо! Прошу вас! – кричу истошно. – Да забирайте этот ножик дурацкий!

Вытягиваю клинок из сапога. Ну, только бы не оплошать... Одним движением запускаю вакидзаси в полёт – точнёхонько в глаз японского демона. С хрипом падает демон на землю, облик его словно тает, превращаясь в чёрно-зелёный дым. Всё, что от него остаётся через пару минут, – пустой мундир и сапоги, а также мой вакидзаси, развоплотивший врага в ноль.

Бросаюсь к Кузьме, тот стонет с закрытыми глазами. Оттаскиваю его на обочину. Разрезаю вакидзаси напитавшуюся кровью штанину своего ординарца. К моему удивлению, рана больше не кровоточит и вообще подзатянулась уже розовым рубцом, сочащимся светлой сукровицей. Это что же, у демонов такая регенерация?!

Со стороны города за поворотом приближается весёлый перестук копыт, и на дорогу вылетает казачий разъезд. Ба, да это ж мои знакомые – братья Лукашины. Остальных не знаю.

Лукашины меня тоже узнают. Тимофей спрыгивает передо мной со своего коня, смотрит на следы побоища.

– Погуляли вы тут, вашбродь.

– Да уж не без этого. А где подполковник Николов?

– Так проводили его, в аккурат до штабу, теперь возвращаемся в свою сотню.

Посмотрел на меня, на мёртвых наших со Скоробутом коней. Вздохнул, повернулся к своим.

– Станичники, грузи япошек на заводных. И их благородию с ординарцем коней подведите!

Глава 6

Больше приключений на мою душу не выпало. Ближе к вечеру добираемся до какой-то китайской деревушки, где расквартирован мой взвод. Отсюда до линии фронта с десятков вёрст, почти тыл, хоть и не глубокий. Канонада и ружейная пальба не слышны: обе армии – и русская, и японцы – набираются сил и зализывают раны.

Скачем по высохшему руслу реки, которое используется здесь как дорога. Попутно обращаю внимание на высоченные заросли проса, так похожего на кукурузу, Скоробут называет его гаолян. Гаолян тут повсюду. Если противник захочет, сможет спокойно подобраться по нему, и ни одна зараза не заметит. Делаю про себя отметку.

Работников на полях нет, уже поздно, но пару раз нам встречаются одинокие китайцы в своих смешных шляпах. Лично я им завидую: маленький козырёк фуражки не спасает от палящих лучей солнца. Всё-таки нынешняя форма мало приспособлена для такого климата, не придумали ничего вроде широкополых шляп-панам, какие носили советские военнослужащие, например, в Средней Азии.

На въезде в деревню – двое часовых, бойцы, как я понимаю, из моего взвода. Оба невысокие, в лучшем случае метр шестьдесят, степенные мужички лет тридцати, а не безусые парнишки-срочники. Это радует. У таких подчинённых шило в одном месте не играет, хотя в армии всегда была популярна поговорка: лучше иметь два шкафа, чем одного отличника боевой и политической подготовки. Всё-таки взрослый мужик – есть взрослый мужик. Меньше неприятных сюрпризов и взбрыкиваний. Если воюют, так воюют.

Солдаты узнают меня, козыряют. Лица, кстати, довольные: похоже, настоящий Гордеев – толковый командир и к подчинённым относится нормально. Значит, будет меньше проблем при налаживании отношений.

Обращаю внимание, во что они одеты и обуты. Мундиры явно пообносившиеся, как это часто бывает в боевых частях (на фронте одежда просто горит), но хотя бы не рвань и лоскуты. Цвет явно не уставной, какая-то странная импровизация – от жёлто-зелёного до голубоватого оттенка. Не иначе, пытались красить белые заметные

гимнастёрки кустарным способом. На ногах вместо сапог обмотки и что-то вроде мягких туфель.

Отъехав, спрашиваю ординарца, что это за обувь.

– Улы, китайские башмаки, – поясняет Скоробут. – Сапоги уж больно быстро разбиваются на сопках, да и шум от них изрядный, а мы ж разведка, нам тихо нужно ходить.

Киваю. Оказывается, проблема с обувью – штука вечная, только ленивый, наверное, не критиковал откровенно неважного качества берцы, в которых ходила армия моего времени. Не зря многие старались купить кроссовки или гражданские ботинки.

По идее, после возвращения из госпиталя полагается представиться ротному, вернее, командиру эскадрона, но надо ехать в соседнюю деревню, да ещё и на ночь глядя. Думаю, подождёт непосредственный командир до утра. Поднимать бойцов тоже не хочу, пусть мужики выспятся. На войне ценна каждая минута спокойного сна – по себе знаю.

Попутно вспоминаю, что мне известно о драгунах, к коим я официально принадлежу. Не так уж и много. По сути, это конная пехота, некий аналог ВДВ, только средством доставки является лошадка, а не самолёт. Прибыв на нужное место, спешиваемся и идём в бой, то есть в сабельной рубке не участвуем. Оно, пожалуй, и к лучшему: кавалерист из меня так себе.

– Вам сюда, в эту фанзу, – указывает ординарец на небольшой домик с саманными стенами и какими-то странными окнами. Не сразу догадываюсь, что это полупрозрачная бумага.

Выделенная мне фанза стоит особняком и выглядит побогаче других. Видимо, для взвод ного расстарались, выбрали хату получше. На лавочке у дверей сидит пожилая женщина с широким скуластым лицом и узкими глазами-щёлочками. Очевидно, хозяйка квартиры.

При виде меня она встаёт и начинает что-то лопотать.

– Это она радуется вашему выздоровлению, – поясняет Скоробут.

– А ты что, по-китайски говорить умеешь?

– Нам, домовым, со всеми общий язык положено находить, – с достоинством отвечает ординарец. – Вы, вашбродь, почивать ложитесь, у них тут каны тёплые, с подогревом.

– Прости, что у них тёплое?

– Каны. Ну, навроде наших нар, – терпеливо поясняет солдат. – Китайцы их греют, чтобы спалось, значит, теплее. Так что ложитесь спать смело, а я утром вас разбужу.

Сон – дело хорошее.

Захожу в избу и сразу замечаю, что потолка здесь нет, крыша идёт сразу со стены. Наверху парочка жердей, на них сушатся какие-то тряпки. Нахожу нары, о которых говорил Скоробут. Постельного белья, само собой, нет, ну да ничего, и не в таких условиях ночевать приходилось.

Снимаю с себя мундир, разуваюсь и в нательном белье ложусь на кан. Он действительно тёплый, греет не хуже печки. Засыпаю практически сразу, стоит только закрыть глаза.

Просыпаюсь от чьего-то присутствия и сразу вижу рядом с собой Скоробута.

– Пора, вашбродь, – говорит он.

– Который час?

– Шесть утра.

Вместо моего мундира висит другой, тоже какого-то странного цвета – знакомая смесь зелёного и жёлтого.

– Это что такое?

– Простите, вашбродь, вас ведь в прошлый раз из-за белой гимнастёрки чуть не подстрелили. У нас тут парадов нет, вот я и взял на себя смелость один мундир китайцам отдать, чтобы они его, значит, перекрасили. А это заместо сапог, – протягивает он онучи и мягкие туфли.

Ругаться на домового не хочется, он и впрямь заботится о командире, не хочет, чтобы тот выделялся белой вороной. Кстати, вот к чему можно будет приложить мозг и послезнание – продумать маскировочный костюм, в котором будет легче ходить на разведку. Ну, и делать это уже не на кустарном уровне, а профессионально. Не зря англичане по итогам англо-бурской на цвет хаки перешли. Нам ещё только предстоит такое открытие. И чем раньше, тем лучше. Да тут просто поле не паханое!

– Личный состав уже выстроен, ожидает распоряжений.

Ну что ж, посмотрим, что за взвод у меня под ружьём.

Выхожу во двор, где в одну линию стоят драгуны. И сразу первое разочарование. Взвод только на бумаге, по факту – полтора отделения, то есть пятнадцать бойцов. Среди них один младший сержант, судя по двум лычкам на погонах. Вернее, младший унтер-офицер, если мне не изменяет память.

– Почему так мало? – тихо спрашиваю у Скоробута.

– Нас в боях хорошо потрепало, а пополнения не шлют, – виновато отвечает ординарец, будто от него зависит этот вопрос.

Я прошёлся вдоль строя, чувствуя обращённые на себя пятнадцать пар глаз. Любопытства в них не было, всё-таки для них я – прежний командир, вернувшийся из госпиталя.

Унтер подходит с докладом. Слава богу, раненых и больных нет, и лошади целы. Боевых задач на сегодня не планируется, все ждут распоряжений вышестоящего начальства.

– Благодарю за службу! – хвалю я.

Физиономия унтера остаётся невозмутимой.

– Кто командовал взводом до моей выписки? – снова тихо спрашиваю у Скоробута.

– Дык это... Савельич. То есть младший унтер-офицер Бубнов! – вытягивается в струнку Скоробут.

– Унтер-офицер Бубнов! – громко рявкаю я. – Я отправляюсь к командиру эскадрона, остаётесь за старшего!

– Слушаюсь! – отвечает тот.

Амулет греется. Опачки! И унтер-то у меня, оказывается, непрост.

– Вольно! Разойдись! – распускаю драгун, а сам спрашиваю у Скоробута: – Кто у нас Бубнов, кроме того, что унтер?

Ординарец догадывается, о чём речь.

– Леший он, вашбродь.

С опаской смотрю на Бубнова. Вроде и подчинённый, но «гражданская специальность» внушает уважение. Я в той жизни вроде не особо суеверным человеком был, но в леших почему-то верил и истории, как люди могли часами плутать на одном месте, сказками не считал.

– Надёжный?

– Как кремень! Вы же лично его выбирали!

В компании верного ординарца едем к комэску – ротмистру Шамхалову. Пытаюсь разведать у Скоробута, как к тому солдаты

относятся, но ничего определённого узнать не могу. То ли стесняется при мне открываться, то ли опасается последствий: нижним чинам за глаза говорить о начальстве не положено.

И снова вокруг бескрайние поля гаоляна, а где-то впереди – сопки.

У Шамхалова породистое кавказское лицо. Оказывается, он князь, но между своими офицерами принято обращаться без чинов. Невысокий, тонкокостный, но при этом полный энергии. Перед моим визитом из фанзы Шамхалова выбегает молодая китаяночка, старательно пряча лицо рукавом халата. Похоже, половая жизнь у князя такая же бурная, как и горная река.

– Штабс-ротмистр! – довольно всплёскивает руками командир. – Рад видеть вас в здравии! Мне говорили, что в госпитале санитарочки чудо как хороши! – причмокивает он.

– Боюсь, у меня было мало возможностей оценить их красоту. Долгое время пробыл в беспамятстве!

Поскольку мне с ним служить и служить, во избежание вопросов рассказываю о своей амнезии.

– И что, вот так совсем-совсем ничего не помните? – хмурится князь.

– Ну, воевать я ещё не разучился, – успокаиваю я его.

Шамхалов облегчённо вздыхает. Потеря боевого взводного в условиях дефицита кадров – штука неприятная.

– Слава аллаху! А то я уже подумал, что придётся дать вашему взводу другой приказ.

– Никак нет! Готов выполнить любое поручение, – бодро рапортую я.

– Тогда слушайте, штабс-ротмистр. Есть подозрение, что неприятель может обойти нас с правого фланга, верстах в тридцати отсюда. Надо бы выяснить, так ли это, и, если будут замечены неприятельские колонны, не вступая в бой ретироваться и сообщить мне, а я уже передам сведения в штаб полка. Выдвигаться нужно немедленно, начальство крайне обеспокоено.

– Есть! Разрешите выполнять?

– Ступайте! И да хранит вас Всевышний!

Для выполнения такого задания пришлось задействовать весь взвод... Ну, то, что от него осталось. Тридцать вёрст – примерно тридцать два километра, почти суточный переход верховыми. Потратив на сборы меньше часа, взвод выехал в указанном направлении.

Выяснилось, что только ординарцем и унтером таланты среди моих бойцов не исчерпываются. Нашёлся ещё один самородок, нижний чин Ипполитов. Он приходился сородичем Бубнову и был банником. В отличие от унтера, отличался скверным характером, любил поворчать, но всё-таки оставался справным солдатом, как сообщил Скоробут. Подумав, я отправил обоих родственников в авангард. Если возникнет какая-то проблема, передовой отряд заметит её и предупредит нас.

Не раз и не два навстречу нам попадались воинские команды: шли под палящим солнцем пехотинцы со скатанными шинелями и холщовыми мешками, перекинутыми через оба плеча. Многие давно не брились и заросли бородами. То тут, то там встречались китайцы, работавшие на полях, – война страшила их меньше всего.

Вдалеке загремела канонада. Привычные к обстрелам лошади даже ухом не повели, продолжая ход. Мы проехали несколько часов, так и не вступив в стычку. Видимо, начальство перестраховалось, придумав обход с флангов.

– Вашбродь, взгляните, – указал вдруг вперёд Скоробут.

В отличие от него, у меня не было орлиного зрения, и видеть в темноте, как кошка, я не мог, пришлось воспользоваться биноклем. Сквозь окуляры удалось разглядеть усердно нахлёстывавшего лошадь Ипполитова. Он скакал один, без Бубнова. Вряд ли наш банник оставил бы в беде родича, значит, тут что-то другое.

– Вашброд, японцы! – задыхаясь, сообщил он, поравнявшись со мной.

– Много? – посерьёзней я.

– С роту наберётся. И да, вашбродь, следом за ними идёт обоз. Десятка два телег, с чем, не знаю.

– Обоз?! – заинтересовался я.

Откуда тут взяться обозу? По идее, он должен передвигаться где-то в неприятельском тылу.

– А ну, прибавим ходу, ребятки! – велел я драгунам.

На перекрёстке двух дорог мы скрылись в высоченном гаоляне, спрятавшем нас от чужих глаз. Там нас ждал унтер. Японцев пока не было видно, но если авангард не ошибся, и их целая рота, то для нашего взвода это непосильная цель. А вот обоз... Это всегда была лакомая цель для армий любой страны.

– Унтер-офицер, – позвал я Бубнова.

– Слушаю, вашбродь!

– Можешь показать, на что способен?

– Что сделать-то, вашбродь?

– Закружи японцев. Пусть эта рота оторвётся от обоза и пойдёт, скажем, в левую сторону, подальше от наших, а обоз пусть едет вперёд. Это возможно?

Бубнов задумался.

– Всю роту обмануть не смогу. Их человек сто, а то и больше.

– А ты не всю роту, ты их офицерам голову задури. Пусть они приказы отдают. Солдаты – народ подневольный, что говорят, то и делают.

– Эх, в нашем лесу было б сподручней, там каждая осинка и берёзка своя, помогут. Но я попробую. Если что, не взыщите, вашбродь.

– Попробуй, голубчик! Старшим унтером тебя сделаю!

Показалась колонна японской пехоты, впереди которой верхом гарцевал офицер. Неприятелю тоже нечем было хвастаться: такие же ободранные и голодные солдаты, как и на нашей стороне. Странно, конечно, что без авангарда, ну да это не моя головная боль.

Унтер опустил на корточки, закрыл глаза, сжал голову руками и что-то забормотал. Его лицо покраснело, на висках проступили синие прожилки вен.

Японцы приближались всё ближе и ближе. Я начал было жалеть о своём решении, но тут произошло чудо: офицер на коне внезапно свернул в нужную сторону, а следом за ним последовала вся колонна. Они постепенно удалялись от нас всё дальше и дальше.

Появился обоз. Никто из кучеров и нескольких солдат сопровождения не заметил странного манёвра основного отряда. Обоз степенно покатил вперёд.

Выждав с полчаса, чтобы колонна удалилась на достаточное расстояние, я коротко приказал:

– С Богом, братцы!

Наша атака оказалась внезапной для врага. Нам удалось сбить передние и задние телеги японцев, они преградили дорогу для остальных. Обоз застрял.

Пошла жара!

Верховым действовать было невозможно. Я спрыгнул с коня и бросился к ближайшей подводе с револьвером в руке, чуть было не запнувшись о висевшую на боку шашку. Кучер – гражданский – выпустил вожжи из рук, но сидевший возле него солдат в синей полевой форме и фуражке с жёлтым околышем вскинул винтовку, целясь в меня. Я выстрелил в него на бегу, сначала промазал, но вторая пуля сбила пехотинца с облучка, он упал на землю. Ещё одного японца пристрелил следовавший за мной тенью Скоробут.

Короткая стычка закончилась тем, что остальные японские солдаты побросали ружья и подняли руки вверх.

Я огляделся и не заметил своего унтера.

– Где Бубнов?

– У перекрёстка остался. Все силы, чтобы японца с толку сбить, положил.

– Понял, – кивнул я и отправил одного из бойцов за унтер-офицером, а сам принялся осматривать добычу.

Большинство повозок были нагружены оружием и боеприпасами, в двух нашлись съестные припасы, а в одной нас ждал сюрприз: она была под завязку набита медицинским инструментом.

Что ж, теперь есть чем отблагодарить любезнейшего Сергея Ивановича – главврача госпиталя. Думаю, такой подгон будет ему в самый раз. Кроме того, наряду с обозом у нас было полтора десятка пленных солдат – потенциальных «языков», – не считая гражданских.

Дождавшись возвращения Бубнова, я приказал ему скакать к командиру эскадрона с донесением, что японцы действительно пытаются обойти нас с фланга, а сам с бойцами приступил к сопровождению взятых трофеев в наш тыл.

Глава 7

– Хороши! Британской работы инструментарий... – радуется любезный Сергей Иваныч, принимая трофейные медицинские инструменты. – Даже не знаю, как благодарить вас, Николай Михалыч!

– Я не за благодарность стараюсь, для дела, – отвечаю Обнорскому. – Разве что йоду у вас попросить с десятков небольших пузырьков. Ну и спирту. Исключительно для медицинских целей.

Обнорский смотрит на меня с хитринкой.

– Ну разве что исключительно для медицинских. Не переусердствуйте только, штабс-ротмистр, без закуски обеззараживание организма чревато похмельем.

Смеёмся.

Возвращаемся со Скоробутом из госпиталя обратно в расположение не порожняком. В седельных сумках заводной лошадки булькают большая бутылка со спиртом и такая же с йодным раствором. Попробую сформировать своим бойцам индивидуальные аптечки. Почему не попросил у Обнорского бинтов? А у каждого бойца уже имеется на дне сидора или в специальном кармашке в шароварах свой индивидуальный перевязочный асептический пакет – рулончик бинта в вощёной бумаге. Если добавить к этому склянку йода и спирта, то и кой-какой антисептик будет.

Только вот где взять столько небольших стеклянных флаконов? Можно долго свою голову ломать, но зачем, если рядом Скоробут? Делюсь с ним проблемой.

Тот чешет затылок, щурится.

– Вашбродь, а склянки обязательно стеклянные? Может, фарфор подойдёт?

– Подойдёт и фарфор. Где ж его взять?

– Так у китаёз же. Бабы ихние в таких флакошках духи хранят.

Ай да Кузьма, ай да барабашка... Точно, Китай же родина фарфорового производства, здесь фарфора больше, чем стекла.

Втроём с Кузьмой и местным толмачом, который малость понимает по-русски, обходим деревню. Объясняю местным красавицам и прелестницам, что и сколько мне надо. По два

флакончика на каждого моего бойца. Обошлось в какие-то копейки, несколько китайнок отдали старые флаконы даром. Оплатил из своих средств, не лезть же в карман к солдатикам, у них всяко не богаче, чем у меня.

Строю взвод, раздаю флакончики. Объясняю, чего и как с ними делать для обеззараживания возможных ранений. Показываю приёмы перевязок, учили же меня чему-то в училище, не всё забыл. Отдельно предупреждаю: спирт для дезинфекции внутренних органов строго запрещён. Приказываю добавить во фляги с питьевой водой уксус: кипячёную воду это дольше сохранит от протухания, а не кипячёную – дополнительно обеззаразит.

– Ясно-понятно? – спрашиваю.

– Так точно, вашбродь! – отвечают мне хором. И прям глазами меня едят, как уставом прописано.

Снова осматриваю строй солдатиков в кое-как крашенных в зелень гимнастёрках и шароварах. И для полевых частей не айс, а уж для разведки – детский сад и сбоку бантик.

Командую разойтись и отзываю Скоробута в сторону. Расспрашиваю про полковую пошивочную мастерскую, она здесь имеется и именуется швальней.

Мастерская находится в соседнем китайском селении с непроизносимым названием, там же, где и штаб нашего драгунского полка. Скоробут катит на швальную команду, чуть не по матушке костерит: и косорукие, и убогие, и руки из жопы растут...

Пришлось прикрикнуть, чтобы остановить, а то уж больно разошёлся.

– Тебе-то они в чём дорогу перешли?

– Не мне, а вам. Вы ж не помните, поди, теперь, как они вам шинель пытались построить? Отрез испортили, так что пришлось шинель в Харбине заказывать из готовых. А та на вас тоже как с чужого плеча. Хорошо, весна началась, и я её до осени прибрал в багаж.

Блин. И к этим людям мне идти объяснять, как сшить то, чего они никогда не шили и о чём я сам имею лишь отдалённое представление, как это должно кроиться и сшиваться? Ну, других специалистов нет, придётся иметь дело с теми, что есть.

Обломися, штабс-ротмистр. Проблема со швальней есть, и далеко не одна. Дело даже не в портных. Во-первых, мне популярно объяснили, что на мои фантазии просто нет материала. На гимнастёрку или шаровары – пожалуйста-с со всем удовольствием, а на неведому зверушку под названием «маскировочный халат» – нет. Ибо уставами такое обмундирование не предусмотрено.

Но если бы и можно было, то окрас в защитно-пятнистый цвет хэбэшной ткани и пошив одного комплекта куртки свободного кроя с большим количеством карманов и таких же шаровар обойдётся мне в четвертной. Коли одевать своих бойцов за мой счёт, то на пятнадцать душ будет нужно триста семьдесят пять рубликов – почти половина годового оклада.

Конечно, в военное время жалованье мне идёт усиленное. Плюс всякие единовременные выплаты, полевые и походные порции. Немногим за тысячу рублей переваливает. Но это в год. А в месяц выходит чуть более восьмидесяти рубликов.

Можно, конечно, ограбить банк. А можно включить голову и подумать. Взять ссуду в полковой кассе? Не вариант. Чем отдавать? Прибегнуть к эрзацам? Нельзя пошить маскхалат – можно соорудить маскировочную накидку. Рыболовная сеть и тряпочные ленточки.

Эти мысли занимали мою черепушку во время утренней пробежки. Я решил-таки заняться приведением нынешнего тела к более или менее вменяемым кондициям. Мускулы подтянуть, мышечную массу немного нарастить в нужных местах, и бег, бег, чтобы никакой одышки. Тело, конечно, сопротивлялось, возмущалось, но...

– Штабс-ротмистр Гордеев?

Увлёкся мыслями, пропустил приблизившийся топот копыт. Сбил с шага, остановился, обернулся, восстанавливая дыхание.

Передо мной штабс-капитан, светлые щегольские усики, высокий лоб с залысинами. В принципе, по чину мне ровня, но кто ж его знает.

– Здравствуйте, господин штабс-капитан.

Глаза у него неприятные, цвета Балтийского моря, как у селёдки. И акцент какой-то шипящий. Поляк?

– Прошу простить, но из-за амнезии...

– Наслышан про столь «чудесный» диагноз. Станислав Вержбицкий, адъютант начальника нашей бригады. Что это вы, штабс-

ротмистр, в таком виде?

А какой «такой» вид? Офицерские шаровары с мягкой китайской обувкой и исподняя рубаха, мокрая и пропотевшая.

– Тренируюсь, господин штабс-капитан.

– От япошек драпать?

Интересно, за что же господин адъютант так невлюбил моего предшественника в этом теле? Надо бы расспросить Кузьму на досуге.

– Бежать не обязательно от чего-то. Можно бежать к чему-то. К победе, например.

– Хотите совет, штабс-ротмистр? Не старайтесь быть оригиналом. Вам это не идёт. Как и любовь к быдлу.

Развернул господин Вержбицкий своего коняку, и только за ним пыль столбом.

Сторговать у местного рыбака сносную сеть за банку тушёнки не составило проблемы. Кузьма, как узнал, костерил меня почём свет стоит. Оказывается, за банку тушёнки тут таких сетей можно было сторговать на целую рыболовецкую артель.

– Либо девку для непотребных утех, – усмехается Скоробут, – но это только ежели семья небогатая.

– В смысле?

Скоробут рассказал.

Н-да... нравы тут. Действительно, можно за банку тушёнки купить себе китаяночку в наложницы. И на бордель тратиться не надо. Но в борделе шлюхи хотя бы регулярно проходят врачебные проверки на предмет срамных инфекций, а в деревне врача и не видали никогда. Причём девственность девицы ещё не гарантирует, что ты ничего от неё не подцепишь. Санитария у местных на уровне «нет, не слышали».

Интересно, любвеобильный комэск Шамхалов свою китаяночку тоже за баночку тушёнки сторговал?

– А скажи, Кузьма, штабс-капитан Вержбицкий... В чём я ему дорогу перешёл?

– Хорошая у вас, вашбродь, болезнь. Чего ни напакостили, ничего не помните. Вы его на дуэль вызвали.

– Какая-то амурная история?

– Куды там. Господин штабс-капитан Акиньшину в зубы дал. Три выбил. А вы вспылили: мол, солдата бить негоже, тем более на войне.

И перчатку Вержбицкому бросили.

Акиншин – из молодых солдатиков. Призвали полгода назад, перед самой войной. Он, конечно, пообвыкся, но до старослужащих, типа унтера Бубнова, ещё далеко.

– Мы стрелялись?

Скоробут отрицательно мотает головой.

– Вержбицкий командиру бригады доложил. А генерал рассудил отложить поединок до окончательной победы над врагом.

Хм... То есть навсегда, поскольку войну японцам мы проиграли... проиграем. Или нет, если я смогу что-то изменить в ходе исторических шестерёнок?

– За что же Вержбицкий Акиншину в зубы дал?

– Тот честь недостаточно бойко отдал.

Н-да... Крепостное право всего сорок лет назад отменили. Его ещё полстраны помнят. А у Вержбицкого, поди, ещё и панская спесь свербит в одном месте.

Кузьма сообразил нам чаю, сидим, пьём. Угостил его конфетами – доволен. Барабашка мой уж больно до сладкого охоч. Прошу его набрать мне поболее зелёных, коричневых и вообще тёмных лоскутков. Недоумевает: зачем? Отвечаю: мол, сюрприз для всего взвода будет.

К бессонным ночам мне не привыкать. При свете керосинки сперва выкроил и связал из рыболовной сети что-то вроде накидки-пончо с капюшоном, затем навязал на неё лоскутков. Накинул на себя, глянул в зеркальце – у хозяев есть небольшое, в пару ладоней величиной, и это они богатыми людьми среди местных считаются, трёх батраков держат. Покрутился туда-сюда, накинул капюшон – сгодится.

Утром строю взвод. Предлагаю пари: найдут меня за пятнадцать минут на поле скошенного гаоляна – выставяю тройную винную месячную порцию, три литра водки.

Не найдут.

Они без слов исполняют моё желание – любое, но без ущерба их солдатской чести и достоинству. Смотрят на меня странно: что за дурь пришла в голову их благородию? Возражений не жду, не принято тут ещё офицеров по матушке посылать. Хотя до этого момента уже недолго – чуть больше десяти лет.

Прошу фору с четверть часа. И снова никаких возражений. Отдаю унтеру-лешему свои часы. Слава богу, Савельич сообщает в часах и может отсчитать пятнадцать минут. Время пошло.

Бегу к полю. На мне шаровары и гимнастёрка, за спиной – небольшой тючок. Добегаю до аккуратных копёшек, разворачиваю свою торбочку и быстро набрасываю на себя своё импровизированное дырчатое пончо. Малой сапёрной лопаткой рою яму под одной из копёшек, ссыпая землю под соседнюю копну, чтобы незаметно было. Распаковываю экспроприированный у хозяев флакон – там смесь печной сажи и золы с топлёным свиным жиром. А что делать? Нет тут ещё промышленной камуфляжной краски, вот и приходится импровизировать. Теперь накинуть на голову сетчатый капюшон и залезть под свою копну в вырытую яму.

Лежу, жду. На поле слышны перекликающиеся голоса моих бойцов. Ходят, ищут меня, шевелят копёшки сжатого на корма скоту гаоляна. Считаю про себя время. По моим прикидкам, заканчивается десятая минута поисков.

Шаги двух человек останавливаются совсем рядом. Замираю и стараюсь не дышать, даже глаза прикрываю, чтобы блеском сетчатки себя не выдать. Пытаюсь разобрать по голосам.

– А может, их благородие из ваших? – Голос молодой, вроде Акиншин...

– Не, я бы своего почуял. Господин штабс-ротмистр из людского племени. – Это уже Савельич басит. – Ну-тко, Акиншин, ткни своим винтарём эту копну.

Копну надо мной активно ворошат. Замираю и стараюсь не дышать. Вывезет, не вывезет?..

– Пусто, господин унтер-офицер.

Шаги и голоса удаляются.

Неприятность случилась на тринадцатой минуте по моему примитивному счёту. На поле послышались стук копыт и начальственный крик Вержбицкого:

– Это ещё что за фокусы?! Унтер-офицер, ко мне! Немедленно доложите, чем занят взвод!

– Вашбродь, взвод проходит практическое занятие по поискам вражеского лазутчика!

– Что за чушь?! Где ваш командир взвода?!

– Его и ищем, господин штабс-капитан!

– Ты с ума сошёл, унтер?!

– Никак нет, вашбродь, я в здравом уме. Выполняю приказ командира.

Так, пока не дошло до рукоприкладства со стороны гонористого пана Вержбицкого, пора вмешиваться в ситуацию. Вскидываю на ноги, быстрым шагом подхожу к выстроившемуся в две шеренги взводу во главе с Бубновым.

Вержбицкий меня не враз и признал: даже малость отшатнулся, глаза по пять копеек. И коняка его всхрапнул от моего неуставного видочка.

– Господин штабс-капитан, младший унтер совершенно прав. Взвод выполняет задачу по боевому слаживанию и поиску вражеского лазутчика.

– Что за вид?! Вы боевой офицер или шут гороховый?!

– Это маскировка, господин штабс-капитан.

К нам подъезжает Элихманов в сопровождении седоватого подполковника весьма кавказской наружности, с такими усищами, что и Будённый бы позавидовал. Впрочем, самому Будённому сейчас двадцать с небольшим, и он обретается где-то тут, на местном театре военных действий. Интересно, он уже начал отращивать свои усы?

– Что здесь происходит?

Подполковник сидит на коне как влитой, но, стараясь не подавать виду, потирает грудь в районе сердца.

– Господин подполковник, штабс-ротмистр Гордеев. Вверенный моему командованию взвод разведки...

Вытягиваюсь в струнку, ем глазами начальство, втираю ему в мозг то же, что уже сказал Вержбицкому. Подполковник рассматривает меня с нескрываемым любопытством.

– И что это на вас за наряд, Николай Михайлович?

– Маскировочная накидка с капюшоном.

– А с лицом у вас что? – встречает Вержбицкий.

– Также элемент маскировки.

– Это какая-то партизанщина и безобразие, – поворачивается Вержбицкий к подполковнику. – Не офицер, а Петрушка из ярмарочного балагана.

Подполковник жестом останавливает словесный понос Вержбицкого.

– Ну, и нашли вас ваши подчинённые, штабс-ротмистр?

– Предлагаю спросить у них, ваше высокоблагородие.

Подполковник поворачивается к Савельичу.

– Младший унтер-офицер?

– Никак нет, ваше высокобродь, – тянется тот перед высоким начальством, – не нашли. Господин штабс-ротмистр уж больно хорошо замаскировался.

Подполковник поворачивается к Элихманову.

– Что скажете, ротмистр? Ваш подчинённый.

Тот украдкой показывает мне кулак.

– Хоть занятие и не было согласовано со мной, но, думаю, инициатива штабс-ротмистра любопытна. Хотя и требует более всесторонней проверки во взаимодействии с другими подразделениями, с более традиционной тактикой.

Подполковник соскакивает с коня, подходит ко мне. Как положено, ем начальство глазами.

Он внимательно рассматривает рыбачью сеть с нашитыми ленточками. Задумчиво крутит ус. Все ждут высокого начальственного решения.

– Двух дней хватит на подготовку? Дал бы больше, да противник не даёт. Пока на фронте затишье, но это ненадолго.

Два дня? Не смешите мои тапочки.

– Хватит, господин подполковник.

А что, возможны варианты? Что-то мне подсказывает, что нет.

– Добро. – Подполковник поворачивается к Элихманову и Вержбицкому. – Можете заключать пари, господа.

Я потом расспросил Скоробута про подполковника. Командир у нас непростой – принц Персии. Али Кули Мирза из персидского шахского рода Каджаров. Его отец побывал и губернатором Тегерана, и управителем Южного Азербайджана, из-за дворцовых интриг в тысяча восемьсот пятьдесят первом году бежал в Россию, был благосклонно принят царским правительством и с большой семьёй поселился в Шуше. Шестнадцать жён, больше шестидесяти детей – что ещё нужно, чтобы встретить старость?

Али Кули Мирза родился уже в Шуше и избрал военную стезю, как и многие другие его братья, часть которых служила шаху, а часть – царю. Освобождал Болгарию от турецкого ига. Храбрец, отличный стрелок.

Два оставшихся дня и две ночи мы всем взводом плели маскировочные накидки с капюшонами из скупленных в деревне старых рыбачьих сетей. А ещё пришлось лично похимичить, благо серными спичками и парой лимонов я разжился в офицерской лавке, уголь раздобыл у своих квартирных хозяев, а за марганцовкой послал Скоробута в госпиталь с запиской к Обнорскому. Понадобились ещё мыло и газеты.

С газетами, кстати, самая сложность и вышла, уж больно наострился рядовой и унтер-офицерский состав крутить из них козыжки. Но всё удалось, так что для наших супротивников у нас будет несколько сюрпризов.

Полдня убил на то, чтобы научить своих бойцов хотя бы маломальски ползать по-пластунски, стараясь оставаться незаметными. Ну и ещё один сюрприз приготовил в количестве примерно десятка, тут обошлось некоторым количеством верёвок и обычными камнями более или менее правильной формы. И до одурения учил бойцов пользоваться совершенно новым для них девайсом. Да и самому пришлось обновить навык – с подросткового возраста эту штуковину в руку не брал. Ничего, руки вспомнили.

И затем уже сбегали к предстоящему месту встречного учебного разведпоиска втроем с Кузьмой и Бубновым, чтобы оценить всё на месте. Зброшенный сад со стоящей на краю ветхой сарайкой. По легенде, изображает место расквартирования условного противника. И мы должны попытаться захватить наших партнёров по учениям врасплох и взять «языков». А партнёры нам достались... казаки, среди которых я узнал знакомых уже братьев Лукашиных. Полтора десятка нас на полтора десятка их.

Разделил своих на три пятёрки: первую под командованием Бубнова, вторую поручил Ипполитову (тот, конечно, поворчал по привычке, но приказ командира есть приказ командира), третью возглавил сам. Бубнову и Ипполитову раздал результаты своих химических опытов, всё расписал – как, что и куда. Заставил

повторить по несколько раз: хорошо, когда каждый боец знает свой манёвр назубок.

Ну а теперь – бог не выдаст, свинья не съест, и бой покажет.

Бубнов со своей четвёркой выманил на себя казачков. Они, оставив трёх человек у сарайки, пустились преследовать противника, который неожиданно исчез. Вот только что бежали пятеро от казаков, мелькали между деревьями старого сада – и вдруг нету.

И тут же пополз между деревьями густой белый дым, затягивая своей пеленой и стволы деревьев, и фигуры боевых пластунов. А в дыму – птичьи трели да странный, ни на что не похожий свист-гудение. И из дыма этого вылетают боло, спелёнывая казакам ноги, а следом и смутные фигуры, похожие на ожившие кусты – Ипполитов со своей четвёркой, которые уже пакут казачков основательно. Разумеется, казаки бьются отчаянно, но фактор неожиданности есть фактор неожиданности.

Мы лежим в кустах в своих накидках и наблюдаем за сараем. Здесь оба Лукашины, и это плохо: Тимофей весь сосредоточен, ушёл в себя, а Фёдор скидывает с себя сапоги, гимнастёрку и шаровары – оборачиваться собирается и форму берегает. Ежели обернётся, то справятся ли с ним мои придумки?

Вот и обернулся, поводит чутким звериным носом, сейчас учует. Даю знак своим бойцам. Запаливаем дымовухи и бросаем к сараю. Густой голубой дым валит во все стороны. Не поздно ли? Фёдор учуял наш запах и кидается в нашу сторону. Свистят раскручиваемые боло, три летят навстречу казаку-оборотню, ещё по одному – в характерника и в третьего, неизвестного мне пока станичника.

Тимофей почувствовал – ничем другим не могу объяснить, что он, поджав ноги, высоко подпрыгнул, пропуская крутящееся боло под собой. А вот Фёдора удалось спеленать – спасибо Кузьме, заплёл ему ноги своими барабашкиными приёмами.

Кручусь вокруг Тимофея в своей накидке с шашкой в руке, но он двумя шашками крутит восьмёрки, только клинки жужжат, как два шмеля в голубом дыму. Неожиданно приседаю и качусь казаку под ноги, подсекая его ударами ног. Чувствую, как один из клинков Тимофея едва не сбивает мне волосы на макушке, но поздно – казак валится на землю. И тут я наваливаюсь на него сверху, пытаюсь

прижать руки к телу. Кулак Тимофея прилетает мне в скулу – аж искры из глаз. Но я давлЮ ему на сонную артерию, и характерник обмякает.

Докладываю подполковнику с Шамхаловым, что задание выполнено. Ничего, что один глаз заплыл фиолетовым синячищем, а всё тело ломит, словно в одиночку вагон угля разгрузил. Остальным моим тоже досталось. АкинЪшина казачки помяли основательно, левая рука у бойца висит, словно плеть. Скоробут не досчитался зуба, это его Фёдор успел приложить, когда мои молодцы пеленали оборотня.

Подполковник улыбается в усы, Шамхалов сияет, что новенький пятак. Вержбицкий... Этот словно укуса выпил. Он ещё и в финансовом пролёте: поставил четвертной билет на мой проигрыш, теперь отдавать Шамхалову – пари есть пари.

– Что ж, Николай Михалыч, – говорит Али Кули Мирза, – задачу вы выполнили, придумки продемонстрировали интересные. Особенно маскировочные накидки и разноцветные дымы. Кстати, неплохой способ подачи команд в дневное время. – Подполковник поворачивается к Шамхалову. Тот благосклонно кивает. – Сложно ли их сделать и можно ли разнообразить цвета? – Это уже ко мне вопрос.

– Сделать их несложно, цвет может быть также чёрным, красным, зелёным и жёлтым. Но для прикрытия действий наших войск перед неприятелем лучше подходит чёрный или белый.

– А откуда такие познания в химии? Прежде за вами не замечалось, – встречает Вержбицкий.

– В гимназии увлекался различными химическими опытами по малолетним шалостям, а тут вспомнилось к случаю.

– Странно, что птицы не испугались шума и дыма в саду и всю чирикали... – замечает Шамхалов.

– Это не птицы, господин ротмистр, – отвечаю я, – это система тайной передачи приказов и распоряжений подчинённым. К примеру, крик сойки означает «внимание, готовность на счёт три», а крик пустельги – «немедленный отход».

– Любопытно, – принц Персии реально заинтересован, – это вы сами придумали?

– Никак нет, американские индейцы. – Мне лишнее внимание к своей персоне ни к чему.

Подполковник интересуется у станичников их мнением. Тимофей уже пошушукался со своими и выражает общее мнение, что пластуны

такого не ожидали, а стало быть, японцы точно будут захвачены врасплох. Мало того, Тимофей заявил, что часть казаков даже готовы пойти ко мне на выучку, уж больно охота им эти новые приёмы перенять. А посему ходатайствует перед начальством прикомандировать с десятков казаков к моему разведвзводу, или, как здесь говорят, команде охотников.

Начальство убыло, пообещав переговорить с командиром бригады генерал-майором Степановым о просьбе казачков и введении в полку некоторых моих новшеств: дымов и птичьих перекличек для управления войсками, когда невозможно отправить посыльного или передать приказ флажково-семафорной азбукой.

А мы накрыли казачкам поляну – за отсутствие обид, боевое братство и товарищескую взаимовыручку. За третьей чаркой договариваюсь с братьями Лукашиными, чтобы, ежели их просьбу удовлетворят, они подтянули и остальных бойцов в пластунской подготовке. А меня ещё и в сабельной рубке да конной выездке.

Наутро Шамхалов передал мне вызов в штаб бригады к Степанову. Я прибыл, улыбнулся в ответ на кислую гримасу Вержбицкого и был с группой поддержки в лице ротмистра и подполковника запущен к комбригу генерал-майору Николаю Петровичу Степанову.

Маскировочные накидки генерал-майора не шибко заинтересовали, а вот разноцветные дымы... Приказано было продемонстрировать их прямо в начальственном кабинете, при открытом окне.

Ну, я и продемонстрировал...

Генерал кашлял от дыма и ржал в голос, когда в штаб стала ломиться бригадная пожарная команда, решившая, что случился пожар. Разведывательно-диверсионное подразделение из моего взвода и прикомандированных казаков мне разрешили создать в обмен на раскрытие бригадным сапёрам секрета разноцветных дымов. А я что? Мне не жалко.

Глава 8

Ну вот, теперь у меня под рукой не полтора отделения драгун, а полноценный взвод в три десятка бойцов. Самое ценное приобретение – Лукашины, старший и младший. После долгих препирательств с их начальством мне удалось зачислить братьев в разведвзвод.

На этом приятные сюрпризы закончились, начались неприятные. Прибыла дюжина пластунов, надёрганных из разных команд. Я в отборе не участвовал, но из опыта знал, что пополнение формировали по принципу «бери, боже, что нам негоже», то бишь ко мне сплавляли самых никудышных или проблемных казаков. Какой нормальный офицер расстанется с лучшими бойцами? А если учесть, что вопрос подбора кадров курировал мой хороший «друг» Вержбицкий... Уж он-то никак не мог упустить возможность нагадить мне по полной программе.

В общем, ничего хорошего я не ждал и мысленно был готов к неприятностям. И как в воду глядел. Проблемы начались с первого же дня, на общем построении взвода.

Началось... Если мои драгуны и Лукашины переоделись в нечто смахивающее на цифровой камуфляж (кто б знал, кто ведал, каких трудов мне это стоило и в какую копеечку обошлось), то пластуны остались в своих черкесках и лихо сдвинутых набок кубанках. Судя по пунцовой физиономии Бубнова, казаки его не послушались, а ведь я отдал унтеру приказ проконтролировать переобмундирование. Форсят, как моряки в Великую Отечественную. Те тоже не хотели снимать тельняшки и бескозырки. Широкая морская душа не позволяла...

И что прикажете делать? Измордовать и уподобиться негодяю Вержбицкому? Арестовать и отправить на губу? Так ведь мне с ними ещё в разведку ходить с риском заполучить пулю в спину. А ещё обиднее облажаться перед Вержбицким.

Годы службы сделали из меня неплохого психолога, я научился вычленять лидеров и работать с ними. Вот этот мордатый здоровяк явно был заводилой. Он даже не пытался спрятать откровенную насмешку.

Ну-ну...

- Фамилия?
- Рядовой Сорока, вашбродь, – гаркнул он.
- Выйти на два шага из строя!
- Есть!

Он с ленцой выполнил приказание и замер всё с той же полупрезрительной насмешкой. Похоже, меня тут ни в грош не ставят.

– Чего улыбаешься, Сорока?

– Да на ваших драгун гляючи... Никак не пойму: мужики они чи бабы?

Бойцы зашумели.

– Тихо! – приказал я и снова повернулся к Сороке.

– С какой стати ты их в бабы записал?

– Да уж больно чудно разделись, на солдат не похожи.

– Не похожи, говоришь. А я – похож на офицера?

Вопрос был провокационный. На мне был точно такой же камуфляж, как на бойцах, даже погоны разглядеть было трудно.

Сорока замялся.

– Говори, не стесняйся.

– Чудите вы, вашбродь, – наконец выдавил из себя Сорока.

– Хм... А сам-то ты как, давно шашку в руках держал или, как баба, с хворостиной за гусями бегаешь?

Удар был ниже пояса. Казак разом растерял улыбку и побледнел от злости.

– Никак нет, вашбродь. Моя шашка завсегда при мне.

– Давай проверим, как ты её держишь. А ну, шашку наголо!

Он вытащил клинок из ножен и выжидательно посмотрел на меня.

– А теперь нападай на меня!

– Что, вашбродь?!

– Атакуй! Руби смело, ничего не бойся!

– Как прикажете, вашбродь, – чересчур легко откликнулся Сорока.

Бубнов дёрнулся, но я знаком остановил его.

Сорока сжал эфес до тёмных пятен на пальцах и резко, с оттяжкой рубанул, даже не подумав на мгновение замедлить ход руки, чтобы я мог уйти из-под удара. И тем не менее его шашка впустую пробороздила воздух: я успел уклониться.

Сорока недоумённо хмыкнул.

– Вертлявый вы, вашбродь.

– Чего стоишь? Продолжай, – потребовал я.
Казак повторил выпад – с прежним успехом.
– Ещё! – велел я.

Вжух! На сей раз я не стал уклоняться, а подался вперёд и успел перехватить его занесённую руку. Рывок – и шашка Сороки лежит в одной стороне, а сам он валяется в пыли в другой.

– Бери, – ногой подтолкнул я ему клинок.

Он поднялся и послушно схватился за шашку.

– У тебя ещё одна попытка. Если снова окажешься на земле, и ты, и твои приятели оденетесь так, как я прикажу.

Казак сменил тактику. Он не стал рубить, а попытался насадить меня на остриё как перепёлку на вертел. Я подался чуть в сторону, пропустил его выпад, развернулся спиной и, перехватив клинок правой рукой, двинул левым локтем ему в брюхо. Сорока хватанул ртом воздух, выпустил оружие и плюхнулся на землю. Его шашка осталась у меня.

– Встать в строй! И чтобы через пятнадцать минут все были переодеты, как было приказано. Бубнов, проследить.

– Есть проследить!

Ровно через четверть часа я лицезрею пусть безобразно, но единообразно обмундированный взвод.

– Другое дело! Займёмся вашей физподготовкой.

Прогоняю солдат через смастерённый ординарцем турник. Крутить «солнышко» и вытворять акробатические трюки я не прошу. Достаточно подтягивания и подъёма с переворотом.

Половина станичников демонстрируют откровенно неважные результаты, хотя все как на подбор жилистые и поджарые.

– Мало каши ели, – усмехаюсь я и сам отправляюсь к турнику.

На душе тем временем тоскливо: это в прошлом теле я крутился на снарядах круче любой обезьяны, штабс-ротмистр похилее меня будет. Однако внутренние резервы чего-то да стоят: подтягиваюсь раз двадцать и толком не устал. Драгуны посматривают на казачков с усмешкой: дескать, уел вас наш командир.

Закончив, сообщаю, что через месяц буду принимать у каждого экзамен, норматив – минимум десять подтягиваний.

Бег. Пластуны к нему привычны и уделывают драгун в два счёта, однако меня никто перегнать не может. Эх, ребяташки, знали бы вы,

сколько за моими плечами марш-бросков в полной выкладке...

После пробежки все стоят на полусогнутых и не могут отдышаться. Что, думаете на этом всё? Как бы не так! Впереди занятия рукопашной.

И тут мне есть чем удивить как станичников, так и драгун. Боевому балету инструкторы меня не обучали, прыгать на три ветра и крутить «вертушки» я никогда не умел, но вот качественно уронить противника на землю, обезоружить, заставить его утихнуть или при необходимости отправить на тот свет – это всегда пожалуйста. Понятно, что до рукопашной доходит, когда оба противника прое... в общем, потеряют всё что можно. Но техника такого боя никогда не бывает лишней.

Следующие несколько дней я, пользуясь затишьем на фронте, гоняю бойцов в хвост и в гриву. К тому же станичники уже в курсе, что мой взвод захватил неприятельский обоз, так что теперь я для казачков в авторитете. Под командованием такого офицера им не зазорно служить.

Возвращаюсь к делам нашим скорбным. На вооружении русской армии нет такой элементарной вещи, как ручная граната. Кругом сплошной самопал. Мне как-то показали гранату поручика Мокриевича. Она походила на старинную бомбу (гранату), которую метали ещё гренадеры петровских времён: грубо говоря, круглый чугунный корпус, начинённый порохом, и шнур, который было необходимо поджечь перед броском.

Такой кунштюк не впечатлял ни меня, ни японцев, поэтому и пришлось вспоминать азы химии и подрывного дела, а также напрягать полковую токарную мастерскую. В итоге получился жалкий аналог «лимонки», изготовленный в сугубо кустарных условиях, но всё-таки куда более эффективный и простой в использовании, чем изделие Мокриевича.

Часть из них нарочно делаю выхолощенными. Бойцы входят во вкус и азартно спорят, кто из них метнёт учебную гранату дальше, на кон ставят и деньги, и продукты. Пока лидируют Ипполитов и Лукашин-младший, они хреначат «лимонки» метров на пятьдесят, в то время как большинство едва укладываются в скромные двадцать пять – тридцать.

В конце следующей недели прилетает взмыленный вестовой из штаба, при нём записка на скверном французском – комэск, как может, блюдет режим секретности, хотя сдаётся мне, среди японцев знатоков галльского наречия ничуть не меньше, чем владеющих языком моей родины.

В школе и училище меня учили английскому, за время командировки в Сирию успел по верхам хватануть арабский, а вот французский воспринимается как китайская грамота. Где бы найти толмача? Вряд ли мои лохматые казачки или драгуны шпрехают по парле.

Вспоминаю, как первый раз сел на лошадь. Тогда всё получилось само собой, интуитивно. Видимо, в определённых случаях срабатывает память реципиента, то есть настоящего Гордеева.

Мучительно вглядываюсь в корявый текст, в надежде, что неведомый механизм сработает. Напрягаю башку и так и эдак – ровным счётом ничего, просто набор буковок. И когда я, будучи в отчаянии, уже собираюсь седлать лошадь и отправляться к комэску, внутри что-то оживает, буквы начинают складываться в слова, а слова приобретают смысл.

Итак, свыше поступил приказ отправиться в разведку и добыть «языка», желательно чином не ниже унтер-офицера.

По идее, на такое задание не обязательно отправляться самому, достаточно распорядиться и послать с тройкой-пятеркой солдат Бубнова (выбил я для него очередную лычку), но, хорошенько поразмыслив, решаю возглавить экспедицию. Чует моё сердце, она станет очередной проверкой для внедрённых мной новшеств. Будет обидно вернуться ни с чем: тогда прости-прощай моя самодеятельность. Прикроют лавочку, и солдаты продолжают воевать, как во времена царя Гороха, в данном случае – Александра III.

Оставляю унтера на хозяйстве, беру с собой ординарца, обоих Лукашиных и... Акиньшина. Понимаю, что молод ещё и зелен, так ведь надо с чего-то начинать учиться.

Выезжаем верхами до наших передовых позиций. В бумаге говорится, что переход будет организован через зону ответственности Белозерского стрелкового полка.

Встречает нас молоденький подпоручик. Он немного заикается и плохо слышит.

– Н-на д-днях к-к-контузило, – мило улыбаясь, поясняет он, а мне становится жалко его, почти безусого мальчишку. Контузия – штука нехорошая, может выстрелить потом кучей всяких болячек, вплоть до слепоты и нарушения психики.

Подпоручик показывает нам свои владения. Выясняется, что офицеров старше него в роте нет: комроты в госпитале, взводные погибли. Я сочувственно киваю. По большому счёту парню самому бы в больничку, а он храбрится, не желая оставлять солдат.

Позиции у него оборудованы серьёзно: глубокие и широкие окопы, несколько землянок. В одной из них он объясняет диспозицию:

– Я-я-я-понцы в д-д-вух верстах отсюда. В-в-чера б-была ат-така, н-н-но бог м-м-иловал, от-тбил-лись.

– Много их?

– Н-не м-м-меньше б-б-б...

– Батальона? – помогаю я.

Он кивает.

– Д-да, б-батал-льона.

– Вы сами их атаковали?

Он смущённо разводит руками:

– П-прик-каза не б-было.

Ясно. Выходит, японец тут непуганый; понятно, почему начальство велело прощупать их здесь. Расслабились, потеряли осторожность – то, что доктор прописал.

– Пойдём на ту сторону ночью, часа в два. Постараемся обернуться под утро, перед рассветом. Передайте своим, чтобы были осторожны и не перестреляли нас, когда будем возвращаться.

Офицер кивает.

Перед вылазкой мы накидываем сверху наши «лохматки». Пехотинцы смотрят на нас с любопытством, но вопросов не задают.

– Пора, – командую я.

Пространство перед нами не заминировано, японцы тоже не позаботились о минзаге. Да и не в ходу это здесь пока. Уже хорошо.

Ползём, вжимаясь всем телом в остывшую землю, стараясь не производить лишних звуков. Я впереди, тщательно высматривая местность на предмет подлянок. На месте японцев я бы точно установил что-то вроде сигнализации, например, протянул бы верёвки, подвесил к ним всякие банки-склянки, тот же фарфор, колокольчики...

За мной ползёт Лукашин-младший, его ноздри широко раздуваются, он способен почуять человека с большого расстояния. Вот он трогает меня за ногу, и я останавливаюсь, чтобы обернуться. За это время глаза уже привыкли к темноте, поэтому оборотень видит направленный на него взгляд.

– Там, впереди, двое. Недавно ели какую-то дрянь.

– Далеко?

– Шагов семьдесят.

– Берём левее.

Огибаем ночной дозор японцев: вряд ли в этом окопчике сидит офицер, а рядовые начальству не нужны. Пропахиваем на пузе ещё с полкилометра. Если приподнять голову, можно увидеть высокий бруствер окопов – началась основная линия обороны японцев. Они окопались не хуже наших, позиционная война, дери её за ногу.

Соваться в окопы не стоит: даже если часовые нас не заметят, свалимся на головы спящих солдат и поднимем вселенский хай, а оно нам не нужно. Берём ещё левее.

Фёдор принимает.

– Кажись, водкой ихней несёт.

– Уверен?

– Я эту гадость ни с чем не спутаю.

Интересно, кто может хлестать ночью водку, не боясь последствий. Кто-то, облечённый властью, то есть офицер.

– Показывай направление.

Короткий бросок – и мы оказываемся возле землянки. Перед ней в окопе расхаживает часовой. Ему холодно, он то и дело останавливается, чтобы попрыгать на месте или похлопать себя по ляжкам. Винтовка с примкнутым штыком висит на ремне.

Провожу ребром ладони по горлу. Лукашин-младший кивает и ныряет вперёд. За долю секунды он оказывается за спиной у часового. Тихий хруст – и тело японца мягко опускается на землю. Оборотень придерживает его, чтобы оно не свалилось кулём.

Прыгаем в окопчик всей толпой, кроме Акиньшина. У того боевая задача – стоять на стрёме. Дёргаю грубо сколоченную дверь в землянке и вихрем влетаю внутрь. И тут же, усмехнувшись, замираю.

Японец в исподнем дрыхнет в положении сидя у стола, уронив голову на руки. Он успел так набраться, что даже не заметил

появления незваных гостей. Бросаю взгляд на аккуратно сложенный мундир. Есть! Это тайи, аналог нашего капитана. Довольно крупная птица, ради которой стоило переться через линию фронта.

Полдела сделано, осталась другая половина – дотаранить этого самурая до расположения наших. Лукашин-старший склоняется над стриженной головой японца, что-то шепчет ему на ухо, а потом поднимается. У казака довольный вид.

– Всё, вашбродь, он теперича долго не проснётся. Можно тащить.

За руки и за ноги выволакиваем капитана из землянки. М-да, одно плохо – бельишко на нём светлое, а потому приметное. Быстро пачкаем его «костюм». Уже лучше.

Ползём к нашим. С каждой секундой хочется всё быстрее и быстрее, но этот порыв надо пересилить. Мы слишком близко от вражеских позиций.

На сей раз я замыкаю цепочку, попутно устраивая жителям Страны восходящего солнца разнообразные неприятные сюрпризы. Не зря прихватил с собой несколько гранат: сейчас я творю вещи, с которыми японцы ещё не встречались, – устанавливаю растяжки. Одна, кстати, подстерегает в землянке. Ой как не поздоровится тому, кто первым в неё заглянет и откроет дверь...

Только успеваю подумать об этом, как позади раздаётся громкий бадабум. Сомнений нет, землянку навестили. Ну что ж, на всё воля аллаха!

Поднимаются шум и гам, слышатся чьи-то крики, причём отнюдь не на русском. Пуля вжикает рядом со мной. Вот блин, неужто засекли?!

Замираю, вжавшись каждым сантиметром тела в землю. Я кочка, кочка, кочка, я вовсе не солдат...

Пули щёлкают уже вдали от меня. Хм, похоже, японцы лупят в белый, то есть в чёрный пока свет как в копеечку. На наше счастье, прожекторов нет, так что заметить нас трудно.

Та-дах! Не знаю, что за крики следуют после взрыва, но думаю, это японский мат-перемат. А ведь это вторая моя растяжка... Неужто погоня?

Но после растяжки энтузиазм преследователей резко умножается на ноль, поэтому нам удаётся благополучно доползти до своих и соскользнуть в окоп.

Там уже стоит тот самый молоденький подпоручик.

– К-как всё п-прошло, ш-штабс-ротмистр?

– Как обычно, – устало улыбаюсь я.

Японец по-прежнему лежит без чувств. Надеюсь, Лукашин-старший не перестарался и не отправил «языка» в летаргический сон лет так на десять. Ползти за следующим уже как-то не хочется, да и японцы не поймут.

Глава 9

Сам я в допросе захваченного тайи не участвую. С японским у меня худо. Словарного запаса даже из прошлой жизни – банзай, бонсай, суши, сашими, саке и Фудзияма – для полноценного допроса явно недостаточно. Так что пусть специалисты повыше уровнем работают.

Участникам рейда даю приказ отсыпаться, остальным – тащить службу: наряды, боевое слаживание, тренировки, все дела. И сам заваливаюсь поспать.

Просыпаюсь оттого, что кто-то легонько тормозит за плечо.

– Вашбродь, вашбродь, подъём... Приоткрываю правый глаз. Ага, денщик. Сажусь на постели, растираю ладонями лицо.

– Чего там, Кузьма?

– Приказ явиться к господину подполковнику.

– Срочно или как?

– По мере готовности.

Значит, есть время немного привести себя в порядок. Скоробут помогает умыться и даже побриться. Как не хватает мне тут одноразовых станков, а местная бритва каждый раз напоминает о печальной судьбе Остапа Сулеймана Ибрагима Мария Бендер-бея в финале «Двенадцати стульев».

Ладно, это лирика, попаданческим изобретательством займёмся после войны, а пока пользуемся артефактами местной цивилизации. Отлично выправленное Кузьмой лезвие с тихим шорохом соскребает с лица отросшую за время первого рейда щетинку. Даже и не порезался. Почти.

Персидский принц благодарит от лица службы за успешно проведённую операцию. Японский капитан оказался ценным призом – слил информацию, что японцы готовятся наступать. У нас три дня, чтобы подготовиться и встретить врага во всеоружии. Оборона – это, конечно, хорошо, но и врагу инициативу лучше не отдавать. В голове зреет план. Решаюсь.

– Господин подполковник, разрешите обратиться?

Али Кули Мирза благосклонно кивает. Выкладываю козыри. Если лишить противника боеприпасов, то наступление как минимум замедлится, а то и вовсе отложится.

– Предлагаете накрыть их склады артиллерийским огнём? – загорается он.

– Никак нет, предлагаю уничтожить с помощью диверсии силами моего подразделения.

Подполковник думает.

Чтобы настроить его на нужный лад, развиваю тему:

– Артиллерийский удар – это ж сколько снарядов придётся сжечь, прежде чем будет достигнут нужный результат. К тому же японцы вполне освоили контрбатарейную борьбу. Артиллеристы у них хорошие. Терять орудия в результате артиллерийской дуэли нам ни к чему. К тому же можно добыть новые разведданные.

Этот аргумент действует. Перс интересуется, сколько надо времени на подготовку. Прошу сутки. Надо пополнить поредевший запас гранат. Да и план предстоящей операции не мешает продумать.

Темнота и бесшумность – друзья диверсанта. А с бесшумным оружием в тысяча девятьсот четвёртом году не так чтобы айс. До изобретения глушителя лет тридцать-сорок. Я его конструкцию не помню, я же не инженер ни разу. Так, уверенный пользователь готового продукта. Лук? Учиться бить из него – дело долгое. Арбалет – другое дело. Тем более из фильмов помню: китайцам такая штука должна быть знакома с глубокой древности.

Вызываю к себе братьев Лукашиных. Объясняю, что требуется, и советую опросить местных охотников и кузнеца. Вроде поняли.

Казачки выдвинулись на поиск арбалетов, а я засел за карты. Топографические, если вдруг кто что не так подумал. Нет, склады японских боеприпасов на них не отмечены, но вот подыскать примерный маршрут движения и отхода и подумать о резервных вариантах не мешает.

Кузьма приносит обед от хозяев: супец с пельменями, тушёную свинину с квашеной капустой и местный пончик – длинную полоску хрустящего обжаренного теста. Ну и чай, куда без него?

За чаем меня и застали вернувшиеся братья Лукашины. Пригласил их к столу и «полюбовался» на казачью добычу. М-да... Слабосильные, верёвочная тетива, плечи составные из нескольких

слоёв бамбука, приклада нет. Стрелы деревянные, только наконечники из плохого самодельного железа.

– Может, всё не так уж и плохо? Как же!

Вышли во двор проверить. Максимальная дальность – пятьдесят шагов. Уверенная убойная дистанция – шагов тридцать.

– Не, так дело не пойдёт, – качаю головой я.

Казачки вздыхают.

– Ведите меня к этому Левше.

Отправились к местному кузнецу целой делегацией.

Объясниться с китайцем – отдельная песня. Особенно когда толмач сам владеет языком на уверенном уровне «моя твоя почти не понимай». А ещё же надо объяснить технические детали. Но с горем пополам друг друга поняли: язык жестов и картинки, нарисованные прутиком в пыли рулят в качестве языка межнационального общения.

Понять-то нас кузнец понял: размер изделия с локоть, рычажный взвод (пришлось согласиться на составные плечи из бамбука, усиленные одной металлической пластиной), плетёная из конского волоса тетива. Но даже в таком лайтовом варианте запрошенные пять арбалетов кузнец готов был изготовить в течение недели. И цену запросил такую, что братья крякнули, а я нервно почесался.

Однако, в конце концов, ближайший рейд – не последний рейд. Арбалеты ещё пригодятся. А пока придётся по старинке обходиться с помощью боло. Впрочем, оба слабосильных агрегата всё же берём с собой: на безрыбье и жопа – соловей.

Бойцы мои тренируются в отработке новых приёмов маскировки и бесшумного проникновения мимо часовых, а меня заботит финансовый вопрос. Личный кошелёк показал дно. Когда ближайшая выдача денежного довольствия, даже не представляю. Но язык-то есть. Что мешает спросить? На худой конец попытаюсь одолжить в полковой кассе.

Комэск смотрит на меня, словно ожидая подвоха. Чешет затылок.

– На что вам деньги, ротмистр?

– Поиздержался.

– Карты, женщины? – испытующе смотрит он.

– Никак нет. Острая жизненная необходимость, – туманно поясняю я. А ну как сочтёт за баловство мою возню с арбалетами? Для здешнего комсостава это всего лишь средневековая архаика. С таким

же успехом мог сказать, что деньги нужны для изготовления баллист и катапульта.

Шамхалов вздыхает. Из его пространной речи понимаю, что все офицеры полка примерно в одинаковой ситуации. Денег в полковой казне нет. Все финансовые выплаты задерживаются иногда на значительный срок – как пришлют деньги из штаба армии. А там надо идти к полковому казначею и писать требование в свободной форме на выдачу денежного довольствия. На каждый вид: жалованье, квартирные, полевые и походные порции, столовые, прогонные, даже на дрова и варку пищи – требование нужно писать отдельно. С ума свихнёшься. Я так и сказал Шамхалову.

Тот «утешил»: мол, в штабе разрабатывается идея сделать единый расчётный листок, где все эти выплаты будут сведены к единым суммам и выплачиваться зараз. Но всё это дело будущего, а пока...

– Люди прямо гибнут, составляя эти требовательные ведомости и контрольную отчетность, не спят ночами и получают чахотку, – разводит руками комэск.

Приходится раскрыть, на что я собираюсь потратить деньги. Карандашом набрасываю на бумажном листке вид арбалета, объясняю преимущества дистанционного беззвучного оружия, особенно для действий во вражеских тылах.

– Напишите родне в Россию, попросите прислать денег, уж не откажут, полагаю.

Ещё бы знать толком, кому писать? Для этого надо внимательно изучить ту стопку писем, перевязанных тесёмкой, что досталась мне от прежнего владельца тела, настоящего Николая Гордеева, а мне всё было недосуг этим заниматься. Поглотили непосредственные дела службы.

– Долго придётся ждать, а деньги нужны сейчас. Я запомнил: у нас в полку должна же быть какая-то касса взаимопомощи? Офицерский банк?

Шамхалов отрицательно мотает головой.

– Можете попытать счастья в карточной игре, – предлагает комэск. – При штабе полка есть кружок завязанных игроков. Заправляет там всем неизвестный вам пан Вержбицкий.

– Увы, карты не моя стезя. Да и с Вержбицким у нас и без того непростые отношения, чтобы ещё усугублять их и на этой почве.

Шамхалов вздыхает и протягивает мне червонец. Блин, вот неудобно-то как... Получается, выклянчил деньги у собственного командира. Божусь, что отдам – как только и при первой возможности.

Кузнец согласился принять десятку в качестве аванса, чтобы приступить к работе. Чем расплачиваться буду, даже не представляю. Ну да бог не выдаст, свинья не съест, бой покажет.

В этот раз фронт переходили на другом участке. Имитировали ночную артиллерийскую атаку на соседнем участке. Батарея открыла беглый огонь, который солдатики поддержали ружейной трескотнёй. Японцы забегали, всполошились, сочли за ночную атаку, бросили к месту предполагаемого прорыва силы с соседних участков, а мы, полтора десятка лохматых кочек, под шумок и проскользнули на ту сторону.

Рассвет застал нас в рощице на макушке одной из сопок, километрах в пяти от линии фронта. Караул караулит, остальные отсыпаятся впрок. Мы втроём с Тимофеем Лукашиным и Савельичем наблюдаем за перекрёстком и пытаемся анализировать особенности трафика в японской прифронтной полосе. Помогает мой офицерский бинокль, блестящие окуляры которого, дабы не выдали нас врагу, я прикрыл снаружи куском измазанного в зелёном травяном соке бинта.

Время от времени к линии фронта маршируют японские подразделения. Делаю пометки примерной численности и вооружения. Но больше интересуют отдельно едущие армейские повозки и их груз. Самое интересное – движущееся к линии фронта – прикрыто мешковиной или брезентом. Но не беда, удалось выявить, куда эти повозки возвращаются уже порожними, – небольшое селение у подножия соседней сопки. Судя по всему, там и есть наша цель – склад бое припасов.

Командую передислокацию. Крадёмся лесом, насколько это возможно. Увы, искомая цель – по другую сторону от дороги, да ещё и поля вдоль неё прекрасно просматриваются. А по дороге довольно активное прифронтное движение: и местное крестьянство передвигается по своим делам, и подданные микадо перемещаются, согласно планам и приказам своего командования. Судя по движухе, японцы усиливают свой правый фланг. Интересно, наше начальство в курсе? Ведь не одни мы ходим в разведку на целый фронт.

Темнеет. Дорога и её окрестности вымирают. Правильно, хорошие мальчики ночью должны спать, а темнота – она, как известно, друг... не будем уточнять, кого именно.

До склада с боеприпасами уже всего ничего. Край леса, за ним свежая вырубка, по которой перемещаются часовые. Смена стандартная, каждые два часа – успели убедиться. По краям четырёхугольной вырубки керосиновые фонари на столбах. Нам это на руку. Мы-то в темноте, а часовые – на виду.

Ждём полночи. Один из недоарбалетов у меня, второй поручаю Акиньшину – глазомер у парнишки оказался приличным, так что, может, и выращу бабу-ягу, вернее, снайпера, в собственном коллективе.

Смена караула, свежие часовые заступают на посты. Выжидаем, пока разводящий с караулом скроются за пределы видимости и слышимости и начинаем.

Лохматые кочки замерли на заранее оговоренных позициях. Часовые синхронно подходят к угловым столбам с фонарями. Чуть слышно тренькают тетивы наших с Акиньшиным арбалетов. Оба часовых кулями валяются на землю. Братья Лукашины исполняют контроль.

Акиньшин молодец, а моего Тимофею пришлось дорезать. Хоть мой болт и прилетел часовому в шею, но попал не в сонную артерию, а в дыхательное горло, и тот ещё хрипел и булькал, когда Лукашин подполз к нему для проверки.

Оставляю секрет на тропе, по которой приходит смена караула. Самое время заняться складом. Замок долой, ибо в это время против лома, вернее, фомки, ещё нет приёма. Дужка, поддавшись напору, хрустит и ломается. Двое остаются у входа сечь за окружающей действительностью, а мы входим внутрь.

Всё ожидаемо – штабеля ящиков: патроны, снаряды... И сразу становится не по себе. Странные мелодичные звуки льются из глубины склада. Непривычная, но завораживающая музыка.

В проходе появляется девушка в кимоно, почти подросток, с каким-то струнным инструментом в руках (чёрт его разберёт местный оркестровый инструментал: не то банджо, не то балалайка-переросток) [1]. И все мы на несколько мгновений замираем: это не то, что ожидаешь увидеть и услышать на армейском складе боеприпасов.

Колет и жжёт грудь: амулет не просто предупреждает – кричит об опасности. Вскрикивает испуганно Акиньшин: его тело обхватывают выскочившие из-за спины девушки блестящие, словно шёлковые, нити. Солдатика дёрнуло к девушке, словно в объятия. И наваждение пропало. От прежней соблазнительной особы остались только торс и человеческая голова, остальное показало себя в истинном виде – многосуставные тонкие лапы, паучье тело. Прелестное личико словно треснуло по швам, раскрылось, как уродливый цветок, и острые ядовитые жвала вонзились в грудь Акиньшина.

Солдатык тонко и утробно заверещал от боли. Затрещали выстрелы. Я тоже выхватил револьвер и всадил в чудовище-оборотня весь барабан. А крепкий у этого демона панцирь, не всякие пули его берут, только серебряные. И, похоже, даже они не очень на чудовище действуют.

Тело Акиньшина отлетает в сторону, демонический паук разворачивается к нам, его ядовитые жвала угрожающе шевелятся, зеленоватый яд капает с них, полы кимоно на человеческой части чудовища распахиваются в стороны... А грудки у монстра очень ничего – небольшие, аккуратные, с острыми тёмными сосками... Мысленно ругаюсь про себя: вот что значит быть давно без бабы, на паучих заглядываюсь!

– Берегись! – кричит старший Лукашин.

Чудовище выпускает в нас свои паучьи нити. Падаю на пол и откатываюсь в сторону – паутина пролетает мимо меня. Зато прилетает Кузьме и ещё паре бойцов. Паучиха-демон тянет к себе попавшихся жертв^[2]. Не многовато ли нам светит потерь?

Отбрасываю бесполезный наган в сторону – он будет только мешать. Выхватываю трофейный вакидзаси и бросаюсь с перекатом навстречу монстру, сокращая расстояние до дистанции рукопашного боя. Острая заговорённая сталь отсекает одну из восьми паучьих ног. Брызжет во все стороны вонючая жёлтая не то кровь, не то слизь.

Демоница верещит от боли, пытается удержаться на оставшихся семи ногах и переключить своё внимание на меня. Её жвала щёлкают в опасной близости от моего лица. Младший Лукашин раскручивает и кидает своё боло. Верёвки опутывают три ноги демоницы, она не может удержать равновесие и заваливается на пол.

Добиваем её холодным оружием. Мерзкое зрелище, да и вонь, как на скотобойне. Не могу удержаться, выворачиваю прямо на пол содержимое желудка. Да и не я один. Тошнотворное зрелище.

Плоть несчастного Акиньшина там, где на него попал яд демона-паучихи, словно тает, оплывая в неаппетитное жидкое месиво. Еле успеваю перехватить Бубнова, решившего вытащить тело бойца на улицу.

– Стоять! Руками не трогать и не прикасаться. Неизвестно, что это за яд такой.

Савельич чешет в затылке.

– Не по обычаю это, вашбродь, боевого товарища похоронить треба. Честь по чести.

– Здесь будет его могила. В огне.

Чувствую, Савельич внутренне не согласен, но приказ есть приказ.

Торопливо минируем склад. Смотрю на часы. До смены караула – всего четверть часа. Надо срочно уходить.

А, нет, придётся задержаться. В углу склада обнаружился ценный веник: французский пулемёт «гочкис» с воздушным охлаждением ствола. Три штуки. Ни разу пока не ручные – два на станках с треногой, и один на колёсном лафете. Жаба в груди надулась и заявила: хочу! Разбирать – потратим время сейчас; тащить в сборе – очень тяжело и замедлит передвижение потом. Дилеммочка...

– Лукашины! Взять трёх бойцов на выбор и перехватить караульную смену на подходе. Без звука, без пыли. Задача понятна?

– Так точно! – отвечает старший.

Разбирать «гочкисы» мы закончили как раз к возвращению пятёрки во главе с Лукашиными.

Справились, как и приказал, – взяли подходящий караул в ножи, никто и не пикнул. Набиваем вещмешки патронами, смазочным маслом для пулемётов, тридцатипатронными жестяными открытыми магазинами для стрельбы. Выходя, поджигаю бикфордов шнур.

Через несколько минут за нашими спинами раздаётся дикий грохот, чёрное небо расцветивается багровым столбом чуть не до самых звёзд. И с рёвом встаёт зарево пламени под аккомпанемент продолжающихся рваться снарядов и патронов. Хорошая могила вышла у бедного Акиньшина.

На короткое время застываем, снимая фуражки. Царствие тебе небесное, боец!

Ночной марш-бросок в полной выкладке с добытым пулемётным хабаром ведёт нас не к фронту, а вглубь японской территории. Закладываем длинную петлю, как заяц, уходящий от лисы, чтобы вернуться к своим в удобном месте. И раз японцы перекидывают части на свой правый фланг, то нас для перехода к своим будет интересовать их левый фланг.

Рассвет застаёт нашу диверсионно-разведывательную группу в очередном лесу. Выставляю часовых, определяюсь со сменами и заваливаюсь спать. Рубит к этому моменту уже по-страшному. Кажется, ещё чуть-чуть – и просто потеряю сознание.

Снятся сиськи. Небольшие, девичьи, с задорно торчащими сосками... Паучихины. Из липкого, тяжёлого сна меня выдёргивает Кузьма. Скоробут тихонько трясёт за плечо.

– Вашбродь, черёд заступать на караул.

Сажусь, трясу головой, тру лицо ладонями – хочется стереть с себя приснившийся кошмар. Или дело в накопившемся спермотоксикозе? Гормональное напряжение в организме копится. Не запросить ли по возвращении краткосрочную увольнительную до ближайшего прифронтового борделя? Хотя перспектива подцепить «гусарский насморк» или другую венерическую болячку не радует. До антибиотиков в этом мире ещё лет тридцать-сорок. Или эти неприятности тут умеют усмирять магическими способами? Надо будет выяснить, что и как.

Выдвигаюсь в дозор, сменяя Савельича. Унтер, походу, на меня дует, что я не дал нормально похоронить Акиньшина. Знать бы ему, что моё первое тело – старлея Шейнина – тоже вряд ли кто похоронил в сирийской пустыне иной реальности. Как и Вомбата, и остальных ребят.

Лежу в секрете, наблюдаю за окрестностями. Лес давит. Шорох листы, словно шёпот заклинаний на незнакомом языке, навеивает дрёму...

Стопэ! Какая дрёма?! Какой сон?! Я ж только что заступил. И где привычный птичий гомон? Птиц не слышно. Куда делись? Кто-то испугнул? Прислушиваюсь к ощущениям в груди – как там мой

амулет? Кожу еле заметно покалывает. И с каждой секундой всё сильнее.

Трижды свищу сойкой. Со стороны лагеря трижды отвечает зяблик. Сигнал «внимание» услышан. Сейчас Скоробут будит остальных, а часовые в секретах утроили бдительность.

Продолжаю наблюдать. В лесу мелькают, приближаясь, силуэты – синие кепи с красными околышами, синяя форма, белые гетры. Идут цепью, словно прочёсывая лес. Винтовки с примкнутыми штыками наготове. И не только люди – недаром мой амулет сигнализировал. Среди солдат – странные человекоподобные крылатые существа с клювастыми лицами, а также похожие на них, с такими же клювастыми лицами, но без крыльев, зато с перепонками на руках и ногах, как у лягушек.

Атас! По нашу душу явились. Трижды свищу японской пеночкой и, стараясь быть бесшумным, отползаю назад. В голове крутится бессмертное, но тут ещё не придуманное: «Я кочка, кочка, кочка, а вовсе не солдат... И как приятно кочкой лесной в лесу лежать...»

То ли заклинание подействовало, то ли что другое, но вроде не заметили, хотя продолжают двигаться в направлении нашего временного пристанища.

В лагере застаю деловитую суету, народ быстро собирается. Описываю бойцам увиденное. В двух видах нечеловеческих японцев Лукашины опознают тэнгу и капп, как бы леших и водяных. Уходим, оставив сюрпризы для преследователей. На самом видном месте – набитый под завязку сидор покойного Акинъшина. И ещё кое-что по окрестным кустам рядом с тропками, ведущими с поляны в разные стороны.

Идём быстрым шагом. А вот и растяжки сработали одна за одной. Пять взрывов и слабые крики ярости и боли. Добрались, стало быть, преследователи до нашего покинутого лагеря. Хорошо, японец пока ещё непуганый. Но успокаиваться не стоит. Противник обычно быстро учится.

Переходим на бег.

Глава 10

С тяжёлыми «гочкисами» не разгонишься. Но и бросить жалко, жаба просто не поймёт. Тащим по очереди, даже я впрягаюсь наряду со всеми. Сколько в пулемётах весу, сказать сложно, думаю, килограммов двадцать пять – тридцать, однако с каждым метром нести их становится всё трудней и трудней. Ощущаю себя загнанной лошадей.

Сюрприз с растяжкой на какое-то время охладил пыл преследователей. Тем не менее скоро становится ясно: фора невелика. Я не слышу, скорее чувствую, что японцы уже идут по пятам. Дистанция стремительно сокращается.

Не уйдём...

Надо принимать бой. Вижу впереди подходящее место – сразу три господствующие высоты, расположенные в виде неправильного треугольника. Для моей задумки самое то.

Останавливаю отряд, объясняю бойцам диспозицию. Лукашины с одним «гочкисом» уходят на правый фланг, Савельич – на левый. Остальные во главе со мной готовятся устроить японцам жаркую встречу и ударить прямо в лоб.

Еле-еле успеваем разместиться до прибытия самураев. Тешу себя надеждой, что их количество поубавилось, хотя от синей формы и белых гетр уже начинает рябить в глазах. Такое чувство, что по наши души отправили чуть ли не батальон. Видать, хорошо мы укусили японцев, раз они так обозлились.

Местность не позволяет врагам растянуться в цепь, приходится сбиться в колонну, но за нами идут уверенно. И, кажется, я знаю почему. Вскидываю голову и вижу парящего в небе демона-тэнгу – так его называли Лукашины. Вот и «беспилотник».

Радует одно: полевых раций, чтобы связаться со своими, нет, крылатому нужно либо подавать какие-то знаки, либо спускаться на грешную землю. Кажется, вариант номер раз. В бинокль отчётливо видна активная жестикуляция. Наверняка точно так же за ним наблюдают в бинокль и с японской стороны. Сейчас наши позиции расшифруют, и на этом элемент неожиданности потерян.

Снять летуна? Но как? Револьвер, заряженный серебряными пулями, на такую высоту не добьёт. Эх, рановато открывать огонь, ещё не все японцы втянулись в узкое пространство между сопками. Но ничего не поделаешь!

По моей команде «гочкисы» открывают кинжальный огонь. Пулемётчикам даже особо целиться не нужно. Очереди начинают рвать неприятельский строй. Японцы залегают, открывают ответный огонь, в основном бесполезно лупя в белый свет как в копеечку. Чую, многие из них уже не поднимутся, да и раненых до хрена. Вот только даже с пулемётами нас чуть больше дюжины, а у самураев счёт идёт на сотни.

Вношу посильную лепту, расстреливая демонов из револьвера. Как минимум одного «гуся лапчатого» зацепил, тот прекратил дёргаться и залёг кошмарной мордой вниз.

Внезапно перестаёт бить пулемёт Лукашиных. Патроны закончились? Почуввав послабление, часть японцев поднимаются и начинают карабкаться на сопку по направлению к братьям. Запас самодельных гранат не бесконечен, я так надеялся оттянуть их применение, но, похоже, придётся пустить ресурс в бой.

Рысью перебегаю на правый фланг, стараясь не думать про свистящие над головой пули, на ходу кидаю последние две гранаты. Дуракам везёт. Меня не зацепило, а японцы пустились в драп со склона сопки.

Плюхаюсь на пузо возле Лукашина-старшего.

– Тимофей, в чём дело?

– Не стреляет, скотина! – жалуется казак. – Заклинило, сволочь!

На самом деле капризную иностранную технику он называет по-иному, но я смягчаю его слова.

Бросаю тоскливый взгляд на обильно промасленную открытую кассету с патронами. Да на ней места живого нет от комков грязи! Оно, конечно, стоило бы руки инженерам-создателям такой конструкции оторвать, да где их найдёшь в сопках Маньчжурии! Похоже, правый фланг для нас потерян: с обычными винтовками Лукашины его не удержат.

– Отходим, – принимаю тяжёлое решение я.

Лукашины тянутся к пулемёту, но я отстраняю их рукой.

– Оставьте как есть. У нас ещё парочка осталась.

Пулемёт жалко до ужаса, но если стоит выбор между ним и жизнью моих ребят, выбираю второе.

Амулет как огнём жжёт грудь. Вскидываю голову и вижу пикирующего на меня демона. Не выдержал, гад. Безошибочно вычислив во мне офицера, тварь несётся на меня, удерживая в руках меч. Снизу демон кажется просто огромным.

Едва успеваю увернуться от удара, и его план располовинить меня временно не воплощается в жизнь. Лукашин-старший кидается на тварь с шашкой наперевес. Но чудеса казачьей фланкировки не помогают: демон легко отбивает его выпад и быстро заставляет отступить назад.

Короткой паузы хватает, чтобы достать заговорённый клинок. На нём снова проступает магический рисунок.

Демон резко оборачивается. Из этого положения он уже не выглядит прежним гигантом, однако всё равно выше и массивнее меня. К тому же у него явное преимущество для фехтовальщика – более длинные руки. Удар крылом валит меня с ног, но я не валюсь кулём на землю, а кувыркаюсь назад и тут же оказываюсь на ногах.

Внезапно голова демона запрокидывается назад, клюв раскрывается, издавая леденящий душу клёкот. Оказывается, Лукашин-младший не сплеховал и сунул клинок твари в незащищённую спину. Не очень благородно с его стороны. Но на войне как на войне.

К сожалению, рана оказывается не смертельной. Противник всё ещё полон сил, к ним добавляется невероятная ярость. Его меч мелькает с непостижимой скоростью. Я с трудом отбиваюсь, понимая, что долго выдержать такой темп не смогу.

Бахает выстрел, и нога демона подламывается. Молодец, Тимофей, нашёл уязвимое место и прострелил его из винтовки. Второй выстрел подламывает другую ногу. Приходит мой черёд. Сокращаю расстояние между мной и тварью, замахиваюсь и одним ударом сношу косматую башку демона. Из обезглавленной шеи бьёт фонтан яркой крови.

– Здоровый, сука, оказался, – вздыхает Тимофей.

Я соглашаюсь. Мы втроём едва справились с ним, а ведь внизу ещё несколько таких созданий.

– Побежали, – команду я. Больше нам здесь делать нечего.

Вместе с Лукашиными перемещаюсь в центр. Слава богу, хоть тут «гочкис» не капризничает и исправно рубит врагов в капусту. И всё-таки потеря правого фланга – штука серьёзная. Японцы не дураки, обязательно используют этот козырь и обойдут нас с той стороны. Я не Суворов или Кутузов, но моих знаний хватает, чтобы трезво оценить обстановку. Пока что нам удалось отбить атаку японцев, но рано или поздно нас зажмут в клещи – и тогда всё, амба.

Хмуро гляжу на мужиков. Те понимающе смотрят в ответ. Решение напрашивается само собой, но принять его не так-то просто. Сейчас я своей волей отправлю кого-то из них на верную смерть. Рад бы остаться сам, но нельзя.

– Вашбродь, – отзывается вдруг Махнёв, внешне неприметный, но надёжный как кремень солдат, – разрешите мне тут остаться с пулемётом, япошку задержать. А вы, дай бог, уйдёте.

– Уверен?

– Всё равно от смерти не убежишь, – разводит руками тот. – Мне что, я пожил. А тут есть меня помоложе. Пушай живут, японца лупят. Ежели что, отпишите моим в деревню...

– Обязательно отпишу, – говорю я, чувствуя, как что-то переворачивается в душе. Этот простой русский мужик сейчас совершает подвиг, ценой собственной жизни давая шанс другим. – Дай я тебя обниму!

Прижимаю бойца к себе, чувствую его пропитанное табаком дыхание.

– Прощай! Не держи зла.

Он кивает.

Подходят остальные солдаты, обнимаются с ним, прощаются, как и я. У многих в глазах слёзы.

Отзываю Савельича с левого фланга, приказываю отдать Махнёву все патроны от «гочкиса» и начинаю отход. Перед тем, как остатки разведотряда скрываются, бросаю последний взгляд на бойца. Тот спокойно и даже деловито открывает по японцам огонь, чтобы прижать их к земле. Даю себе обещание хоть как-то после войны (если, конечно, выживу) помочь его родным. Может, съезжу и навещу. А письмо напишу сразу, как только (гоню от себя проклятое «если») вернусь на базу.

Нас стало меньше, это гнетёт. Сначала Акиншин, теперь Махнёв. Он пока держится, но в том-то и дело, что пока.

Через четверть часа пулемётная очередь обрывается на высокой ноте. Бойцы снимают фуражки и осеняют себя размахистыми крестами. Крещусь и я.

Прикидываю, сколько осталось до линии фронта. Вроде не так уж и далеко. С одним пулемётом идётся быстрее, к тому же без патронов к нему. О привалах не думаю, каждая секунда отдыха на руку неприятелю. Вряд ли он оставил попытки догнать нас, уж больно чувствительно щёлкнули мы его по носу.

Амулет!

Заставляю бойцов спрятаться так, чтобы не было видно с воздуха. Очередной крылатый демон проносится над нами и, никого не заметив, забирает вправо. Поднимаемся, чтобы продолжить путь. Всё-таки «лохматки» – полезная вещь, помогают слиться с местностью, иначе бы тварь запалила нас на раз-два.

Спускаемся с сопки на равнину – самый опасный участок пути. До спасительных зарослей гаоляна километра полтора; пока не доберёмся до него, открыты для всех. В спину дул холодный ветер, словно подговаривая ускорить шаг, а то и вовсе побежать, но я замешкался – привычка осторожничать давала о себе знать.

Дорогу к гаолянцу перегородила выехавшая с проторённой дороги полусотня японских кавалеристов.

– Мать честная! – сказал за всех мой ординарец.

Всадники заметили на нас, перешли в галоп, засверкали клинки. Я приказал открыть по ним огонь. Дружный залп из десятка винтовок сбросил из седла нескольких кавалеристов и заставил полусотню повернуть назад. Взять нас с наскока у них не получилось. Но и нам от этого было не так уж много толку: путь к нашим оказался отрезан, надо искать другую дорогу, а позади всё ещё двигалась преследующая нас пехота.

– Отступаем, – принял решение я.

Придётся снова отойти к сопкам: идти в атаку на засевших кавалеристов – чистой воды самоубийство, нас перещёлкают как семечки.

В подтверждение моих мыслей из гаоляна зажужжали пули – это конники спешили и стали по нам стрелять. Стоявший возле меня

солдат взмахнул руками и повалился. Минус ещё один, с сожалением понял я, но всё-таки приказал проверить.

– Как он?

Кузьма печально склонил голову.

– Преставился, упокой Господь его душу.

Огрызаясь, мы стали пятиться к сопкам. Вылезать из зарослей японцы не спешили: боялись или осторожничали. Изредка постреливали, но, к счастью для нас, мимо.

– Что делать, вашбродь? – спросил Лукашин-старший.

Вопрос, конечно, интересный. Прямо пойдёшь – конец найдёшь, назад пойдёшь – такая же загогулина. В общем, придётся петлять, только это не так уж и просто, когда на тебя насаждают сразу с нескольких сторон. Однако, когда ты командир, нужно делать морду кирпичом и изображать абсолютную уверенность.

– Пойдём вдоль сопки. Не отстаём, братцы!

Опасность сблизил меня с солдатами, они чувствовали это и тянулись ко мне, невзирая на чины. Тот же Лукашин-старший успел понюхать пороха не меньше моего.

Все устали как собаки, но желание выжить и прорваться к своим помогало выдерживать интенсивный темп ходьбы.

Где-то позади нас послышалась оглушительная пальба. Я не сдержал улыбки.

– Френдлифайер.

– Что, вашбродь? – не понял шагавший рядом Скоробут.

– Дружеский огонь. Похоже, наши преследователи столкнулись с кавалеристами и, не разобравшись, стали стрелять друг в друга.

– Ну, хай тогда укокошат сами себя! – усмехнулся Кузьма.

– Это вряд ли, однако кого-то да зацепит.

Перестрелка длилась несколько минут, затем наступила тишина. Ох, представляю, как сейчас лаются их офицеры и какой потом будет разбор полётов. А нам на руку любая задержка в стане противника.

Неразбериха среди японцев продлилась достаточно долго, чтобы дать нам шанс уйти вперёд. То карабкаясь по скалистым сопкам, то осторожно спускаясь с риском сорваться в любую секунду и если не убиться, так серьёзно покалечиться (а любая травма существенно снизила бы скорость), мы всё-таки смогли отмахать километров десять в относительном спокойствии и наконец вышли к небольшой долине,

большую часть которой занимало озеро, заполненное мутно-жёлтой водой. На берегах рос камыш, вернее, то, что мы привыкли называть камышом, а на самом деле это совсем другое растение.

Солдаты тяжело дышали и уже начали спотыкаться – шутка ли, столько отмахать на своих двоих! Тут даже лошадь протянет ноги.

– Привал, – объявил я. – Лукашин-младший за часового.

Оборотень покладисто кивнул. Он легче нас переносил тяготы похода, даже сейчас легко и как-то грациозно пёр на себе пулемёт. Другой на его месте давно бы высунул язык на плечо.

Я дал себе мысленный зарок отдохнуть минут пятнадцать, а потом снова всех поднять и двигаться дальше. Засиживаться было нельзя. Японцы не роботы, тоже устают, но чем дальше от них, тем спокойней на душе.

Один из бойцов, по фамилии Бузыкин, вдруг поднялся и, пошатываясь, направился к озеру.

– Бузыкин, ты куда? – недовольно окликнул его я.

– Щас, вашбродь, я только водичкой холодной умоюсь, – обернулся тот.

– Хорошо, – кивнул я. – Только не вздумай пить!

– Да я ж понимаю. Не беспокойтесь, вашбродь!

Он подошёл берегу, присел на корточки и... Вода возле него пошла волнами, будто кто-то бросил туда огромный кирпич.

– Бузыкин! – закричал я, но было поздно.

Две мощные перепончатые лапы высунулись из воды, вцепились в солдата, дёрнули на себя и скрылись с ним под водой. Был Бузыкин – и нет его.

– Твою мать! – заорал я, скидывая с себя одежду.

Оставшись голышом, кинулся с клинком к озеру, набрал полные лёгкие воздуха и с разбега нырнул с открытыми глазами.

Тут было на удивление глубоко – я не ощутил дна. Поблизости расплылось красное пятно. Я повернул голову и увидел всплывающее на поверхность тело Бузыкина. Он был мертвее мёртвого.

Амулет предупредил меня о близости врага. Тварь с клювообразной мордой, но уже без крыльев, плыла ко мне, синхронно отталкиваясь ногами как лапами. Она была в своей стихии и считала меня лёгкой добычей.

Ну-ну, посмотрим. Шашка подобно торпедо вылетела вперёд. Демон в последнее мгновение вильнул, уходя от удара. Я даже не зацепил его, так стремительно всё произошло. Первый раунд: ноль – ноль, ничья.

Поняв, что мне не хватает воздуха, я пробкой вылетел на поверхность. Сквозь водную гладь ко мне метнулось бурое пятно. Я не мог видеть, но почему-то знал, что демон сейчас хищно скалит зубы.

Держи, собака! Обхватив двумя руками рукоятку шашки, я мощным толчком погрузил её вниз. Есть! Вода вокруг меня забурлила, окрасилась в знакомый ярко-оранжевый цвет. Не давая твари уйти, я налёг грудью на рукоятку и продолжил давить. Шашка задёргалась, меня стало бросать вместе с ней в разные стороны, но я не сдавался.

А потом всё стихло. Я не чувствовал ничего, кроме звона в ушах и боли в пальцах, которые категорически отказывались отпустить клинок. Не верилось, что тварь мертва, что я победил.

Послышался звонкий шлепок – это преданный Скоробут прыгнул в озеро и плыл ко мне.

– Вашбродь, как вы?

– Всё хорошо, Кузьма! Скотина сдохла. Только Бузыкина жаль.

Я выдернул клинок, руна на нём погасла: шашка напилась крови и снова заснула.

Всплыла уродливая туша демона. Кузьма поглядел на неё и покачал головой:

– Вот же страхолюдина какая! И как вы его не забоялись?

В глазах ординарца читалось уважение ко мне. Похоже, не самый обдуманый поступок резко поднял мои акции среди бойцов. Они видели во мне командира, который готов ради них на всё. Конечно, мне льстило такое отношение, теперь солдаты пойдут за мной в огонь и воду. А попутно голову сверлила мысль: что, если бы демон оказался не один? Вряд ли бы я тогда так легко отделался.

Мы выволокли тело несчастного солдата на берег и, уложив его в небольшую лощину между сопками, заложили камнями. Лукашин-старший сделал из двух веток крест и водрузил его над могилой Бузыкина.

Простившись с товарищем, мы продолжили наш путь.

Глава 11

Третьи сутки мы мечемся по японским тылам, пытаюсь скинуть с хвоста преследователей. После того как преследователи нарвались сперва на сюрпризы-растяжки в нашем лагере, а затем попали под перекрёстный кинжальный пулемётный огонь, идти на лобовое столкновение они опасаются. Но держатся у нас за спиной.

По уму им бы привлечь дополнительные силы, заблокировать нас в определённом районе, затем прочесать территорию и – опа! – русские разведчики и диверсанты у них на блюдечке с голубой каёмочкой. Но гадать о намерениях противника, не имея почти никаких данных для анализа, – досужее развлечение. Нам надо знать наверняка. Одно понятно: от фронта нас упорно отсекают. И хотя пока потери небольшие, двухсотыми мы потеряли троих, но есть раненые – на наше счастье, легко. Осталось нас чёртова дюжина во главе со мной, командиром.

Думай, командир, думай. Я и думаю. Думаю на бегу, думаю во время коротких привалов.

А в желудках у всех уже кишка за кишкой гоняется. И раздобыть еду, не прибегая к грабежу и реквизициям у местного населения, затруднительно. А китайцев обижать в нашем положении не стоит: за отнятые припасы сдадут японцам за милую душу – не скажу, что они прям горят симпатией к русским «ляованям».

А если... Батальон наших преследователей, он ведь тоже нуждается в отдыхе и пище. Вот взводные повара кашеварят к ужину: в котлах булькает, варится рис, вскрываются жестянки с консервированным мясом и маринованными овощами. А мы с братьями Лукашиными затаились в засаде всего в нескольких десятках метров от расположения японцев. Наши маскировочные накидки пока действуют нормально, японских часовых мы обошли. Сработает мой план или нет?

С другой стороны лагеря грохает пара взрывов и раздаётся частая винтовочная пальба. В японском лагере тревога. Бегают солдатики, подхватывая винтовки, составленные в пирамиды. Офицеры что-то командуют, а впечатление такое, что грубо ругаются на подчинённых.

В воздух взмывают несколько тэнгу. Остальные птицелюди и каппы вместе с большей частью батальона спешно выдвигаются в сторону непрекращающейся стрельбы. В лагере остаются часовые да взводные повара, продолжающие готовить ужин.

Смотрю на часы, карманную «луковицу» – а что делать, если наручные часы здесь встречаются реже, чем вампир, не боящийся солнечного света?^[3] Есть десять минут. Толкаю Тимофея тихонечко в бок. Он сосредотачивается, губы шепчут заклятия, пальцы словно вяжут невидимые нити в воздухе. На лагерь японцев стремительно опускается тьма. Слышна взволнованная гортанная переключка часовых, да и повара озадачены.

– Извиняй, вашбродь, – шепчет Тимофей и плюёт мне в глаза.

Наваждение тьмы спадает с меня, теперь лагерь японцев прекрасно виден. Мчимся к ближайшему костру с готовкой. Стараемся не шуметь и не касаться никого из растерянных японцев, оказавшихся в темноте. Фёдор, предусмотрительно скинувший форму, оборачивается медведем. Мы с Тимофеем хватаем котёл с варевом и взваливаем его на спину медведя-оборотня. Сами хватаем печёный хлеб и консервы. А теперь – драпать!

Над растерянными японцами, которые обнаружат пропажу части провианта, когда наведённая Тимофеем тьма рассеется, мы посмеёмся гораздо позже. Как и над большей частью батальона, ломанувшегося на стрельбу и взрывы и обнаружившего там несколько костров, обгоревших бечёвок и сгоревших почти в ноль свечных огарков. Секрет стрельбы предельно прост: мы заранее разожгли костры, подвесив над ними на бечёвках несколько полотняных мешочков с патронами. К бечёвке подставили свечи, когда пламя пережгло её, мешочки с патронами рухнули в костёр, и патроны стали хаотично рваться.

Добираемся до ждущего нас оголодавшего десятка. Часть добычи съедаем, часть прихватываем с собой про запас. Если кто-то сегодня и ляжет спать голодным, то точно не мы. Нам, впрочем, не до сна. После учинённого переполоха стараемся оторваться как можно дальше от преследователей.

Спросите, почему мы до сих пор не воспользовались умениями Тимофея, чтобы раз и навсегда оторваться от преследователей? Во-первых, Тимофей ещё молод и не вошёл в зрелую пору, и дар его ещё

не раскрылся в полную силу. Действует он пока на довольно малое количество народу и небольшое расстояние. Потому-то нам и надо было ложной тревогой отправить большую часть японского батальона за пределы лагеря. А главное, способности характерника требуют слишком больших сил, чтобы их применение проходило бесследно.

Так что Тимофей получил тройную порцию еды, и теперь мы поочерёдно тащим на себе обессиленного характерника, пока он не восстановит свои магические силы.

И да, на бегу мне приходит в голову интересная мысль, как можно попытаться выбраться обратно к линии фронта, одурачив ещё раз преследующего нас противника.

* * *

Сяо Вэй с утра пораньше отправился прополоть принадлежавший его семье небольшой надел с чумизой у самого леса, хотел успеть сделать большую часть работы по холодку. Крестьянский парень ударил мотыгой раз, другой – и чуть не обделался, когда две травяные кочки на самом краю поля вдруг ожили, крепко схватили его, зажав рот, и потащили в лес. Страшно попасть в руки неведомых лесных демонов.

* * *

Зажимаю рукой рот парнишке-китайцу: только криков нам сейчас и не хватало. Раскосые глаза нашего с Кузьмой пленника утратили свою узость и готовы поспорить по величине и округлости с пятирублевыми монетами. А уж запах от него идёт такой, что без противогоза сложно находиться рядом с ним больше пары минут. Не то от неожиданности обделался, не то просто не мылся с рождения.

– Кузьма, – говорю ординарцу, – переведи ему, что лесные демоны сохранят ему жизнь, если он не будет вопить.

Скоробут наклонился к уху китайчонка и залопотал что-то поихнему. Парень лишь кивал согласно, хотя и испуганно.

Я убрал руку. Китаец не заорал. Уже хорошо.

– Спроси его, знает ли он железную дорогу поблизости?

Кузьма перевёл мой вопрос парню. Тот завис.

– Он вообще знает, что такое железная дорога? Паровоз?

Ординарец уточняет. Пыхтит, изображая паровоз. Выглядит это комично, не могу удержаться от усмешки.

Похоже, китаец понял, что нас интересует. Кивает утвердительно, торопливо говорит и даже пытается подкрепить слова жестами.

– Говорит, что есть чугунок. Вёрст двадцать на запад.

Достаю из-под накидки горсть серебра, с намёком пересыпаю монетки из ладони в ладонь.

– Скажи ему, что эти деньги могут стать его, если проводит нас до железки.

Китаец думает, прикидывает, морщит мозг. Потом начинает торговаться. Двадцать вёрст – это далеко. Идти почти день. А потом ещё обратно. Так просто не отлучиться: когда японцы пришли сюда, устроили круговую поруку. Без разрешения можно отлучиться только в соседнюю деревню в паре вёрст. Если узнают, что ушёл надолго без уважительной причины, могут серьёзно наказать – посадить в зиндан или избить бамбуковыми палками.

Но Сяо Вэй придумал, что делать. Он скажется больным, а ночью отведёт нас к железной дороге. Днём переждёт в лесу, а следующей ночью вернётся домой. Если духи предков будут благосклонны, никто ничего не узнает.

По мне, так отпускать сейчас его домой, чтобы собрался, не стоит. Но парнишке надо предупредить родных и собраться в дорогу. Ждём его возвращения на окраине леса. Время тянется медленно. Отсыпаемся со Скоробутом поочерёдно на несколько дней вперёд.

Сяо Вэй не обманул. Вернулся примерно через час, и мы отвели парня к нам во временный лагерь. Доедаем остатки уворованной у японцев провизии, дожидаемся темноты и выдвигаемся. Лукашин почти оклемался, хотя время от времени хватается за брата, чтобы не упасть в темноте. Вместо четырёх часов до цели мы шкандыбали больше пяти.

Рассвет занимался, когда мы распрощались с Сяо Вэем в перелеске в шаговой доступности от железнодорожной насыпи. Я честно отсыпал ему обещанное серебро и пожелал счастливого пути. Надеюсь, на обратном пути он не попадёт в руки японцам и уцелеет во

всех передрягах – и этой, и теми, что за ней последуют. Насколько я помню историю нашего мира, Китай в двадцатом веке ждут сплошные потрясения.

Издали доносится брачный рёв марала, то есть паровозный гудок, конечно. Бежим в предрассветных сумерках к насыпи, привычно маскируемся под кочки. Из-за поворота в облаке пара под дружный перестук колёс выплывает влекомый паровозом военный состав. Сразу за паровозом – три платформы с полевыми орудиями, на каждое – по сучающему часовому. А за ними десяток товарных вагонов. Караульных на площадках нет.

Кричу выпью, и тринадцать мохнатых кочек вдруг вскакивают на ноги, бегут вслед за вагонами, запрыгивают и карабкаются на площадки. Устраиваемся на тормозной площадке – в тесноте, да не в обиде. Но не лучшее место для поездки, лучше перебраться на крышу вагона и залечь там, будет не столь заметно. Отмахать вёрст пятьдесят поближе к фронту – и, считай, оторвались от погони.

Понять бы, с какой скоростью движется наш состав? По сторонам насыпи мелькают телеграфные столбы... Стоп! Была же детская задачка по определению скорости по частоте смены столбов. Между столбами примерно полсотни метров. Поезд проходит их... Так-так, где мои карманные командирские часики-луковичка? Есть! Наша скорость около тридцати километров в час. Примерно через полтора часа придётся покидать гостеприимный состав.

Колёса стучат на стыках. Мы с бойцами лежим на крыше одного из вагонов. Лучше плохо ехать, чем хорошо идти, а мы едем совсем не плохо. Интересно, что в вагонах? Свешиваюсь аккуратно с крыши, пока Кузьма держит меня за ноги. Ага, рядом есть закрытое оконце. Подцепляю заглушку. Не с первого раза, но удаётся подцепить. Заглядываю внутрь. Не видать ни зги...

Оглядываю бойцов. Кто тут потщедушней?.. Эх, жаль Акиньшина, тот бы точно пролез... Казаки? Эти все парни дюжие.

Кузьма видит охватившее меня сомнение.

– О чём задумались, вашбродь?

– Кто у нас из бойцов самый щуплый, кроме покойного Акиньшина?

Барабашка чешет в затылке.

– Дык на выбор: Егоров или Роцин.

Оглядываюсь на упомянутых бойцов. А, чёрт, в лохматках наших всё одно не разобрать особенности телосложения.

– Егоров, Роцин, ко мне... ползком.

Подползают. Объясняю задачу – протиснуться через окошко в вагон, выяснить характер груза и доложить.

– Дозвольте первым попробовать, – обращается Егоров.

Рядовой стягивает с себя маскировочную накидку, затем сапоги и форму, оставаясь в одном исподнем. Крестится, ползёт к краю крыши, мы с Роциным страхуем его за ноги. Егоров изворачивается ужом и ввинчивается в крохотное окошко. Ждём.

– Вашбродь, ящики со снарядами и патронами.

– Бойцы! У кого остались гранаты? – У меня самого одна притырена на крайний случай.

Ко мне тянется тройка рук с гранатами. Надо же, и Сорока неуёмный тут, а ведь сколько поначалу было казацкого гонора. Ничего, совместные трудности сплачивают, это ещё Макаренко знал, воспитывая из своих беспризорников строителей «светлого коммунистического будущего». А что не построили, не его вина.

Так, одну гранату оставляем в качестве неприкосновенного запаса, на самый крайняк. Две оставшиеся и моток бечёвки протягиваю в окошко.

– Ставь растяжки на открытие дверей. На каждую по одной.

– Сделаю, вашбродь.

Минут десять ковырялся. Если вернёмся живыми, семь потов с них спущу на тренировках по скоростной постановке растяжек. И гранат надо в рейд брать побольше... Только где их взять? Самим мастерить, других ответов нет. Если повезёт, то в армейских мастерских – поболее числом, но всё теми же кустарными способами. Промышленность в России традиционно неповоротлива, пока перестроится...

– Вашбродь, готово! Тяните.

Вытягиваем Егорова на крышу. Кидаю взгляд на «луковичку» – времени у нас осталось минут десять. Что ж, не будем тянуть до последнего.

Состав втягивается в поворот, замедляя ход. Ссыпаемся на землю и замираем, оборотившись в травянистые кочки. Выжидаем, пока

паровоз с составом скроются из глаз. Вскакиваем и рвём в ближайший лес.

Оказавшись под покровом ветвей и вдали от досужих глаз, провожу переключку. Вся чёртова дюжина на месте. Ориентируюсь по карте. До линии фронта осталось вёрст десять. Сокращаем это расстояние на пару вёрст, добравшись до края леса и затаившись там перед небольшим китайским селением, главная достопримечательность которого местная харчевня.

Нет, я начинаю понимать муки древнего грека Тантала – иметь в шаговой доступности источник еды и питья и не иметь возможности утолить голод и жажду. Запахи от харчевни идут умопомрачительные. А мы вынуждены подтягивать ремни и доедать последние крохи риса из захваченного накануне провианта наших преследователей.

* * *

У полустанка выстроился взвод японских пехотинцев, подводы с мобилизованными местными грузчиками и мобилизованные же носильщики-кули. Состав замедлил ход и остановился, окутавшись отработанным паром.

Плотный майор-японец в круглых очочках со списком в руках в сопровождении лейтенанта идёт вдоль вагонов, пока кули мастерят из досок самодельные пандусы, чтобы скатить с платформ пушки. Лейтенант снимает пломбы с вагонов, откатывает вбок двери, а майор заглядывает внутрь, сверяясь со списком.

Они доходят до очередного вагона. Лейтенант снимает пломбы, откатывает дверь вбок.

Майор поднимет глаза от своего списка на содержимое вагона. Что за беспорядок? Прямо посреди проёма открытый снарядный ящик.

И тут раздаётся громкий стук – сверху на снаряды падает граната.

* * *

Грохот взрывов на полустанке был слышен даже в нашем укрытии на краю леса. Громыхало с четверть часа, не меньше. Думаю, что

железнодорожный путь разрушен, и на его ремонт японцам понадобится время. Да и взорвавшиеся боеприпасы они уже не получают, не говоря уже о том, что какое-то количество японских военных попали под взрыв.

Ждём ночи, но не дожидаемся. Троекратно свистит сойка – тревога. Мы уже на ногах, ждём только караульных из секретов. Постепенно появляются все. Сорока, свистевший сойкой, кратко докладывает: несколько тэнгу и до взвода японских солдат в пределах визуального контакта прочёсывают лес, движутся в нашем направлении. Если тэнгу, то, скорее всего, это наши преследователи. Неужели мы себя выдали взрывом состава на полустанке?

– Уходим! – командую я.

Рассредоточившись, движемся вдоль края леса. Двое в боковом охранении, ещё двое – в авангарде и арьергарде. Справа и спереди свист соек от передовых дозоров. Первым докладывает Егоров, бывший в передовом дозоре: взвод японцев прочёсывает лес нам навстречу, демонов среди них нет. Окружают?

Метрах в ста от леса какая-то заброшенная халупа: не то кумирня, не то постоялый двор. Мчим туда. За спиной стучат от леса выстрелы. Бегущий рядом со мной справа Рощин спотыкается и кубарем валится на землю. Оглядываюсь, присев на колени. На границе леса мелькают японские стрелки, сухо трещат выстрелы их «арисак». Командует ими молоденький лейтенант, истерично размахивающий офицерской катаной.

Выхватываю наган, тщательно целюсь. Выстрел, второй, третий... Лейтенант падает. Несколько солдат кидаются к нему. Остальные продолжают палить по нам уже без всякой команды.

Перекатываюсь к упавшему Рощину. Тот стонет, на спине по гимнастёрке расплывается кровавое пятно, в углу рта при каждом выдохе пузырится кровавая пена. Плохо дело: ему, походу, лёгкое зацепило. Вваливаю стонущего бойца на себя. Пули свистят вокруг.

Мои бойцы, добежав до укрытия, прикрывают меня огнём. Молодец Бубнов, вовремя отдал приказ. Стрельба со стороны японцев не то чтобы стихает, но редее.

Хриплю, добегаю до дверного проёма, втаскиваю Рощина внутрь. Он стонет, и с каждым стоном всё сильнее пузырится кровавая пена на его губах, в груди его страшно хрипит. Пневмоторакс. Даже в моё

время в моём мире помочь ему было непросто, тем более на поле боя, а уж здесь...

Положение у нас не ахти: патронов в обрез, по паре обойм на каждого, и одна-единственная граната. Приказываю беречь патроны и подзываю к себе Тимофея. Киваю на Рощина.

– Можешь ему помочь?

– Тяжко будет, вашбродь... Но попробую.

Тимофей положил руки на грудь Рощина, закрыл глаза. На лбу его вздулись жилы, лицо побледнело. Хрип в груди Рощина стал стихать. Он закашлялся и выплюнул пулю в сгустке тёмной крови. Дыхание его выровнялось, хотя он был очень бледен.

Тимофей неожиданно стал оседать, заваливаясь на бок, я кое-как успел его подхватить и уложить рядом с Рощиным. Характерник крепко спал. Когда проснётся, надо будет срочно его накормить, и как можно обильнее. Легко сказать, вот только сделать... Провизии у нас с собой не осталось от слова совсем.

– Вашбродь, япошки... – окликает меня Бубнов, выглядывающий в пустой оконный проём.

Пригнувшись, подбегаю к нему, выглядываю. Чёрт! У противника явное пополнение. Три взвода, рассыпавшись в тройную цепь, идут в атаку на наше укрытие. А нас осталось одиннадцать: Рощин и Лукашин-старший пока не в счёт.

– Савельич, разъясни всем: по моей команде делаем три залпа, дальше палим одиночными; старайтесь выцеливать офицеров и их унтеров.

Унтер кивает. Занимаем позиции у щелей и окон.

– Пли!

Залп.

– Пли!

Залп.

– Пли!

Залп.

Выглядываю в окно. Два взвода, оставшись без офицеров и потеряв товарищей, смешались и замерли на месте. Командир третьего взвода, размахивая пистолетом и катаной, что-то кричит, пытаюсь восстановить порядок в рядах. Целюсь в него из нагана.

Выстрел. Мимо... Н-да, далековато пока для револьверной стрельбы. Подтягиваю винтовку Лукашина, скидываю к плечу, передёргиваю затвор. Навожу мушку на японского офицера.

Ба-бах! Перекрывший траекторию стрельбы японский пехотинец падает, нелепо взмахнув руками и роняя винтовку с примкнутым штыком. Офицер отходит за строй солдат. Ему удаётся восстановить строй оставшихся без командиров двух взводов. Поредевшие шеренги японцев идут на нас во весь рост, через пару шагов останавливаясь для очередного залпа, а затем снова продолжают движение.

Жму на спусковой крючок. Сухо щёлкает боёк – кончились патроны. Откладываю винтовку в сторону, скидываю наган. Бах! Бах! Барабан пуст. Шарю по вещмешку, нахожу горсть патронов, набиваю барабан. Ещё на полтора барабана хватит. А что потом?

Стреляю прицельно, стараясь, чтобы ни один выстрел не пропал без цели. Японцы падают. Но их всё ещё больше, чем нас. Наша стрельба смолкает – патроны всё. Значит, остаётся рукопашная: шашку в правую руку, вакидзаси – в левую.

Неожиданно слышатся частые беспорядочные выстрелы и взрывы. Японский офицер падает. Солдаты смешивают строй и пускаются наутёк в сторону леса, откуда вышли. Выглядываю в окно. Откуда-то сбоку скачут с дикими криками и стреляя на скаку около двух десятков китайцев. Японцы улепётывают к лесу, китайцы гонятся за ними. Один из них, с сигарой во рту, то и дело подносит к ней динамитные шашки с короткими запальными шнурами и швыряет динамит в японцев.

Оставшиеся японцы скрываются в лесу. Китаец с сигарой отдаёт приказ – по поведению чувствуется, что именно он командир отряда, – и остальные разворачивают коней в нашу сторону.

Я выхожу из укрытия, миролюбиво подняв одну руку с когда-то белым платком. Китайцы подъезжают, окружают меня полукругом. Смотрят настороженно, пальцы лежат на спусковых крючках, сами ружья недвусмысленно нацелены на меня.

Китаец с сигарой в зубах подаётся вперёд, смотрит на меня с нескрываемым интересом. Ну да, не то человек, не то ещё кто-то в своей маскировочной накидке, с лицом, разрисованным самодельным камуфляжным гримом.

– Штабс-ротмистр Гордеев, командир сводной группы охотников второй кавалерийской бригады. Находимся в рейде по японским тылам.

Ну а чего скрываться? Те, кто стреляют по японским солдатам, вряд ли нам враги.

– Ли Цао, командир отряда «Небесной справедливости». Это вас атаковали японцы? – Китаец говорит по-русски с мягким акцентом, довольно правильно. Только часто путает «р» и «л».

Утвердительно киваю.

– У нас кончились боеприпасы. Можем ли разжиться у вас? Готов оставить расписку об оплате.

– Мы поможем вам, и патронов дадим. Без-воз-мез-дно... Так правильно сказал? А вы помогите нам пройти через фронт. У нас дела на той стороне. Помогаем торговцам возить товар, как будто никакой войны нет.

– Хорошо, будем полезны друг другу.

К Ли Цао подлетает всадник. Горячо говорит что-то по-китайски.

– Сестра говорит, что к японцам идёт подкрепление. Через час они смогут начать новую атаку.

– Сестра? – удивляюсь я.

Всадник срывает с себя шапку, ветер треплет густые чёрные волосы. Она смотрит на меня с изучающим прищуром, и я чувствую, как что-то переворачивается в душе. Амулет отвечает на близкое присутствие брата с сестрой лёгким покалыванием. Демоны?

– Ли Юаньфэн, – представляет Ли Цао сестру.

Глава 12

Девушка улыбается. Она красива особой восточной красотой, мила и грациозна. Мне она определённо нравится, и дело отнюдь не в том, что я соскучился по женскому полу. Покалывания амулета становятся какими-то вялыми, а потом и вовсе исчезают. Ложная тревога? Любая техника, даже магическая, даёт сбой.

– Штабс-ротмистр Гордеев, – представляюсь я.

– Почему так официально? – удивляется Ли Юаньфэн на чистом русском. В отличие от брата у неё прекрасное произношение, и в согласных она не путается.

– Николай.

– Уже лучше. Когда мы с братом учились в Европе, наша преподавательница русского языка звала меня Лизой. Можете звать меня так, мне это даже нравится.

– Вы учились в Европе? – спрашиваю я.

– Да. Наши родители богатые, по китайским меркам, люди, у них обширные земельные владения. И они могли позволить себе отправить нас в Англию. Я училась там химии.

Её брат хмурится, бросает сигару на землю.

– У нас мало времени. Если японцы получат подкрепление, они всех перебьют.

Приказываю своим бойцам выйти. Они строятся, бросая подозрительные взгляды на китайцев.

Савельич подходит ко мне и шепчет:

– Вашбродь, я бы на вашем месте не доверял китаёзам. Ненадёжные они.

– Пока что они нам помогли, – замечаю я.

– Это всё временно. Значит, им что-то от нас надо. Как только получат своё, с потрохами сдадут. Но сначала ограбят.

У Савельича есть все основания не доверять китайцам. Союзники они действительно так себе, многие преспокойно работают на японскую разведку. Чем сильнее чужеземцы поколотят друг дружку на поле боя, тем лучше для Китая: ослабевшему противнику легче навязать свою волю.

Ли Цао усмехается, он явно слышит слова унтера, но в спор не вступает. Интересно у него насчёт лошадок для моего отряда.

– Найдём, – обещает он.

Спускаемся в низину, там с пяток китайцев стерегут коней. Насколько я понимаю, заводные.

– Вот, выбирайте, штабс-ротмистр, – делает приглашающий знак Ли Цао. – Хватит на всех.

Я в лошадях не специалист, хорошо хоть навыки верховой езды от прошлого владельца тела проявились. Растерянно замираю, но тут на помощь приходит ординарец. Догадавшись, что выбор коня не барское дело, он хватает за уздцы спокойного вида кобылку и подводит ко мне.

– Прошу, вашбродь. Хорошая лошадка.

Кроме скакунов находятся и запасные сёдла. Несколько минут – и мы уже сидим верхом. Я нежно поглаживаю холку лошади, у неё невообразимо красивое имя, которое сокращаю до более простой Звёздочки. Действительно, прямо на лбу красуется нечто похожее на пятиконечную звезду. Солдаты тоже довольны: верхом передвигаться удобнее и привычней.

– Показывайте дорогу, – говорю я Ли Цао.

– Сначала заедем в одну из деревень.

– Зачем?

– Вы забыли наш договор?

– Ваши торговцы там? – включаю режим внутреннего еврея из анекдотов.

– Большинство.

Из ответа понимаю, что по пути придётся посетить несколько таких деревень. Если учесть, что на хвосте будут висеть японцы, задача не из самых лёгких. Китайцы – народ неспешный, могут затянуть сборы до такой степени, что придётся отстреливаться от японцев на скаку.

Излагаю свои соображения Ли Цао. Тот недовольно морщит лоб.

– Это всё ваши предрассудки, – вступается за честь нации Ли Юаньфэн.

– Дело покажет, – сдаюсь я.

Дал слово – держись. Интересно, что везут эти торговцы? Очень надеюсь, что не опиум или другую подобную дрянь. Не хватало, чтобы эта зараза расползлась по нашей армии. Прямым текстом спрашиваю

у Ли Цао, будут ли среди груза наркотики. У брата и сестры одновременно вспыхивают лица.

Первой отвечает Ли Юаньфэн. Не удивлюсь, если братик находится на вторых ролях в этой интересной семье.

– Ваша Европа когда-то заставляла нас производить опиум, травиться самим и травить других. Мы боролись как могли, даже воевали...

– Но ведь Россия помогала вам в той войне, – напоминаю я.

– Помогала, но не бесплатно, а в обмен на наши территории, – продолжает спорить Лиза, как она просила себя называть.

В истории я не силён, помню лишь то, что после опиумных войн Россия в качестве территориальных уступок получила Уссурийский край, хотя с ним всё как-то мутно: вроде как, с одной стороны, он был китайский, а с другой – нет.

Отряд быстро удаляется с места недавней схватки, вытянувшись в длинную цепочку. У Ли Цао всё по последнему слову военной науки: есть передовые дозоры, которые скачут впереди на пару километров, и арьергард. Всего в его маленьком войске около полусотни бойцов.

Всю дорогу не могу избавиться от чувства, что за нами следят. Выработанным ещё в Сирии рефлексом вскидываю подбородок и смотрю в небо. Так и есть, парит «птичка». Предчувствия меня не обманули. Так просто от японцев не уйдёшь, послали по нашу душу демона-наблюдателя. Хорошо, что пока не научили бросать с высоты гранаты или дротики – такие были в ходу ещё во время Первой мировой. Они не только уничтожали живую силу противника, но и производили свист, распугивающий коней.

Руки чешутся снять эту летучую тварь, но где взять винтовку и серебряные пули?! Впереди виднеется редкий лесок, а над ним возвышается невысокая скала, покрытая мхом, и в голове возникает мысль поинтересней.

– Бубнов!

– Я!

– Ко мне.

Унтер на лошади подъезжает ко мне.

– Слухаю, вашбродь.

– Летучего хмыря в небе видишь?

Он смеётся.

– Так точно.

– Можешь задурить ему голову так, чтобы он сдуру в скалу врезался?

– Так ведь демон же, не человек... – неуверенно тянет унтер.

– Это приказ! – Я знаю, как надо стимулировать подчинённых.

– Есть, – козыряет он и немного колеблется.

– Чего тебе, Бубнов?

– Мне б чарочку глотнуть для поднятия сил...

Иронично качаю головой.

– А что, есть?

– Найдём, – веселеет Бубнов. – Не среди наших, так у китайцев.

У китайцев и впрямь находится фляжка с тёплым и мутным самогоном. Я бы такое не стал пить даже под угрозой расстрела, но унтер смело прикладывается к фляжке и делает несколько больших глотков.

– Не захмелеешь?

Он с сожалением отставляет самогонку.

– Никак нет, с такой порции даже ребёнку в голову не ударит.

– Ну-ну, – недоверчиво протягиваю я.

Как бы и остальные мои солдатики не попросили бы о таком допинге. Судя по их лицам и по тому, как многие облизывают губы, есть все основания для тревоги.

– Набрался сил?

Он кивает.

– Тогда верни фляжку хозяину и приступай.

Не знаю, как это работает, но скоро с нашим японским «соколом ясным» начинают твориться чудеса: он теряет к нам всякий интерес и бестолково носится в небе. Заканчивается эта история смачным ударом о скалу. Демон складывает крылья и камнем валится вниз.

– Насмерть? – спрашиваю я.

– А то! В лепёшку расшиб, – гордится собой унтер. – От меня ни одна сволочь легко не уйдёт.

– Объявляю тебе благодарность!

– Рад стараться, вашбродь!

Вместо словесной награды он бы предпочёл ещё разик приложиться к фляжке с самогонкой, но я ж себе не враг!

Итак, мы лишили неприятеля глаз, во всяком случае, на какое-то время. Это немного развязывает нам руки.

Ощувив прилив хорошего настроения, подъезжаю к Лизе: война войной, но ведь можно и немного пофлиртовать. Начинаю подкат с самых невинных фраз и комплиментов. Однако брат раскусывает мою тактику, его и без того узкие глаза сжимаются в щёлочки. Лиза кидает в его сторону строгий взгляд, и Ли Цао внезапно говорит, что ему надо проверить дозоры, что косвенно подтверждает мою догадку насчёт того, кто же тут главный.

Без него становится легче, я начинаю просто трепаться, вспоминая более-менее приличные истории из курсантской молодости и службы, переделывая их в соответствии с реалиями этого времени. Сначала Ли Юаньфэн долго крепится и если улыбается, то самым краешком губ, потом не выдерживает и начинает смеяться. Мне по душе её искренние эмоции. Мы быстро настраиваемся на общую волну. Оказывается, с ней довольно легко.

Потом речь заходит о вещах более серьёзных, и девушка мрачнеет.

– Как появился ваш отряд? – спрашиваю я.

– Это идея нашего отца. Он понял, что японцы не остановятся на Корее и постараются снова захватить Китай, а наша страна хорошо помнит, что такое японское иго. У нас в семье из поколения в поколение передаются предания о жестокости японцев и их коварстве. Мы впитываем их с молоком матери. Отец на свои деньги купил снаряжение для отряда и помог набрать людей. Мы делаем всё, чтобы навредить японцам: нападаем на небольшие гарнизоны, атакуем обозы, устраиваем диверсии в тылу. Кстати, если хотите разбогатеть, можете сдать нас японцам: они за наши головы объявили большую награду. Станете богатым человеком.

– Я подумаю, – киваю я и добавляю: – Шутка!

– Кстати, таких «шутников» было несколько. И каждый из них был наказан за предательство, – с достоинством говорит Ли Юаньфэн.

Я восхищаюсь храбростью этой хрупкой девушки.

– Но ведь война – не женское дело... Как ваш отец мог отпустить вас?

Она фыркает.

– Вы отстали от жизни, штабс-ротмистр. Китайские женщины готовы сражаться за свободу Родины наряду с мужчинами. Разве у вас

в Европе не так? Или вы забыли, например, о Жанне д'Арк?

Что называется, туше!

– Почему? – смущаюсь я. – Мы помним об Орлеанской деве и других храбрых женщинах. Просто война... она стала другой, более грязной, что ли...

– Благородство оставило не всех воинов. – Она смотрит на меня так, что я вдруг ощущаю, как кровь закипает в венах. – Вы ведь не такой, как многие.

– Разве?

– Да, в вас какая-то загадка, и я не знаю на неё ответ.

Я вздыхаю и стараюсь перевести разговор на другую тему.

В село, о котором говорил её братец, приезжаем ближе к вечеру. Оно ничем не отличается от других китайских поселений: очень шумное и суматошное. Темнота такая, что не видно ни зги.

– Заночуем здесь, – объявляет Ли Цао. – Японцы не знают, где мы, так что нам ничего не грозит.

Мои бойцы смертельно устали, многие уже еле держатся в седле.

– Хорошо, – соглашаюсь я. – Но рано утром снова отправляемся в путь.

– Будь по-вашему, штабс-ротмистр. Сейчас я договорюсь со старостой, чтобы он нашёл для нас кров и пищу.

Переговоры заканчиваются тем, что под наши нужды выделяют несколько домов. Китайские семьи большие, поэтому приходится буквально ютиться, но для начальства, то есть для Ли Цао, его сестры и меня, находится жилище покомфортабельней. Нас селят на фатере самого старосты, мне выпадает отдельная кровать, и даже с балдахинном. Прежде мне тут такие не встречались.

Но сначала – дела! После ужина назначаю часовых, обговариваю пересменки. Ли Цао предлагает поделить дежурство с его бойцами. Подумав, соглашаюсь: мои скоро от ветра падать начнут, а тут хоть какое-то послабление.

Покончив с оргвопросами, иду баиньки. С удовольствием скидываю с себя грязные, пропахшие потом тряпки, разуваяюсь – аромат от ног сногсшибающий! Можно газовую атаку устраивать.

Бани нет, но ординарец организовывает тазик с тёплой водой и мылом.

– Эх, не постираться, – вздыхает Кузьма. – За ночь не высохнет. Ну хоть почищу...

Раздевшись догола, начинаю плескаться в воде, чувствуя, как с грязью из тела уходит усталость. Снова ловлю себя на мысли, что за мной наблюдают. Резко оборачиваюсь и вижу застывшую как тень Ли Юаньфэн.

Она не смущается и спокойно выдерживает мой взгляд. Подходит ко мне ближе, отбирает мочалку и ласково проводит ей по моей груди.

– Ты очень красивый, Николай. Тебе это, наверное, часто говорили девушки...

Не знаю, что отвечать: скажу да – обидится, уйду в глухую отрицаловку – посчитает за лгуна. В этом случае надёжнее не говорить, а действовать.

Хочется накинуться на неё, порвать одежды, но я сдерживаю себя. Африканская страсть нравится далеко не всем женщинам, и пусть я чувствую, что Ли Юаньфэн меня хочет, неосторожный порыв может погасить это желание.

Нежными движениями снимаю с неё наряд, нежно целую и, не давая замёрзнуть, на руках отношу на ложе. Опять покрываю поцелуями, но уже всю, с ног до головы, дожидаясь, когда она вспыхнет, и только тогда перехожу к главному.

Не понимаю, как она вдруг оказывается сверху, как изящным движением распускает густые чёрные волосы, как склоняется надо мной и опускается всё ниже и ниже. Моё тело начинает биться в конвульсиях, я вне себя от счастья, но всё равно не сдаюсь. Перехватываю инициативу, доказываю ей, что и у меня в арсенале есть ещё кое-что, и это ей нравится.

А потом мы лежим, сжимая друг друга в объятиях, наши глаза полны нежности и счастья.

Ли Юаньфэн касается моего амулета.

– Ты охотник на демонов? – внезапно спрашивает она.

– Да, а что? Тебя что-то смущает?

Девушка улыбается.

– Ты очень странный охотник на демонов. Очень странный и очень красивый.

– Для мужчины достаточно быть немного симпатичнее обезьяны, – отшучиваюсь я.

Она смеётся. Мне нравится её смех, её волосы, глаза, шея, руки, ноги... Мне нравится в ней всё.

– Сегодня мне было хорошо, как никогда прежде, – признаюсь я.

Ли Юаньфэн улыбается.

– Во время учёбы в Англии мне попала в руки какая-то индийская книжка. Там было много интересного.

– Что ж, давай ещё немного почитаем, – привлекаю её к себе я.

Ближе к рассвету она отстраняется.

– Мне пора. Скоро проснётся брат.

– Думаешь, он ни о чём не догадался?

– Одно дело – догадываться, другое – знать наверняка. Он мой брат, я его уважаю и люблю. И да, не бойся, эта ночь прошла без последствий для тебя и меня.

Я киваю, догадываясь, к чему она клонит. Не хотелось бы, чтобы Ли Юаньфэн забеременела от меня после сегодняшнего. Девушка мне очень нравится, однако любовью это чувство не назовёшь.

– Скажи, а тот, другой, что находится в тебе, – он всегда спит? – вдруг спрашивает она.

– Что?! – едва не подсакиваю я. – Какой ещё другой?!

– Тебе видней. Я лишь чувствую, что в этом теле есть ты и не ты. И тот, который не ты, спит и видит всё, что с тобой происходит, будто во сне.

Понятно, почему срабатывал мой амулет: какие-то способности у китаяночки есть. Правда, опасности для меня они не представляют. Во всяком случае, сейчас.

– Если ты не против, я не хотел бы говорить об этом.

– Хорошо. Прости меня, если мой вопрос причинил тебе боль.

Она склоняется надо мной, жарко целует в губы и уходит. Я пристально гляжу ей вслед, а потом долго ворочаюсь на постели. Устал, как последняя сволочь, а сна ни в одном глазу. В башку лезет всякая ерунда.

Ранний рассвет кажется подарком. Встаю ещё до появления ординарца с моими шмотками. Выглядят они почти новыми. С удивлением смотрю на Кузьму: наверняка не обошлось без барабашкиных штучек-дрючек.

Одеваюсь, мою лицо ледяной водой, она помогает мыслям и телу прийти в норму. Вот что значит ночь с красивой и опытной женщиной:

вроде все жизненные соки выжали, но внутри всё поёт, душа рвётся в бой.

Савельич выстраивает бойцов, отдаёт рапорт. Происшествий за ночь не случилось, солдаты готовы к труду и обороне, но в первую очередь – к завтраку. А с этим дело обстоит неплохо. К нашему подъёму деревенские женщины сварили несколько огромных котлов каши – шутка ли, им надо прокормить больше сотни голодных мужиков.

– Чумиза! – морщатся мои.

Среди нижних чинов эта неприхотливая еда популярностью не пользуется. Солдаты часто жалуются, что от неё у них болит живот, а пища плохо переваривается, но мы не в ресторане, спасибо и на этом. Вдобавок каша с мясом – ради нас забили трёх поросят.

Спрашиваю у Ли Цао, как будем расплачиваться за гостеприимство, мои финансы давно исполнили весь репертуар.

– Ты уже заплатил за всё, когда согласился помочь их людям перебраться через линию фронта. Торговцы, про которых я говорил, из этой деревни.

Больше ничего не добавляет, но по хмурым глазам становится ясно: он в курсе, что эту ночь его сестра провела со мной.

Как только котлы пустеют, даю команду отправляться. Мы так чувствительно вдарили японцам, что не удивлюсь, если они не спали всю ночь и шли по нашим следам. Значит, нужно спешить.

Глава 13

Думал, торговцы будут копаться со сборами. Но нет. Их выносливые вьючные лошадки уже нагружены: тюки, свёртки, корзины и ящики уже приторочены и увязаны как надо. Да и сами торговцы, десяток человек с косами до пят в пёстрых, но добротных китайских куртках, штанах и мягкой обуви производят впечатление людей дисциплинированных и почти военных, разве что оружия не хватает.

Забираемся в сёдла на любезно одолженных нам хунхузами коней. Оглядываю своих. Как там Роцин? Ещё слабоват, но в седле держится. Тимофей Лукашин тоже оправился и выглядит вполне бодро. Вся наша компания производит впечатление сытых и отдохнувших людей. Это, конечно, ненадолго: мы всё ещё на японской стороне фронта, до возвращения в часть ещё далеко.

Смотрю на отряд «Небесной справедливости». Хунхузы Ли Цао и его сестры выглядят вполне профессиональным армейским подразделением: одеты единообразно, разбиты на десятки, каждым из которых командует более опытный боец, вроде наших унтеров. Даже что-то вроде выправки присутствует. Оружие выглядит единообразным: американские винчестеры, у старших десятков ещё и револьверы – я пока не силён в многообразии местного вооружения, чтобы определить так, на глаз, фирму и даже страну производителя. Кони справные, как на подбор.

Ко мне подъезжают Ли Цао с сестрой. Как-то сам собой приосаниваюсь, принимая бравый вид.

Не о том думаешь, Николай... Та ночь осталась позади.

Ли Цао смотрит на меня с прищуром, и без того узкие глаза превратились в щёлочки. Беру себя в руки, не до рефлексий пока и не до любовных томлений.

– Как у вас с боеприпасами?

– Негусто. Поиздержались за время рейда, а пополнить негде. По обойме-полторы на брата.

Ли Цао смотрит на мою револьверную кобуру.

– А у вас самого?

- Всё, что в барабане.
  - Я подумаю, что можно сделать. Выступаем.
- Даём своим людям команды к движению.

Наша чёртова дюжина держится в середине отряда хунхузов. За нами – торговцы. Деревня быстро остаётся позади. Споро пылим по дороге. Двигались бы и на рысях, но скорость движения отряда ограничена скоростью самой медленной его части. Передвигаемся какими-то окраинными дорогами, почти тропами: Ли Цао говорит, так меньше риск наткнуться на японцев.

Навьюченные лошади торговцев могут идти лишь быстрым шагом, но всё равно движемся вдвое быстрее, чем если бы шли пешком. Так кони могут идти часов семь, но первый роздых отряду Ли Цао даёт через пару часов.

Мы грызём сухари – всё, что осталось от наших припасов, хунхузы уплетают рисовые колобки, лошади хрумкают овсом или каким-то другим зерном. Самый шикарный перекус у торговцев – к рису добавлены какие-то маринованные овощи.

Снова подъезжает Ли Цао с одним из своих «унтеров».

- Никорай, тут немного патронов – всё, что удалось найти.

«Унтер» протягивает мне небольшой, но увесистый мешочек с патронами для «мосинок».

Пересчитываю – на каждого из бойцов выходит штуки по три. И то хлеб.

- Бубнов! Раздать бойцам!

Унтер подскакивает, получает в руки подарок от наших новых китайских друзей и тут же спешит его исполнить.

- Надо выдвигаться. Готовы?

Утвердительно киваю в ответ на вопрос Ли Цао.

Слышен топот копыт. К нам подлетает и осаживает свою лошадку Ли Юаньфэн. Господи, до чего хороша! Жаль, новости девушки не столь прекрасны, как она сама.

– Нас нагоняет большой японский отряд, батальона два. Будут здесь где-то через полчаса.

- Сколько отсюда до линии фронта? – спрашиваю Ли Цао.

– Кирометров с десять. Как таковой ринии фронта там нет, отдельные укрепённые позиции и разъезды – мы сильно удалились от

основных позиций ваших и японских войск. Здесь самый край соприкосновения плотивников.

– Успеем?

Ли Цао отрицательно мотает головой.

– Без торговцев бы ушри. Но я их не блошу.

– Неожиданная атака? Это повысит наши шансы. Засада?

– Одни торговцы не плойдут. Здесь кроме японцев хватает желающих завладеть их товалом.

– Мы вроде не грабим китайцев.

– Я не про лусских. Есть другие хунхузы, кроме нас. Они плосто бандиты. Им всё лавно, кого грабить.

Ли Цао думает. И принимает решение.

– Мы уведём японцев в столону. Пусть погоняются за нами. А вы пловедёте толговцев на ту сторону. Будем в ласчёте.

– Согласен. Они знают дорогу?

– Я дам вам лучшего проводника, к тому же холошо врадеющего лусским языком. Вы же не обидите мою сестру?

– Конечно, нет, Ли Цао, как вы могли такое подумать?

Я вообще женщин не обижаю, а уж тех, с кем провёл такую ночь, тем более.

Ли Цао предлагает не медлить. Дорога каждая минута. Он подзывает сестру, что-то втолковывает ей на ухо по-китайски. Лиза слушает брата, а сама бросает украдкой на меня лукавые взгляды.

Наконец братский инструктаж закончен. Лиза подъезжает ко мне. Ли Цао уводит своих людей навстречу японцам. Удачи ему.

Отдаю приказ садиться на коней. Выдвигаемся. Головной дозор, основная группа с торговцами, замыкающий дозор. Боковое охранение. Стараемся двигаться быстрее, чем раньше. Торговцы погоняют своих лошадок. Те рысят, как могут, со своим грузом. Видимо, до условной линии фронта действительно недалеко, потому что долго так двигаться лошади с грузом не в состоянии.

За нашими спинами слышна ожесточённая ружейная пальба. Ли Юаньфэн тревожно оглядывается.

– Надеюсь, с братом и его людьми всё будет хорошо.

Далёкая стрельба удаляется куда-то в сторону.

– Я тоже на это надеюсь.

Касаюсь своей ладонью её пальцев. Она отвечает на пожатие. Но сейчас не до нежностей. Нам бы самим прорваться через японские позиции.

Впереди тоже слышна стрельба. Похоже, передовой дозор наткнулся на японцев. Отправляю вперёд младшего Лукашина прояснить обстановку, а Сороку – к арьергарду, пора бы уже им к нам присоединиться, прорываться лучше всем вместе. Остальным команду «к бою».

Лиза пристёгивает свой маузер к кобуре-прикладу, превращая пистолет в карабин.

– Хорошая машинка?

– Надёжная и точная. Правда, тяжеловата и не любит грязи.

А какое оружие её любит? Даже легендарный «калаш» лучше регулярно чистить и смазывать.

Оборотень возвращается рысью.

– Наши наткнулись на конный разъезд японцев. Разъезд уничтожен, у нас потерь нет.

Это хорошо. Плохо, что пришлось пострелять – привлекает ненужное внимание. Теперь только скорость даст нам фору. Где же Сорока с арьергардом? Оборачиваюсь, всматриваюсь в дорогу за спиной. Слышен конский топот. В облаке дорожной пыли мчатся Сорока и тройка арьергарда.

Поворачиваюсь к Лизе.

– Передайте торговцам, чтобы не отставали. Будем прорываться.

Рысим последние десятки метров до японских позиций. Торговцы лупят своих коняшек, выжимая из них максимальную скорость. Впереди на дороге что-то вроде блокпоста, выстроенного из фашин – плетёных корзин, заваленных землёй. Наше счастье, что самой укреплённой своей частью он смотрит в сторону предполагаемых русских позиций, а наш отряд приближается к японцам с тыла.

На укреплении торопливая суета. Японцы – около двух взводов – разворачиваются в нашу сторону. И что самое печальное, пытаются развернуть на нас «гочкис» на треноге. Это вынесет нас на раз, стоит только пулемётчику прицелиться как следует и нажать гашетку.

Стреляю из своего нагана. Палят по пулемётчику мои бойцы на скаку. Не везёт: несколько японцев падают, но пулемётчику хоть бы хны. Да-дакает первая очередь. Пули фонтанчиками взрывают землю

на дороге перед копытами передних коней. Очередь явно пристрелочная и пока никого не задело.

Вытягиваю из своего вещмешка, притороченного у седла, последнюю гранату, срываю кольцо и кидаю в сторону японского пулемётчика.

С гранатой выходит лучше, чем со стрельбой на полном скаку. Взрыв. Вверх летят комья земли, какие-то кровавые ошметки. Пулемёт заваливается в одну сторону, то, что осталось от пулемётчика – в другую.

К пулемёту бросается ещё один японский солдат, пытается привести его в рабочее положение. Ли Юаньфэн вскидывает свой маузер – японец тычется в землю лицом. Те, кто выжили после наших залпов, пытаются убежать, бросая винтовки, но попадают на казачьи шашки и сабли моих драгун.

Оставив за собой разгромленный блокпост, мчим по дороге дальше. За поворотом почти такой же блокпост, только уже наш, оцетинившийся ружейными стволами и парой «максимов».

Останавливаемся. Я поднимаю руку.

– Штабс-ротмистр Гордеев, вторая кавалерийская бригада. Возвращаемся с командой охотников из разведки. С нами китайские торговцы.

Выглядим мы в своих «лохматках» и в сопровождении китайцев подозрительно. Нас продолжают держать на мушке.

– Да вашу мать! Нам тут долго торчать в качестве мишеней?! – не выдерживая, матерюсь я.

– Пропустить! – командует старший над блокпостом поручик. – Теперь слышу, что свои. Спешивайтесь и проходите по одному.

Винтовки опускаются, но пулемёты продолжают держать нас на мушке. По одному проходим за укрепление.

Ко мне подходит поручик – чуть моложе меня, но взгляд внимательный, цепкий. С интересом рассматривает наши маскировочные накидки.

– Поручик Лукьянов. Нас никто не предупреждал о вашем появлении. Доложу по команде.

– Разумеется.

– Господин ротмистр, я не сомневаюсь в ваших словах, но ваших китайских друзей необходимо досмотреть, как и их товар.

– Не вижу препятствий, поручик.

– А... японский пост?

– Полностью уничтожен при прорыве.

Поручик хмыкает.

– С нами дама...

Бровь поручика удивлённо ползёт вверх.

– Китайка. Она из приличной и богатой местной семьи. Её брат со своими людьми очень помог нам оторваться от преследования японцев. Не хотелось бы, чтобы она претерпела какую-нибудь обиду от ваших людей.

– Мы цивилизованные люди, господин ротмистр.

– Не сомневаюсь.

Поручик отдаёт распоряжение своим людям. Несколько человек досматривают торговцев. Ли Юаньфэн переводит.

Торговцам скрывать нечего, они охотно демонстрируют содержимое своих корзин и вьюков – обычные местные товары, – даже дарят поручику и его людям какую-то мелочовку.

– Мы можем пропустить ваших китайских друзей, господин ротмистр.

– Благодарю, поручик.

Подхожу к Ли Юаньфэн. Хочется говорить с девушкой совсем о другом, но...

– Мы вернём лошадей. Спасибо за помощь. И надеюсь на новую встречу.

– Оставьте их себе, вам же нужно как-то добраться до вашего расположения. Вернётся брат – отдадите. Тогда и увидимся.

– Это щедрый дар. Надеюсь, у Ли Цао и его людей всё сложится удачно.

– До сих пор нам везло.

Держу её тонкие пальцы в своих ладонях, и совсем не хочется их выпускать. Поручик и остальные даже косятся на нас. Неудобно.

– Мне пора, Николай...

– Буду ждать новой встречи, Лиза.

Вздыхаю и выпускаю её пальцы. Кончики моих пальцев ещё хранят тепло её рук.

Смотрю вслед удаляющимся торговцам, среди которых мелькает фигурка прекрасной китайки.

– Вашбродь... – толкает меня под локоть Скоробут.

– Чего тебе, Кузьма?

Ординарец протягивает мне фляжку.

– Глотните, господин ротмистр. Оно полегче будет. Вижу же, что зацепила вас ента девка.

Вздыхаю. Всё-то они видят и понимают – люди, которые нас окружают. Делаю глоток из фляжки и совсем не чувствую вкуса местной тёплой водки. Ладно хоть тёплая волна мягко тычется в голову.

Служба у поручика поставлена на отлично. Вестовой послан верхами для доклада в штаб. Нам отводят место для отдыха, для стоянки лошадей. Поручик предлагает поделиться едой. Это прямо побратски: я бы не сказал, что на нашем посту завал провианта. Выходит где-то по полкотелка пшённой каши на растительном масле с исчезающе малыми следами мяса. Бойцы со зверским аппетитом уплетают угощение, а мне кусок не лезет в горло – всё не идёт из головы Ли Юаньфэн.

Лукьянов, увидев, что у меня с едой покончено, присаживается рядом.

– Скажите, ротмистр, а эти ваши лохматые накидки из сеток...

– Прекрасная маскировка. И проверенная. Зимой, конечно, надо придумывать что-то другое.

А что придумывать, всё придумано до нас – белые накидки-халаты с капюшонами. До нас, да не здесь, не в этом мире и не в этом времени.

Поручик не прочь поболтать. Интересуется подробностями нашего рейда. Отделываюсь общими словами и туманными намёками. А то, что японцы готовятся к наступлению, само по себе секретной информацией не является. Об этом и рассказываю любознательному поручику.

В свою очередь интересуюсь его системой обороны. В том, что караульная служба у него поставлена как следует, мы уже имели возможность убедиться. Интересуюсь, сколько пулемётов в его распоряжении. Поручик пожимает плечами: два – уже отлично. Намекаю, что при таком размещении пулемётов – фронтальном, – они, по сути, дублируют друг друга.

– А какие варианты? – живо интересуется поручик.

Подбираю веточку и рисую в пыли что-то похожее на большую букву «Х». Обрисовываю преимущества фланкирующего пулемётного огня и вынесенного чуть вперёд основного оборонительного рубежа. Противник попадает как бы в клещи. При этом пулемётные позиции лучше маскировать и снабжать дополнительными бойцами, на случай особой атаки противника на пулемётные позиции.

– Идеально остановить и обратить противника в бегство ещё до того, как он обнаружит пулемёты, бьющие ему во фланг наступающих порядков.

По лицу собеседника понимаю, что до него не до конца доходит мудрость потомков.

– Открывать огонь по наступающему противнику должны стрелки и вести его с такой силой, чтобы противнику было не до поиска позиций пулемётчиков. Японцы как атакуют чаще: цепью или колоннами?

– Колоннами.

– Тогда задача стрелков – своим огнём заставить противника замедлиться, а лучше – остановиться. А уж затем пулемётчики пускай бьют по остановившемуся противнику. Неподвижная цель лучше, чем подвижная, – продолжаю ликбез я.

Смеёмся. Поручик берёт быка за рога:

– А где бы вы поставили пулемёты?

Поднимаюсь с земли, отряхиваю приставшую пыль и травинки. Показываю на месте. Предлагаю советы по маскировке пулемётов на новых позициях. Рекомендую заранее пристрелять пулемёты на местности.

– И приданные пулемётчикам стрелки должны следить, чтобы враг не попытался обойти их с флангов или с тыла.

Поручик кивает. Надеюсь, он понял мой спич.

– А ещё лучше подходы к пулемётам нафаршировать минами.

– У нас мин нет, – печалится поручик.

– А порох?

Оказывается, порох имеется, небогато, но кое-что можно изыскать.

Советую заложить перед блокпостом камнемётные фугасы, как наклонные, так и вертикальные.

– Роете яму, уплотняете стенки, засыпаете порох с заложенным взрывателем, а сверху сыпете гальку или гравий. Работает не хуже штатной картечи, – практически на пальцах объясняю я. – Если всё сделать по уму, может, до пулемётов дело и не дойдёт.

А про «волчьи ямы» поручик и без меня всё знает, даже заложил их на ближних подступах к блокпосту. Единственное, что могу посоветовать, так это предварительно щедро намазать колышки из бамбука на дне ямы фекалиями, протухшим мясом или рыбой и прочей грязью. Заражение крови или гангрена гарантирована на девяносто процентов.

На лице моего собеседника проступает неодобрение: мол, какие-то нерыцарские методы войны. Эх, рассказать бы ему про крылатые ракеты, летящие на сотни километров, ядерную бомбу, убивающую всё живое, про дроны и слежение за противником через спутники... Но, боюсь, не поймут. В лучшем случае меня ждёт сумасшедший дом, а в худшем – долгие и проникновенные беседы в контрразведке.

Приходится отделяться общими фразами про стремительно меняющийся мир: паровозы, пароходы, автомобили... Хорошо, не вякнул про аэропланы, а то бы прокололся. Еле удержал себя за язык.

Поинтересовался у поручика: слышал ли он о полётах братьев Райт? И встретил полное недоумение собеседника. Он ничего о них не слышал. Неужели газетчики прозевали сенсацию? Ведь первый полёт братьев Райт имел место в декабре прошлого года. За двенадцать секунд первый в мире самолёт пролетел тридцать метров, поднявшись над землёй на три метра. Этого я, разумеется, рассказывать поручику не стал.

Наконец за нами прибывает штабной штабс-капитан с парой казаков, чтобы сопроводить нас до нашего драгунского полка.

Лукашины, Сорока и остальные казаки тут же завязывают с прибывшими беседу, находят знакомых и чуть ли не родню. От дальнейшего братания с распитием крепких алкогольных напитков всех удерживает только присутствие штабс-капитана и необходимость засветло добраться до своих.

Рысим по дороге. Я пытаюсь сложить в голове фразы будущих рапортов начальству о ходе рейда, но мысли то и дело сбиваются на Ли Юаньфэн.

Глава 14

– После уничтожения склада артиллерийских боеприпасов противника мой отряд совместно с отрядом дружественно настроенных китайцев осуществил переход через линию фронта, – заканчиваю я свой доклад подполковнику Али Кули Мирзе в его штабе.

В детали наших приключений не вдаюсь, для подполковника это всё лирика, его интересует главное.

Командир поворачивается к капитану-артиллеристу. Бог войны кивает:

– У нас есть косвенные подтверждения этой информации. Мы отметили резкое снижение интенсивности вражеских обстрелов. Похоже, у японцев наступил снарядный голод.

– Сколько им потребуется времени на восстановление запасов? – интересуется подполковник.

– Две недели, не меньше.

Али Кули Мирза облегчённо вздыхает. Взрыв склада сорвал планы японцев по наступлению – без серьёзной артподготовки оно обречено. Самураи не идиоты, на убой солдат не пустят, ну а у нас появится время на дополнительную подготовку. К сожалению, пока что инициатива в руках японцев, наши держат оборону.

– Благодарю вас, господин штабс-ротмистр! – хвалит меня подполковник.

– Рад стараться!

Судя по скривившемуся лицу моего недоброжелателя Вержбицкого, ему добрые слова в мой адрес как серпом по одному месту. Да и хрен с ним!

– Господин подполковник, разрешите? – просит он.

– Что у вас, штабс-капитан?

– Как отметил капитан Баркаръ, – кивает Вержбицкий в сторону артиллериста, – у нас нет точного подтверждения словам штабс-ротмистра. А что касается интенсивности обстрелов, не удивлюсь, если это военная хитрость неприятеля. С него станется дуричь нам голову.

– Зря вы так, – качает головой Али Кули Мирза. – Штабс-ротмистр Гордеев уже не раз подтвердил свою репутацию.

– Я предпочитаю верить не словам, а делу, – гнёт свою линию Вержбицкий. – До получения подтверждения из нескольких надёжных источников полагать, что наступление противника сорвано, преждевременно. К тому же господин штабс-ротмистр утверждает, что ему помогли дружественные китайцы, по сути, бандиты – хунхузы. Никого это не смущает?

Штабс-капитан прямо-таки пышет ненавистью. Подполковник мерит его холодным взглядом.

– В следующий раз штабс-ротмистр возьмёт вас, господин штабс-капитан, в свой рейд, чтобы вы надлежащим образом зафиксировали все результаты. Вы ведь не будете возражать?

– Никак нет! – щёлкает каблуками Вержбицкий. – Почту за честь!

Адъютантов за глаза принято называть штабными крысами, на передке они бывают нечасто. Знаю, что это несправедливо, но фронтовиков можно понять. Всё-таки сидение в окопе и в штабе – вещи разные.

– Господа, совещание закончено, вы свободны! – сообщает Али Кули Мирза.

Офицеры расходятся.

Выхожу из штаба. У коновязи под присмотром барабашки-ординарца мой конь.

– Штабс-ротмистр, – окликают меня позади.

Оборачиваюсь. Взгляд Вержбицкого не предвещает ничего хорошего. Господи, и за что ты послал на мою голову этого придурка? В голове мелькает мысль засесть в тихом местечке с винтовкой и влупить ему пулю в башку. Армия от этого точно не потеряет, а скорее выиграет. Но потом гоню эту привлекательную идею прочь: это не наш метод.

– Слушаю вас, штабс-капитан.

Я нарочно упускаю «господин» при обращении к старшему по должности. На войне такое разрешается, но Вержбицкого задевает.

– Говорят, вы во время похода путались с какой-то китайской обезьянкой... На вашем месте я бы сходил проверился на дурную болезнь.

Взрываюсь от гнева. Готов переносить любые упрёки и ругательства в свой адрес – на войне как на войне, – но эта штабная сволочь позволила себе назвать Ли Юаньфэн, которая не только пришлась мне по душе, но и спасла жизни моих ребят, обезьянкой. Стремительно реагирую и отправляю Вержбицкого в нокаут коротким прямым в челюсть. Он падает как подрубленный прямиком в грязь.

– Вы с ума сошли! – вырастает из ниоткуда подполковник. – Что вы себе позволяете?!

– Виноват, – лгу я, и Али Кули Мирза это прекрасно понимает.

– За то, что посмели ударить старшего по должности, сдайте оружие, штабс-ротмистр, и отправляйтесь на гауптвахту. Пока что на пять суток. Дальше я решу, что с вами сделать. – Былой симпатии в голосе подполковника уже нет.

Вержбицкого поднимают, отряхивают. Он с трудом очухивается, его взгляд до сих пор мутный. Прилетело ему знатно, злорадно отмечаю я, как минимум выбил зуб: вон по щеке тонкой струйкой течёт кровь. Будет знать, гадёныш, что со мной шутки плохи. Ради удовольствия дать ему по морде я готов сидеть на губе хоть целый месяц. Ну а если поступят по всей строгости закона... Что ж, как говорится: дальше фронта не пошлют, меньше взвода не дадут. Если в рядовые разжалуют, так и хрен с ним! Не страшно!

Выполняю приказ начальства – сдаю шашку и револьвер и отправляюсь на гауптвахту.

Гауптвахта – громкое слово. В действительности это обычная китайская халупа с тонкими стенками, которые можно проковырять пальцем. На окнах решётки, но, сдаётся мне, при желании их руками можно вырвать с мясом.

Меня встречает сонный унтер, регистрирует в журнале и провожает к камере, то есть к комнатухе два метра на два, где, как выясняется, уже есть один сиделец – поручик-сапёр.

– Вечер в хату, – смеюсь я и протягиваю арестанту руку. – Будем соседями. Штабс-ротмистр Гордеев, можно просто Николай.

– Поручик Степанов, можно просто Степан, – представляется он.

– Случаем, не Степан Степанович?

– Именно так, по батюшке Степанович, – спокойно отвечает тот. Должно быть, уже привык к зубоскальству.

К счастью, на губе есть послабления: разрешается днём лежать на жёстких топчанах, никто не гоняет строевой, не заставляет зубрить уставы и не отправляет на хозработы. Отхожее место на улице, ну хоть без запаха параша в камере.

– За что вас? – интересуется Степан Степанов.

– Дал в морду одной сволочи. А вы, Степан, за что чалитесь?

Слова этого он явно не знает, но о смысле вопроса догадывается.

– Отказался выполнять дурацкий приказ – минировать позиции наших артиллеристов. Своё начальство похвалило, а то, что повыше, дало пять суток ареста.

– Серьёзная вина, – смеюсь я.

– Курите? – с надеждой спрашивает сапёр.

– Бросил, – признаюсь я.

– Жаль, – грустно опускает голову сиделец. – Я свой табачок ещё вчера скурил, а здешний надзиратель ни в какую не желает сбегать для меня за папиросами, хотя я ему двойную цену предлагал. Наверное, боится, что узнают и отправят на фронт. Кстати, какие последние новости? Я тут уже третий день, отстал от жизни...

Рассказываю ему актуальные сплетни, реальной картины у меня всё равно нет.

Степанов вздыхает:

– Бардак!

– Бардак, – охотно соглашаюсь я.

На обед приносят порцию жидкого супа, кашу-размазню и холодный чай, вместо хлеба какие-то подозрительные лепёшки.

Ближе к вечеру нас навещает начальник гауптвахты – смешливый толстячок с погонами прапорщика. Интересуется, нет ли у нас жалоб. По нему видно, что с сочувствием относится к загремевшим на губу офицерам, втихаря угощает Степанова папироской, пускается в воспоминания о прошлой мирной жизни. Расстаёмся с ним почти приятелями.

– Зря вы так с ним откровенничали, – внезапно говорит Степанов после его ухода. – О нашем цербере ходят нехорошие слухи.

– Стучит?

– Ещё как! Были случаи, когда из-за его наушничанья офицеры сидели здесь не по одному разу подряд.

– Да вроде я ничего крамольного ему не сказал, – пожимаю плечами я.

– Будем надеяться. А впредь старайтесь ничего лишнего не сболтнуть. Даже если это и слухи, всё равно дыма без огня не бывает.

С наступлением темноты заваливаемся спать, накрывшись офицерскими шинелями: они тут заменяют все постельные принадлежности. Шинели старые, проеденные молью, но лучше уж так, чем без ничего: ночи здесь прохладные.

Из головы до сих пор не выходит прекрасная китайка. Ворочаюсь, вспоминая её поцелуи и жаркие объятия. Надеюсь, у неё всё хорошо.

Утром просыпаюсь оттого, что дверь в камеру резко распахивается. На пороге унтер, за его спиной двое солдат, в руках у бойцов винтовки с примкнутыми штыками. Сердцем чую, что это явление неспроста.

– Штаб-ротмистр, на выход, – провозглашает унтер.

– Надеюсь, не на расстрел? – встаю я.

– Шутить изволите?

– Какие шутки, унтер?!

– Руки за спину! – рявкает один из солдат.

Ого! Так серьёзно!

Под конвоем выхожу из гауптвахты. Морщусь, глядя на яркое солнышко.

– Оправиться хоть можно?

– Не велено.

Качаю головой, но в спор не вступаю: бойцы настроены решительно. Бредём по пустой улочке. Ощущения ниже среднего: чего хорошего, когда тебя конвоируют? Навстречу то и дело попадают прохожие: и русские, и корейцы, и китайцы... Многие недоумённо смотрят мне вслед. Хорошо, что знакомых нет.

После пары поворотов оказываемся у небольшого особнячка. А дом, видать, не из простых – у входа бдит часовая. Интересно, кто в теремке живёт?

Меня завели в тесную комнатку, где за столом сидел ротмистр с орлиным носом и выбритой налысо головой.

– Доставили, вашскородь, – докладывает один из солдат.

– Свободны, – кивает тот.

Бойцы выходят.

– С кем имею честь? – спрашиваю я.

Сесть мне пока не предлагают.

– Вы имеете честь общаться с контрразведкой. Ротмистр Дзатоев, – представляется лысый.

Невольно присвистываю: нечасто выпадает случай иметь дело с сотрудниками этого во всех смыслах богоугодного учреждения.

– Мне, я так понимаю, представляться нет нужды, – изрекаю я.

Дзатоев улыбается, но выглядит это как-то зловеще.

– Садитесь, – наконец приглашает он.

Я опускаюсь на мощный табурет. Он даже не шелохнулся под моим весом – сдаётся, что его надёжно прикрутили к полу. Если возникнет желание дать ротмистру по башке табуретом, не получится.

– Догадываетесь, почему вы здесь? – наивно спрашивает Дзатоев.

Ну да, я шаз расплачусь и, размазывая сопли по щекам, начну колотиться во всех грехах, включая мнимые.

– Никак нет. Думал, вы скажете.

Ротмистр смотрит на меня так, словно собрался препарировать и выбирает, с чего бы начать.

– Это ваше?

Он выкладывает на стол короткий меч без ножен. Я вижу на нём знакомые иероглифы. Вряд ли на свете существует второй такой клинок.

– Так точно, мой. Это трофейный меч-вакидзаси. Мне он достался от убитого демона-цитигумо.

Вроде не хотел хвастаться, но вышло так, словно бахвалюсь своими подвигами. Ротмистр мрачнеет. Видимо, у него нулевой счёт по уничтоженным японским демонам.

– Тогда потрудитесь объяснить, как так получилось, что этот меч попал в руки якобы взятого вами в плен японского офицера-тайи?

Проглатываю слово «якобы» и уточняю:

– Простите, что значит – попал в его руки?

– А то и значит, что этой ночью пленный сделал себе харакири при помощи вашего меча.

Сказать, что я ошарашен, – значит ничего не сказать!

– Вы на что-то намекаете?

– Не намекаю, а прямым текстом говорю, что убийство этого офицера лежит на вас. И у нас есть все основания подозревать вас, Гордеев, в том, что вы завербованы нашим врагом!

– Что?! – вскакиваю я с табурета.

– Сидеть! – кричит ротмистр. В его руках появляется револьвер. – Садитесь, штабс-ротмистр, пока я не прострелил вам колени.

– Как вы смеете разговаривать так со мной, боевым офицером? – уже спокойнее отвечаю я, хотя внутри всё клоочет от злости.

– Садитесь! – снова приказывает ротмистр и не убирает оружие, пока я не опускаюсь на табурет.

Удовлетворительно кивнув, он продолжает:

– Не будьте глупцом, Гордеев. Ваша судьба в ваших руках. Каждый мог оступиться. Но у вас ещё есть возможность всё исправить, пока не поздно.

– Глупости, господин ротмистр, – замечаю я. – Ну какой мне резон убивать этого самого капитана? Я же сам взял его в плен...

– Вы пытались втереться в доверие, а потом при удобном случае ликвидировали пленного, пока он не успел сообщить нам полезные сведения, – складно излагает свою версию Дзатоев.

– Да, но этой ночью я находился на гауптвахте!

– Это не аргумент. У вас может иметься сообщник.

Ротмистр просто непрошибаем. Предполагаю, что он играет в плохого полицейского. Вот только где хороший?

– А как же рейд по японским тылам? Взрыв склада боеприпасов? – резонно спрашиваю я.

Он фыркает.

– Прямых подтверждений этому факту нет.

Начинаю догадываться, с чьего голоса он поёт. Тут не просто торчат уши Вержбицкого, тут мой недоброжелатель предстаёт во весь рост.

– Вдобавок вы провели за линию фронта китайских торговцев. Неужели вам не известно, что под них часто маскируются шпионы врага? – продолжает допытываться ротмистр.

– Я положился на слова китайского союзника.

– На командира этого... как его... – Офицер зачитывает: – Отряда «Небесной справедливости»?

– Да, на Ли Цао. Его люди спасли нас.

Контрразведчик фыркает.

– Большого бреда я до сих пор не слышал! Вы посчитали союзниками банальных хунхузов?! Я всё больше убеждаюсь в том, что вы работаете на японскую разведку. Признайтесь, Гордеев, когда вас завербовали? Самому легче станет!

– Я русский офицер! Я никогда не пойду на предательство моей Родины! – говорю я и чувствую, как желваки перекатываются по щекам.

– Посмотрим, какой вы русский офицер, – разочарованно тянет контрразведчик. – У меня и не такие раскалывались. – Внезапно он мрачнеет. – Будете говорить по-хорошему, Гордеев?

– А как я, по-вашему, говорю, ротмистр?

– Мне кажется, вы лжёте!

– При других обстоятельствах, в мирное время, я бы с удовольствием вызвал вас на дуэль!

– Вы дурак, Гордеев. Я бы вас пристрелил, как куропатку, и мне это сошло бы с рук.

– Желаете проверить? Готов хоть сейчас! Я к вашим услугам.

– Много чести для предателя! – заявляет он, но чувствуется, что его чуточку проняло.

Контрразведчик протягивает мне несколько листов бумаги и письменные приборы.

– Пишите, штабс-ротмистр.

– Что именно?

– Мне нужен почасовой расклад вашей последней вылазки в тыл врага: кто, когда и чем занимался. И да, я лично расспрошу каждого из ваших подчинённых. Любое противоречие в показаниях будет истолковываться не в вашу пользу. – Он смотрит на часы: – У вас ровно два часа, штабс-ротмистр. То есть пока ротмистр... Конвойный!

Приставив ко мне солдата, Дзатоев покидает кабинет. Я макаю перьевую ручку в чернила, на секунду задумываюсь и начинаю писать доклад. Слава богу, уж чему-чему, а этому важному для любого офицера искусству меня неплохо натаскали в прошлой жизни. Вот только с непривычки иметь дело с чернилами и пером я делаю много клякс. Ничего, пусть списывают на нервное волнение.

Через два часа Дзатоев отбирает мои показания и приказывает вернуть меня на губу. Замечаю на себе его изучающий взгляд.

Контрразведчик на дурака не похож, наверняка в следующую встречу изменит тактику. Я бы тоже на его месте сначала попробовал бы взять на испуг.

Вместо соседа в камере сидит незнакомый офицер. Смотрю на него с удивлением.

– А где Степанов?

– Повезло Степанову, выпустили раньше срока, – улыбается офицер.

Мы знакомимся. На сей раз в компаньоны мне досталась пехота. Вот только не нравится мне манера разговора этого пехотинца: такое чувство, будто пытается без мыла пролезть. Догадываюсь, что это скорее всего «наседка», подсаженная Дзатоевым, и веду себя так, чтобы не вызвать ни у кого подозрений. Треплюсь на абсолютно отвлечённые и пустые темы, избегая острых мест. Пехотинец злится, но вывести меня на откровенность у него не получается. Нет уж, братец, обломись!

Перед ужином от солдата – раздатчика пищи в руки будто случайно падает записка. Не подавая перед соседом вида, осторожно разворачиваю её и читаю текст на хорошем русском.

Дорогой Коля!

Мои люди видели тебя на улице арестованным. Мы знаем, что тобой интересуется русская контрразведка. Говорят, у тебя очень опасные враги, и они желают тебе смерти. Это несправедливо. Ты – настоящий офицер.

Я помогу тебе, устроив побег. Только оказавшись на свободе, ты сможешь доказать, что невиновен. Если хочешь бежать, дай знак – повяжи на решётку камеры свой платок.

Твоя любящая Ли Юаньфэн.

«Надо же, – грустно думаю я, – свои в шпионы записали, а китайская девушка готова рисковать ради меня жизнью. Забавно устроен этот мир!»

Может, действительно, плюнуть на всё, согласиться на предложение Ли Юаньфэн и сбежать? Всё равно Вержбицкий и Дзатоев так просто с меня не слезут.

Одиннадцать бойцов команды охотников-разведчиков штабс-ротмистра Гордеева стояли, сбившись в кружок перед особнячком контрразведки.

– За что же их благородие на цугундер? Ну дал один офицер другому в зубы, так то их дело благородное, – горячится Сорока. – У нас в станице на Масленицу и не по одному зубу вышибали, как стенка на стенку сойдутся потешиться.

– За то господина штабс-ротмистра на гауптическую вахту и определили. Это заведение благородное, а для нашего брата и розог достаточно^[4], – вступает в разговор Бубнов. – А вот в контр разведку его по другому поводу потащили.

– За то, что с китаёзами общался? – спрашивает Сорока.

Бубнов кивает.

– Так не с япошками же.

– А ты враз отличишь одного узкоглазого от другого?

Сорока смущённо чешет затылок.

– Хочешь сказать, Савельич, – вступает в разговор Лукашин-старший, – господин штабс-ротмистр японским шпионам проданся?

– Упаси тя Господь, Тимоша. Ты мне чужих мыслей в башку не вкладывай. А хотел я сказать, робяты, что то, чего не понимаешь, всегда подозрительно. Вот ты, Сорока, забыл, как шашкой их благородие порубать хотел?

Сорока краснеет, но тут же хлопает себя по колену.

– Дурной был. Поумнел. С господином штабс-ротмистром и служба интереснее пошла.

Хлопнула входная дверь особняка, все оглянулись. К разведчикам шёл ординарец командира Скоробут, держась ладонью за левую скулу. Подошёл, ладонь убрал, а глаз уже фиолетовым заплывает.

Неподбитым глазом он оглядел товарищей и вздохнул.

– Силён их высокобродь драться.

– Спрашивал-то о чём?

– Известно о чём. Вспоминай, грит, Скоробут, как трёх товарищей потеряли, как склад брали, часовых снимали. Про поезд опять же, про япошек с их демонами, забодай их корова. Да всё по часам, по минутам. А особливо про китайцев спрашивал и про китаяночку.

Дверь особняка снова грохнула, часовой при входе вытянулся во фронт. На крыльцо вышел Дзатоев, окинул взглядом команду Гордеева,

поманил пальцем.

– Унтер, ко мне!

Бубнов оправил мундир под ремнём, перекрестился и двинулся строевым шагом к Дзатоеву.

* * *

Дзатоев сидел за столом, перечитывая и сличая рапорты-показания-объяснения команды охотников штабс-ротмистра Гордеева. Он искал нестыковки, противоречия, неточности в этих бесхитростных рассказах полутора десятков людей, которые бы помогли ему уличить Гордеева во лжи и доказать, что тот японский агент. Для контрразведчика это был шанс всерьёз продвинуть карьеру, ранее срока выслуги получить производство в следующий чин и, возможно, перебраться с бригадного уровня на более высокий. К тому же Вержбицкий обещал немалую сумму в знак благодарности, если удастся доказать, что Гордеев – вражеский агент. Почему не заработать и не принести пользу Родине?

Мелкие шероховатости в рассказах подчинённых Гордеева имелись. Но Дзатоев не обольщался, он знал, что это естественно для свидетелей и очевидцев событий: каждый видит через собственную призму представлений, веры и знаний. В главном же рассказы бойцов о рейде сходились с тем, что написал в своём рапорте Гордеев. Но Дзатоев не мог избавиться от ощущения, что с этим Гордеевым что-то не то.

В дверь постучали. Дзатоев убрал бумаги в папку, короткими движениями помассировал затылок и виски.

– Войдите.

В дверь вошёл ротмистр. Козырнул с достоинством.

– Господин ротмистр? Ротмистр Филимонов. Вы хотели меня видеть?

Дзатоев указал гостю на стул.

– Присаживайтесь, господин ротмистр. Вы ведь Тверское кавалерийское училище окончили?

– Имел честь. В тысяча восемьсот девяносто втором.

– Гордеева Николая помните?

– Да. Что с ним?

– Геройствует в тылах противника. Инициативен, смел, изобретателен. Он в училище такой же был?

Филимонов задумался.

– Смелости и озорства у него хватало. А вот насчёт изобретательности... Особо звёзд с неба Николая не хватал.

– А давайте устроим ему сюрприз? – Дзатоев проникновенно заглянул в глаза Филимонова. – Розыгрыш...

Глава 15

Ночь. Лежу на нарах, сна ни в одном глазу. Во-первых, сосед-пехотинец храпит так, что хоть уши трубочкой сворачивай. Во-вторых, решаю сложную морально-этическую проблему: принять предложение моей китайки и пойти на рывок от контрразведки и всей армии его императорского величества Николая намба ту или ждать, пока справедливость восторжествует и меня с извинениями отпустят и дальше командовать моими архаровцами? В обоих вариантах есть плюсы и минусы. Рисковать офицерской честью ради жизни и любви или рисковать жизнью ради чести и доброго имени.

И ещё интересный вопрос: как мой вакидзаси оказался у японского тайи, чтобы помочь ему совершить ритуальное самоубийство? Я оставил его в своём вещмешке в своей комнате в китайской фанзе, где квартировал. И было это ровно перед тем, как я отправился на доклад к Али Кули Мирзе. Без японского агента выкрасть вакидзаси и передать его для сэппуку японцу невозможно. В наличие японского агента среди своих бойцов верится мало. Зато среди китайцев – очень даже верится.

Теоретически любого (или любую) можно подцепить на деньги, боязнь за близких, «медовую ловушку». Даже на ненависть к русским – мы для китайцев такие же «варвары», как и все остальные иностранцы. За что им нас любить? То и дело норовим какие-то территории себе оттяпать от Срединной империи. Японским агентом может оказаться и сам японец: переоделся китайцем, прицепил на волосы косу – и родная мама не отличит одного азиата от другого.

Сокамерник мой (предполагаемая «наседка») завозился под шинелью на своих нарах, зачмокал губами, перевернулся на другой бок и затих.

Гадать кто можно бесконечно, у меня слишком мало данных. Доступ в дом имеет неограниченно широкий круг лиц: хозяйева, торговцы, профессиональные воры (криминальный элемент для вербовки вполне подходит). Проник злодей в дом, когда никто не видит или не обращает внимания, порылся в моих вещах – и вот уже нет вакидзаси в моём вещмешке. Как они его японцу передали? Ну,

мне же моя китаяночка как-то передала записку через раздатчика пищи.

С гипотетических поисков японских шпионов в своём окружении перехожу на мысли о Ли Юаньфэн. Вспоминаю нашу с ней единственную ночь, и сладкое томление охватывает весь организм. Нет, этот сладкий морок надо как-то разогнать, а то до добра не доведёт. Осторожно слезаю с нар, делаю простейшие гимнастические упражнения, чтобы физическим напряжением нивелировать напряжение сексуальное.

Чувствую на себе пристальный взгляд. Оборачиваюсь. Так и есть, сосед проснулся.

– Тело затекло, решил немного разогнать кровь. Если помешал, не обессудьте.

– Да какое помешал. Вы правы, не у мамы на пуховых перинах ночуем.

Сосед, кряхтя, слезает со своих нар.

– Не против, если присоединюсь?

Пожимаю плечами. Пусть разминается. Машем руками, ногами, крутим туловищем. Сокамерник явно знаком с какой-то системой физподготовки, или, как её тут называют, гимнастикой.

– Гляжу и не могу понять, – любопытствует пехотный сосед, – вы, господин штабс-ротмистр, по какой системе занимаетесь? Мюллер? Сокольская гимнастика? Фихте?

Чёрт! Знать бы ещё, чем они тут друг от друга отличаются. Не говорить же правду – базовый комплекс упражнений Министерства обороны Российской Федерации.

– Сам разработал, – отбреживаюсь я, – из разных систем взял то, что больше мне подходило.

После занятий уснул быстро, да и сосед своим храпом не донимал. Может, взять за привычку заниматься с ним по вечерам? И сон спокойнее будет.

С утра нас вывели на opravку, потом завтрак. Чай, жидкая каша-размазня из риса с волокнами мяса, пара кусочков плохо пропечённого хлеба. Удивительное дело – на всех гауптвахтах кормёжка сильно хуже даже солдатского котла. Или это такая дополнительная воспитательная мера? Чтобы жизнь совсем уж мёдом не казалась?

Почти сразу после завтрака меня забирает конвой и после непродолжительной уличной прогулки представляет пред светлы очи Дзатоева.

Какой разительный контраст. Сегодня «борец со шпионажем» – сама любезность и предупредительность.

– Курите? – подвигает он мне пачку папирос.

– Благодарствуйте, бросил.

– Что так?

– В госпитале узнал, что капля никотина убивает лошадь.

Мне удалось удивить своего визави.

– Шутить изволите, штабс-ротмистр?

– Никак нет. Кто-то из госпитальных эскулапов обмолвился. Мол, британские учёные установили. Должно быть, прочитал в каком-то медицинском журнале.

– Не помните кто?

– Увы. Обратил внимание на сам факт, а не на того, кто его озвучил.

На лице Дзатоева сомнение, он барабанит пальцами по столу. Чувствую, курить ему хочется, но мысль разделить участь лошади останавливает.

– Может, чаю?

Да что это с ним сегодня?

– Не откажусь.

Дзатоев подходит к двери, приоткрывает её.

– Филимонов! Два чая!

Ротмистр возвращается за стол. Да уж, разительная перемена по сравнению с нашей первой встречей. Вчерашняя догадка оказалась верна: Дзатоев играет в доброго и злого следователя. Обычно для такой разводки нужны двое, а он справляется один. Театр одного актёра какой-то.

– Вы же Елисаветградское училище заканчивали?

Ага, вот и проверка началась. Что у меня там в офицерской книжке записано? Вспоминай, Гордеев!

– Ошибаетесь, господин ротмистр. Тверское кавалерийское юнкерское.

Плюсик мне в карму, что сразу после госпиталя назубок выучил всё, что было в бумагах моего предшественника в этом теле.

– Так вы тверец^[5]? Выпустились в девяносто восьмом? При Кононове?

– Бог с вами, господин ротмистр, в девяносто втором. При Василевском.

– Со сколькими баллами?

– С девятью.

Пока мне везёт, но чувствую – хожу по краю. Он же, гад, личность проверяет этими деталями. Но я же не зря ординарца своего мучил расспросами всё это время. Плюс других тверцов гордеевского выпуска в полку, на счастье, нет. Пока Дзатоев проверит мои слова, сколько времени уйдёт.

Филимонов приносит чай. Ставит на стол два стакана в серебряных подстаканниках, блюдечко с колотым сахаром, блюдечко с сушками. Странно он на меня смотрит, словно чего-то ждёт от меня. На лице некоторая обида, смешанная с недоумением.

По знаку Дзатоева Филимонов покидает кабинет. Отвлекаюсь на чай. Дзатоев неторопливо помешивает ложечкой в своём стакане, хрустит сушкой.

– А вот эти накидки из сетей, – контрразведчик с хрустом ломает в ладони очередную сушку, – это тоже в училище придумали?

– Да что вы, ротмистр? Тогда бы это было уже во всех воинских уставах.

– Сами додумались или подсказал кто?

Киваю.

– Нынешняя война поставила перед нами проблемы маскировки. Англичане недаром, начав войну с бурами в своих рачьих мундирах, быстро перешли на хаки. Да и наш солдатик своим умом дошёл, что в белой гимнастёрке он слишком заметен на поле боя. У меня бойцы чем только ни красили, даже в отваре чая форму выдерживали. Так что я просто творчески развил то, что придумали до меня.

– Ваши подчинённые рассказывают, что вы предложили и птичками свистеть вместо того, чтобы русским языком отдавать команды.

Чёрт, на какую опасную трясину он меня подталкивает. Увязну – не выбраться будет. Он же ведёт к тому, что я свои «шпионские» навыки использую.

– В разведке лучше как можно меньше привлекать к себе внимание. А птичий крик – естественный природный звук. К тому же мы ранее договорились с бойцами, какой свист что означает: «внимание», «опасность слева», «враг в количестве пяти человек»...

– Прежде за вами, Гордеев, такое изобретательство как-то не водилось, насколько я успел узнать.

Развожу руками.

– В мирное время было вроде как без надобности, а тут, на фронте, пришлось поразмышлять.

– Из дома давно получали весточку? – неожиданно меняет тему разговора Дзатоев.

– Ещё до ранения.

– И сами не писали?

Отрицательно мотаю головой. Конечно, не писал. Не хватало только, чтобы близкие Гордеева тут же поняли, что пишет им не их сын или брат.

– Вы правы, господин ротмистр, я непростительно манкировал родственным долгом.

Я не дурак и понимаю, к чему ведёт своими расспросами Дзатоев: к подмене настоящего Гордеева каким-то самозванцем. Только он думает, что это сделали японцы, а я знаю, что они тут совершенно ни при чём.

Он протягивает мне распечатанное письмо.

– Доставлено вчера.

– И вы читали чужую переписку? Это недостойно, господин ротмистр, – изображаю из себя оскорблённую невинность.

– Читал, – признаётся Дзатоев, – в рамках своих служебных обязанностей. Хотите мне в морду захватить, как Вержбицкому?

Молчу. А что тут сказать? Конечно, хочу. Но надо держать себя в руках.

– Обнаружили там вражескую шифровку? – подпускаю в голос максимальный сарказм.

– А она там есть? – быстро спрашивает контр разведчик. Вроде бы и в шутку, но...

– Как же вам хочется, господин ротмистр, выставить меня японским шпионом.

– Я хочу найти японского шпиона в наших рядах. А он, судя по всему, есть.

– Тогда нужно найти того, кто подставил меня с вакидзаси.

Дзатоев усмехается.

– Здесь, на Востоке, говорят: не стоит усложнять то, что просто.

– Конечно, проще объявить японским шпионом меня, чем искать настоящего.

– Вы обратили внимание на лицо солдата, приносившего нам чай?

– Нет. А должен был?

– Это был ротмистр Филимонов, ваш соученик по Тверскому училищу. Решил сделать вам сюрприз и разыграть: узнаете или нет? Вы даже не обратили внимания. Хотя и внимательно смотрели на его лицо.

Блям-с... Это фак-ап. Вот он и пришёл, толстый северный лис...

– Вы наверняка читали мои документы... – тяну я паузу, пытаюсь взять себя в руки. – Врачи в госпитале определили у меня амнезию – потерю памяти вследствие контузии от падения с лошади.

– Ваша амнезия выглядит чересчур избирательной, Гордеев. Или как вас там?

– Я был, есть и буду Николаем Гордеевым, – твёрдо отвечаю я.

Вру, конечно. Но сказать правду этому Дзатоеву невозможно: отправит в расход и не поморщится.

Дзатоев усмехается, обнажая крупные белые зубы.

– Можете ли вы знать это наверняка, имея в анамнезе амнезию?

Подловил. Этот Дзатоев может не только револьвером размахивать и грозить прострелить коленку. Он и в казуистике силён. Вот теперь, Лёха Шейнин, ты точно попаданец – попал как кур в ощиц.

– Мне нечего вам сказать, ротмистр, кроме того, что я русский офицер, а вовсе не японский шпион.

Дзатоев даёт понять, что разговор окончен.

Плетусь под конвоем обратно на гауптвахту. Мыслей в голове ноль. Соседа, предполагаемого стукача, нет, освободился. А может, Дзатоев решил, что теперь без надобности держать при мне «наседку». Зато никто не будет храпеть над ухом.

Механически съедаю обед, не чувствуя вкуса еды. Заваливаюсь на нары, депрессуха накрывает, как тяжёлым ватным одеялом. Мышцы ломит, не хочется вставать и шевелиться. Единственное, чего

хочется, – свернуться калачиком в позе эмбриона и ни о чём не думать, погрузившись в неподвижное оцепенение тела и мысли. Морок какой-то... Не наводит ли его какой-нибудь демон за стенкой?

Силой заставляю себя встать и заняться физическими упражнениями. Случайно нащупываю в кармане платок и вспоминаю записку Ли Юаньфэн. Неужели единственное спасение – побег? А как же мои охотнички? Верный ординарец, унтер Бубнов, наглец и бузотёр Сорока, братья Лукашины? А с другой стороны, что, им будет легче, если меня расстреляют за шпионаж с подачи Дзатоева? Жить хочется.

Достаю платок, пытаюсь дотянуться до окна с решёткой, чтобы повязать его на один из прутьев. В этот момент за дверь слышатся тяжёлые шаги пары людей, в двери поворачивается ключ. Быстро оборачиваюсь.

Входят двое конвойных, винтовки с примкнутыми штыками.

– Следуйте с нами, вашбродь.

На расстрел? Без военно-полевого суда? И с побегом не успел...

Закладываю руки за спину.

Идём по улице, вид стараюсь держать бодрый и независимый, но на душе кошки скребут. Особняк контрразведки проходим мимо. Меня заводят в штаб. Остановливаемся у одного из кабинетов. Один из моих конвоиров стучит в дверь, поворачивается ко мне.

– Вашбродь, вам сюда.

Вдыхаю глубоко, словно перед нырком на глубину, и толкаю дверь.

От стола на меня поднимает взгляд подполковник Николов.

Глава 16

– Господин подполковник? – удивлённо поднимаю бровь я.

– Не ожидали меня тут увидеть? – грустно усмехается он.

– Что есть, то есть, не ожидал.

Я уж не говорю, что первоначально думал, будто меня ведут, чтобы пустить в расход. Как говорится, не мы такие, время такое...

Внезапно Николов встаёт, одёргивает мундир и строгим официальным тоном произносит:

– Штабс-ротмистр Гордеев, от лица военной контрразведки приношу вам искренние извинения за действия моего коллеги ротмистра Дзатоева. К сожалению, господин ротмистр больше думает о своей карьере, чем о деле.

– Извинения приняты, – сухо говорю я, однако всё равно не расслабляюсь. Вдруг это просто ещё один способ расколоть меня и вывести на откровенность? Контора есть контора, рыцарям в белых перчатках там не место.

Но пока всё идёт хорошо. Николов возвращает оружие и амуницию, дожидается, пока я привожу себя в порядок. Мне бы, конечно, не мешало принять ванну, выпить чашечку кофе и побриться. Особенно побриться – терпеть не могу щетину на лице, а борода Гордееву не идёт.

– Подполковник Али Кули Мирза считает, что вы отбыли заслуженное наказание до конца, а военная контрразведка больше не имеет к вам претензий, – сообщает Николов. – Можете вернуться в строй, к исполнению ваших непосредственных обязанностей.

По тону чувствуется, что подполковник не договаривает. Мне, в принципе, всё равно, главное, что вот она – «щивабода, щивабода!»

– Чуть не забыл! – хлопает себя по лбу Николов.

Он лезет в сейф и достаёт из него... тот самый пресловутый вакидзаси, который принёс мне столько проблем.

– Это ведь ваше? – смеётся контрразведчик.

Бодро киваю. Нам чужого не надо, а своё хрен кому отдадим. Если только очень попросят под хорошее настроение.

– Господин полковник, разрешите задать вопрос?

Я нарочно повышаю Николова в чине. В прежней части наш прапор аж млел, когда его бойцы старшим прапорщиком называли. Всё-таки мы, военные, чувствительны к такого рода вещам.

– Конечно, – добреет Николов.

– Удалось выяснить, каким образом мой трофей попал в руки пленному японскому капитану? Поскольку я в это время отбывал наказание на гауптвахте, господин Дзатоев грешил на моих «сообщников», – не могу удержаться от подколки я.

Собеседник мрачнеет.

– К сожалению, ротмистр чересчур зациклился на вашей вине, поэтому не смог провести расследование по горячим следам. За это ему уже объявлен выговор. Мой ответ неутешительный: для нас эта история по-прежнему остаётся загадкой. Но мы работаем над тем, чтобы всё тайное стало явным.

Новость действительно не айс. Это была явная подстава, и где гарантии, что других не будет?

Догадываюсь, что моё освобождение приключилось не просто так. Не пояись столь вовремя Николов, Дзатоев продолжил бы копать под меня, тем более пищи для размышлений у него предостаточно, вон как ловко поймал меня в ловушку с Филимоновым. Всё-таки башка у ротмистра работает, пусть и не в том направлении.

– Господин полковник, это ведь я вам обязан свободой?

Он усмехается.

– В проницательности вам не отказать. Да, мне пришлось вмешаться в ход расследования. Я внимательно изучил все материалы и понял, что Дзатоев старательно лепит из вас предателя. К счастью, у меня была возможность составить о вас, штабс-ротмистр, собственное мнение. Вы толковый и инициативный офицер с прекрасным послужным списком. Вы воюете на передовой, а не отсиживаетесь в тылу, в отличие от некоторых, а ваш недавний рейд существенно облегчил ситуацию на фронте. Теперь японская артиллерия старательно экономит снаряды. Ну, и как мне сказали, за чинами не гонитесь, хотя достойны гораздо большего. – Николов подмигнул. – Скажу вам по секрету, ротмистр: офицеры в полку переживают за вашу судьбу, а подполковник Али Кули Мирза уже все уши прожужжал моему начальству, грозился дойти аж до самого государя!

Я невольно закашлялся. Приятно, блин, когда тебя настолько ценят! Правда, это не спасает от губы, но... чего там переживать из-за пустяков.

Оно, конечно, слушать бы в свой адрес дифирамбы и слушать, однако я вспоминаю о более важном на текущий момент.

– Господин полковник, помните, я говорил с вами о ловушке, которую японцы могут устроить для нашего флота в Цусимском проливе?

– Безусловно, – мрачнеет Николов.

– Моя информация... подтвердилась? – с замиранием сердца спрашиваю я, а сам молюсь, чтобы этого не произошло и наш флот остался цел.

– Эскадра ещё в пути, – поясняет Николов. – Я, конечно, воспользовался кое-какими своими связями, чтобы о ваших соображениях донесли адмиралу Рожественскому, но, как понимаете, флот есть флот... Боюсь, к моим словам не отнеслись в полной мере серьёзно, тем более подкрепить их особо нечем.

Это да, учебника истории из будущего под рукой у меня нет, так что предвидения какого-то сухопутного штабс-ротмистра в глазах мореманов не стоят и выеденного яйца. Но надежда умирает последней. Вдруг Рожественский примет хоть какие-то меры предосторожности? В то, что удастся разбить японцев на море, я не верю, их флот на голову выше нашего, что, собственно, и покажет Цусима, однако если часть кораблей какими-то кривулями сможет пройти до Порты-Артура, многое в его обороне изменится, и зимой тысяча девятьсот четвёртого крепость не падёт.

– Разрешите поделиться с вами ещё одним предчувствием? – спрашиваю я.

Подполковник догадывается, что ничего хорошего из моих уст не услышит, и мрачно кивает:

– Безусловно.

– Я очень переживаю за судьбу Порт-Артура...

– А что с ним? Гарнизон сражается, и весьма неплохо.

– Так и есть, но японцы готовят решающую атаку. В общем, есть вероятность, что в декабре этого года они его возьмут.

– Вы с ума сошли! – вскидывается Николов.

– Больше всего на свете я бы хотел, чтобы это было именно так. Но если мы ничего не изменим, Порт-Артур падёт через несколько месяцев. Это неприятный, но факт.

Говорить правду вроде легко и просто, но у меня аж душа наизнанку выворачивается.

Собеседник чувствует, что я не вру, окидывает меня задумчивым взглядом.

– Вы очень необычный молодой человек, не зря так мне приглянулись в прошлый раз.

Поскольку не знаю, что ответить, предпочитаю промолчать.

Николов смотрит в окно.

– Не возражаете, если мы продолжим наш разговор по дороге?

– Какой дороге? – не понимаю я.

– Вы ведь не откажете мне в любезности сопроводить меня в поездке? Пусть ротмистр Дзатоев разгребает тут свои дела, а мне пора к себе, в штаб контрразведки.

– На улице темно. Вы собираетесь ехать на ночь? На дорогах может быть беспокойно.

– Поэтому я и хочу, чтобы вы помогли нам добраться без происшествий. Ваше начальство не будет возражать, – улыбается он.

Догадываюсь, что это ему не вожжа под хвост попала, а, действительно, необходимо возвращаться.

– Служба-с, – вздыхает Николов.

Выбора у меня точно нет – а ну, попробуй откажи контрразведке! – поэтому щёлкаю каблуками (эх, пропали моя ванна, душ и какава с чаём!) и склоняю подбородок:

– Сочту за честь!

– Прекрасно. Ваша лошадь ждёт вас на коновязи у дверей штаба, – сообщает хорошую новость контрразведка. – Но мы поедem в моём авто.

В авто так в авто. Несмотря на то, что кое-какие навыки прошлого владельца тела ко мне вернулись, бравым наездником я себя не считаю.

Выходим на улицу. Темень такая, что не видно ни зги, пусть я и понятия не имею, что это за штука такая – зга. Не видно, и всё тут. Вот и знакомая машина, и водитель-вампир на месте. Пусть он вроде и на нашей стороне, всё равно мне как-то не по себе, особенно после той

сцены, когда он пил кровь японцев. Вроде и увидел лишь краем глаза, а всё равно – бр!

Вместе с полковником садимся на заднее сиденье, коняшку привязываем к машине: эта «антилопа гну» быстро не бегают, так что ещё неизвестно, кто быстрее устанет, – чудо техники начала двадцатого века или прекрасное животное.

Насколько понимаю, вампиры прекрасно видят в темноте, так что вряд ли мы угодим в аварию. Правда, на сей раз вольноопределяющийся Кузьмин снял очки-консервы, и его глаза стали походить на кошачьи.

Мерно затарахтел двигатель, автомобиль пару раз дёрнулся и сдвинулся с места.

– Хорошо на свободе? – заходит с дежурного вопроса Николов.

– Спрашиваете! – усмехаюсь я. – На свободе и дышится иначе. Полной грудью...

– Признаюсь, я неспроста попросил вас разделить со мной дорогу... Задали вы мне задачку.

– Не понимаю вас, господин полковник.

– Попрошу без чинов, Николай Михалыч.

– Как скажете, Сергей Красенович.

Он ненадолго замолкает.

– Я не первый год живу на свете, многое повидал, причём такого, что врагу не пожелаешь. Так что меня сложно удивить. Но вы, Николай Михалыч, просто какой-то ходячий набор вопросов, причём без ответов.

Разговор явно ведётся неспроста. Пожимаю плечами.

– Попробуйте спросить, может, я смогу дать вам ответ.

– Кто вы такой?

– Э-э... Штабс-ротмистр Николай Гордеев, выпускник Тверского кавалерийского училища.

У Николова кривится лицо.

– Пожалуйста, не надо врать, Николай Михалыч или как вас там зовут на самом деле... Неважно. Главное другое – на вас офицерский мундир, не срамите погоны, – задевает он святое.

– А вам точно нужно знать правду, Сергей Красенович?

Я смотрю на него и прикидываю возможный ход действий.

– Работа у меня такая – узнавать правду, – вздыхает он. – Вы умный человек, должны понимать, что я не с бухты-барухты затеял этот разговор.

– Разве я в чём-то прокололся?

– Теперь это так называется среди молодёжи? Не знал... Знаете, внешне вы всё тот же Гордеев, каким были до госпиталя, мать родная не отличит. И при этом путаетесь в собственном прошлом, не знаете элементарных вещей, а эта история с амнезией... Даже не смешно, Николай Михалыч. Звучит, конечно, правдоподобно, но до поры до времени, пока вами не займётся настоящий специалист. А у нас есть такие спецы, уж поверьте мне на слово.

– Верю...

Если станет совсем жарко, боюсь, подполковника придётся убрать, пусть он и вызывает у меня искреннюю симпатию. Нормальный мужик, но какого хрена ему вдруг понадобилось меня расколоть?! Что-то я не уверен, что выдержу гипноз или какие-нибудь магические штучки-дрючки, наверняка выложу всю подноготную. А если ликвидирую Николова, получается, что и вампира придётся грохнуть. А как иначе? Свидетели в таких делах не нужны. Понятия не имею, как справлюсь с обоими, тем более это не совсем люди, один так и вовсе упырь, но коль припрёт нужда...

И всё-таки в душе тлеет малюсенький огонёк надежды, что в лице Николова я могу найти себе нужного союзника. Одному мне эту долбаную войну не переиграть. Булавочными уколами победу из рук врага не вырву, нужна артиллерия более крупного калибра.

Открыться или нет? Вопрос круче гамлетовского. Как же я тебя понимаю, датский принц!

– Я могу подумать?

– Конечно. Нам ещё ехать и ехать.

Он отворачивается, заставляя меня сконцентрировать взгляд на его шее. Сдавить её или врезать ребром ладони по кадыку? Да мало ли интересных способов смертоубийства придумало человечество за века? Шофёра сниму выстрелом из револьвера; не слышал, правда, действует ли на вампиров серебро, но можно проверить. В конце концов, у меня есть магические шашка и трофейный вакидзаси, что-то да отправит на тот свет вольноопределяющегося. Но опять же, вампир

не вампир, но он наш русский солдат. Убив его и Николова, я нанесу ущерб стране. В общем, поступлю как распоследняя сволочь!

Эх, пропадай моя телега, все четыре колеса!

– Надумали? – словно читает мои мысли контрразведчик.

– Да, – решаюсь я. – Рискую показаться вам сумасшедшим, но... Я действительно не Гордеев.

– Так кто же вы?

– Позвольте представиться: старший лейтенант Алексей Петрович Шейнин.

– Лейтенант? Вы флотский? – недоумевает Николов.

– Нет, я выпускник Рязанского гвардейского высшего воздушно-десантного ордена Суворова дважды Краснознаменного командного училища имени генерала армии В. Ф. Маргелова.

Контрразведчик ошеломлённо хлопает глазами. Ну да, для него эта информация больше похожа на бред шизофреника – сплошной набор непонятных слов, голова идёт кругом.

Что поделывать, сам напросился.

– Забыл добавить, что училище я закончил в две тысячи двадцатом году. Командовал взводом во время операции российской армии в Сирии. Судя по всему, погиб в одном из боёв и непонятным для меня образом оказался в теле штабс-ротмистра Гордеева.

– То есть вы из будущего? – натянуто уточняет контрразведчик. Держится он на удивление хорошо.

– Не совсем. Скорее всего, из будущего другого мира, который во многих деталях похож на ваш. У нас тоже была война с японцами, разгром русского флота при Цусиме, сдача Порт-Артура...

На Николова страшно смотреть, его лицо покрывается красными пятнами.

– То есть это не предвидение?

– К несчастью, да.

– Что там произошло?

– Японцы потопили больше половины наших кораблей, остальные капитулировали или были интернированы в нейтральных портах, только четырём судам удалось вернуться в Россию...

– Вы шутите?!

– Ни в коем разе.

– Боже мой! – Николов обхватил голову руками. – Если всё произойдёт так, как вы описали, случится настоящая катастрофа! Надо что-то делать!

– Боюсь, уже поздно. Сомневаюсь, что адмирал Рожественский проскочит мимо японцев. К тому же вы сами знаете, как на флоте отнеслись к нашему предупреждению.

– А Порт-Артур? Почему мы его сдадим?

– Причин много, Сергей Красенович. Думаю, о многих вы уже догадываетесь. Но я надеюсь, что хотя бы с Порт-Артуром нам удастся изменить ход истории в лучшую сторону.

– Вы сказали, что ваш мир всё-таки не до конца похож на этот, – с надеждой произнёс Николов.

– Так и есть. В моём мире люди дерутся с людьми, у нас нет демонов, вампиров или тех же домовых. Во всяком случае, мы их не видели. Мы не знаем магии и во всём полагаемся на технический прогресс. Например, я служил в особом роде войск, который должен десантироваться в глубокий тыл неприятеля.

– Почему десант называется воздушным?

– Потому что нас доставляют по воздуху на самолётах или вертолётах.

– Простите, на чём?

– Самолёты у вас уже изобретены, а вертолёты придумают через несколько десятилетий. Я потом расскажу вам подробнее, что это такое.

– Какое ещё оружие есть у вас?

– Например, атомные бомбы, с помощью которых можно стирать с лица земли огромные территории. Первыми их применят американцы. САСШ.

– Кто?! – удивляется он.

Пока что САСШ, то есть Северо-Американские Соединенные Штаты не считаются могучей сверхдержавой, их золотое время наступит с Первой мировой.

– Да-да, именно они. Кстати, ударят бомбами по Японии. Это произойдёт в тысяча девятьсот сорок пятом году. Будут уничтожены два города – Хиросима и Нагасаки.

– У нас... то есть в вашей России тоже есть такие бомбы?

– Они появились чуть позже.

– Слава богу! – крестится он.

У меня для него ещё много новостей, но, боюсь, Николову будет сложно переварить всю эту бездну информации. Представляю, каким шоком станут для него известия о революциях, расстреле императора и его семьи, Первой мировой, Гражданской, Великой Отечественной, создание и распад Советского Союза... Да тут любая крыша набекрень съедет.

– Кто победит в этой войне? – задаёт контрразведчик самый важный для него на этот момент вопрос.

– В моей реальности войну выиграли японцы. Произойдёт это в будущем году.

Крайне сложно управляться со всеми этими временами то в прошлом, то в будущем, но пока мне удаётся.

– Позор! – гневно восклицает он.

К несчастью, далеко не последний, но об этом потом. Если он захочет меня выслушать, конечно.

– Знаете, мне очень тяжело чувствовать себя в чужом теле, – признаюсь я. – Как вы верно заметили, я сыплюсь буквально на мелочах. Можно ли мне каким-то образом совместить моё сознание с сознанием настоящего Гордеева?

– Не уверен, что вам это действительно нужно. Вы потеряете себя, вместо вас может сформироваться третья личность, и ещё неизвестно, какой она будет. Не удивлюсь, если вообще сойдёте с ума. Так что оставайтесь собой, Алексей Петрович, принимайте новое тело с его достоинствами и недостатками. И да... Вы ведь не зря так долго размышляли, стоит ли вам открыться... Наверняка собирались в случае чего ликвидировать нас с Кузьминым. Не спорьте, Алексей Петрович, вы профессионал, поэтому просчитывали все варианты, включая физическое устранение. Так вот, могу вас заверить: ваша тайна дальше меня не уйдёт, а я...

Договорить Николов не успел. Из придорожных кустов вылетела стрела и впиалась в шею шофёра.

Глава 17

Осиновая стрела ещё дрожит в шее Кузьмина, а кожа его и плоть сперва вокруг стрелы, а затем и далее, пузырятся и рассыпаются чёрным прахом, оставляя за рулём белоснежный скелет в форме Кузьмина. На Николова страшно смотреть: нет ничего хуже для офицера, чем потеря своего подчинённого. Даже на войне. Машина глохнет и останавливается. Испуганно ржёт моя коняшка и бьёт копытами, норовя сорваться с привязи. Что ж тебя так перепугало, милая?

Ответ не заставляет себя долго ждать. Трещи, расступаются кусты перед гигантским телом очередного демона. На нас лезет какая-то губошлёпая гигантская обезьяна, заросшая длинной густой чёрной шерстью – не то горилла-переросток, не то недоделанный Кинг-Конг. Хочется громко заорать «мама» или вдарить по гаду из «солнцепёка».

Обезьяница, глядя на нас с Николовым, ржёт так, что верхняя губища закрывает демону глаза. Демону-демону, не сомневайтесь: мой амулет вполне определённо реагирует на появление чудища.

Рву из кобуры наган. Ж-бах! Ж-бах! Ж-бах! Вижу, как серебряные пули попадают в тело недо-Кинг-Конга, но никакого вреда они ему не приносят. Он их, конечно, чувствует, потому что пытается отмахиваться, словно от жалящих ос, ревёт от ярости и кидается на нас с диким хохотом.

– Стреляйте, господин полковник! – ору я, продолжая жать на спусковой крючок нагана.

Демон уже в паре шагов от машины. А у меня в стволе последний патрон.

– Бесплезно, ротмистр! – кричит в ответ Николов. – Это Хихи! Единственный шанс его одолеть – рассмешить.

Николов проворно выпрыгивает из автомобиля, я – следом за ним. Демон с рёвом отбрасывает автомобиль с дороги. Теперь нас от чудовища отделяют всего несколько шагов.

– Что? Анекдот, что ли, ему рассказать? – спрашиваю я, гадая, куда лучше пустить последнюю пулю: в себя или в демона.

– А вы знаете японские анекдоты? Боюсь, наших он просто не поймёт, – мрачно отвечает Николов.

Горилла-переросток уже совсем рядом. С хохотом, леденящим душу, он пытается достать нас с контрразведчиком своими когтями. Уклоняемся просто чудом, и то только потому, что нас двое, и чудовище не решило, кого из нас уконтрапупить первым. Зубы демона щёлкают в опасной близости от моего лица, обдавая смрадным дыханием, маленькие красные глазки полны нечеловеческой ярости.

Была не была! Корчу рожи, стараясь выглядеть как можно уморительнее. Это не то, когти гигантской обезьяны распарывают мне китель всего в нескольких миллиметрах от кожи. Николову удаётся отвлечь монстра на себя, и тварь ненадолго оставляет меня в покое. Теперь уже несладко приходится контрразведчику, долго он не продержится. Монстр на удивление ловок, несмотря на приличные габариты и немаленькую массу. Да и силой его не обидели, вон как легко и просто скovyрнул с места наш автомобиль.

И как же мне рассмешить эту мартышку? Палец показать, что ли? Была у меня подруга во времена курсантской молодости, так та хохотала, стоило мне лишь открыть рот. Вот бы у них с этим демоном было бы много общего...

Пока что обезьян категорически не желал веселиться. Ему больше нравилось гонять бравого контрразведчика. Вот доберётся до него, а там и моя очередь. Кстати, есть ещё один важный момент: даже если я насмешу тварь, то от чего она помрёт? Со смеху, что ли, лопнет? А если у мохнатой скотины напрочь отбито чувство юмора? Ну почему я не Джим Керри с его резиновым лицом?!

Николов выбивается из сил, его лицо покраснело от напряжения. Хватит размышлять, пора что-то придумать. А если так? Пинаю обезьянищу в мохнатый зад, резко отскакиваю и корчу новую потешную физиономию – оттопыриваю пальцами уши и показываю язык. Хорошо, кроме Николова и твари никто меня больше не видит, а то позору – на весь мир...

Есть! Хихи хохочет, заливается, верхняя губа вновь закрывает демону глаза.

– Бейте! В лоб его! Да быстрее, чёрт вас дерит! – кричит контрразведчик.

Выхватываю трофейный вакидзаси, столь счастливо вернувшийся ко мне, и кидаю его, куда велено – в лоб демону. Не зря в училище я часами тренировался метать в цель всё что ни попадя: от сапёрной лопатки до штык-ножа. Лезвие вакидзаси с глухим стуком пробивает лобную кость недо-Кинг-Конгу. Смех Хихи обрывается на высокой ноте, словно монстр поперхнулся собственным хохотом. Гигантский губошлёп падает на спину и замирает мёртвой грудой.

Николов кидается к павшему демону, вырывает мой вакидзаси из головы чудовища и... перерезает ему горло. Хлещет фонтаном пылающе красная кровяца. Николов приникает к струе, жадно пьёт. Меня чуть не выворачивает от отвращения. Что он делает?

Полковник оборачивается ко мне, губы его в крови монструозной обезьяны.

– Ротмистр, пейте!

– Вы с ума сошли, Сергей Красенович?!

– Пейте, это приказ!

Посыл подполковника столь силён, что об отказе не может быть и речи. Перебарывая тошноту, приникаю к разрезу и глотаю, глотаю, с трудом проталкивая в желудок эту терпкую, солёную жидкость.

– Достаточно, – говорит контрразведчик.

С облегчением отхожу от чудовища, утирая испачканный рот тыльной стороной ладони.

– Ну и зачем мы тут вампирили?

Николов достаёт платок, вытирает им испачканный в демонской крови рот. Точно, у меня же тоже где-то в кармане имеется. Шарю по карманам, извлекаю платок с монограммой «Н. Г.», привожу себя в порядок.

– Японцы считают, что если человек напьётся крови Хихи, то сможет видеть демонов и духов без всяких специальных амулетов.

Да? Ну-с, проверим. Смотрю на Николова. Обычный подполковник контрразведки, ничего в нём не изменилось. Прищуриваюсь одним глазом, другим... Ничего не меняется.

Сергей Красенович усмехается.

– Николай Михалыч, во мне ничего демонического нет. Обычный человек. Как и вы.

– Давайте посмотримся, – предлагаю контрразведчику. – В Кузьмина откуда-то стреляли, а демон выперся на нас с голыми

лапами.

– Полагаете, у него был сообщник?

Киваю утвердительно. Не похож этот урод на стрелка из лука, так что был кто-то ещё, стопудово был.

Отвязываю своего перепуганного конька от перевёрнутого автомобиля. Слава богу, мой четвероногий друг не пострадал от Хихи, хотя напугался сильно: вон как дрожит даже от моих прикосновений.

– Ничего, родненький, ничего. Тебе больше нечего бояться. Если кто-то на тебя нападёт – беги.

Взгляд у коняшки умный, как будто всё понимает, только сказать не может.

– Николай Михалыч! – кличет контрразведчик.

– Иду!

Мы с подполковником лезем в кусты. Поиски недолги, сразу за кустами находим и место засады – трава притоптана. Судя по следам, кроме обезьяны-хохотунчика тут был и кто-то ещё, более человеческих размеров. Ну, судя по следам обуви. Но ни лука, ни арбалета, ни других осиновых или ещё каких стрел не видно.

Следы ведут вглубь леса. Что, увидел, как мы сделали демона, и смылся, пока не взяли за одно место? Даже не знаю, что сделаю с тобой за смерть Кузьмина, но обязательно придумаю. Одно плохо – мы с Николовым сейчас не в том состоянии, чтобы преследовать ушедшего засадника, да и темно для поисков в лесу.

Выбираемся обратно на дорогу. Опаньки, а это ещё что за шутки? На месте гориллы-переростка лежит тот самый тайи, которого я со своими парнями взял «языком» в нашем первом рейде. Тот самый, чьё самоубийство с помощью вакидзаси чуть было не повесил на меня этот придурок Дзатоев.

– Какого хрена?! – озадаченно чешу я затылок.

Может, это брат-близнец покойного? Или для меня все японцы на одно лицо? Хотя нет, мы ж столько на своём горбу этого офицера пёрли, я его хорошенько запомнил. Короче, дело ясное, что дело тёмное.

– Николай Михалыч, не стойте столбом, – окликает меня Николов. – Лучше помогите.

– Да-да...

Бросаю последний взгляд на мертвеца. Вдвоём с Николовым мы кое-как, с натугой ставим наш автомобиль на все четыре колеса. Кручу кривую рукоятку стартера в попытках завести мотор. Да, тут техническому прогрессу ещё трудиться и трудиться, чтобы довести автомобилестроение до технологий хотя бы более или менее мне привычных. По лицу с непривычки стекает обильный пот, рука чуть ли не отваливается, и всё-таки кручу-верчу, обма... то есть завести хочу.

Двигатель несколько раз чихает, но никак не хочет схватываться. Пытаюсь вспомнить, как дед возился со своими старенькими «жигулями». Может, свечи залило? Открываю капот. Тот ещё трабл оказался. А нет свечей. Вернее, стартер, который я крутил кривой рукояткой, и есть своеобразная свеча. Ну, тогда карбюратор... Так и есть. Карбюратор подзалило. Уже легче, теперь хоть понятно, что делать. Прочищаю его, кручу рукоятку – есть, двигатель схватился, и затарахтело.

– Стесняюсь спросить, господин штабс-ротмистр, – вклинивается контрразведчик, – в том вашем будущем мире, откуда вы к нам попали, автомобильная промышленность далеко шагнула?

– Очень. – Не стоит вдаваться в подробности, иначе расспросы затянутся. Да и как объяснить, что ведутся работы по созданию беспилотных автомобилей? – Но в целом всё то же – четыре колеса, руль, двигатель...

– Справитесь с управлением?

– Надеюсь.

Грузим на заднее сиденье останки бедолаги-вампира и демона-тайи. Николов снимает фуражку и трижды осеняет себя крестом, я повторяю за ним.

– Эх, Кузьмин, Кузьмин! Не уберёг я тебя! Прости меня, грешного! – с горечью произносит подполковник. Губы его дрожат. В глазах сожаление.

– Царствие небесное, – вздыхаю я.

Эх, война... Не знаю, куда после смерти обычно попадают вампиры, но русские вампиры должны быть там же, где и остальные наши герои-солдаты.

– Надо будет отписать его родственникам.

Николов надевает фуражку и становится прежним – спокойным и деловитым. Его спокойствие передаётся и мне.

Снова привязываю своего скакуна к машине, занимаю место за рулём, Николов рядом. Трогаю с места. Стараюсь сильно не разгоняться: управляться с этим допотопным механизмом непросто. Один руль без гидроусилителя чего стоит.

Только вампир может крутить эту баранку с утра и до вечера.

– Господин подполковник, – решаюсь спросить я, – как вышло, что японец, – киваю на труп своего бывшего «языка» с перерезанным горлом, – обернулся демоном? Ведь когда мы взяли его в плен, мой амулет на него никак не среагировал.

– Полагаю, после его самоубийства был проведён соответствующий ритуал, дабы душа вашего пленника превратилась в Хихи и изменила тело японца, – спокойно отвечает Николов.

– Кем проведён? – удивляюсь я.

– Японцами, кем же ещё? – приходит черёд удивляться контрразведчику.

Дела... Некоторое время рулю нашей колымагой, чудом местного технического прогресса, и пытаюсь свести концы с концами в рассказе Николова.

– То есть японские агенты у нас под носом сперва подкинули пленнику мой вакидзаси, чтобы он себе кишки выпустил, а потом выкрали его тело и совершили ритуал по превращению свежего покойника в демона? – излагаю логическую цепочку я.

Николов тяжело вздыхает.

– Именно так. Пока Дзатоев искал в вас японского шпиона, настоящие вражеские агенты ловко действовали у него под самым носом.

Офигеть. Я и не думал, что тут всё так запущено. Хотя если учесть, что в моей реальности этот матч с японцами продули с разгромным счётом, всё и правда запущено.

– Сергей Красенович, а откуда вы столь осведомлены о японской нечисти?

– В молодости я провёл некоторое время в Японии. Готовил визит туда цесаревича Николая Александровича. Ну и... нахватался.

Пускаться в детали он категорически не желает. Оно и понятно, наверняка многое до сих пор под грифом «совершенно секретно».

Въезжаем в городок, где разместился штаб армии. Тарахтим по улочкам. Николов подсказывает, куда сворачивать.

Неприятности и не думают заканчиваться. Не успели подъехать, как к Николу подбежал молоденький поручик, откозырял и пошёл сыпать новостями.

В глубоком тылу взлетел на воздух склад с боеприпасами и оружием. На железной дороге китайские бандиты-хунхузы напали на поезд, постреляли охрану и подожгли вагоны с боеприпасами и медикаментами, а у пушек, перевозившихся на платформах, сбили и повредили оружейные замки – прямо симметричный ответ на рейд моего разведотряда. И как вишенка на тортике, в офицерском борделе пятеро молодых, но уже в достаточно высоких чинах офицеров устроили резню между собой. То ли перепили, то ли не поделили шлях, то ли всё вместе. В завязавшейся перестрелке-междусобойчике не выжил никто.

Вижу, как Николов мрачнеет прямо на глазах. Поворачивается ко мне.

– Николай Михалыч, составите компанию? Надо как-то разобраться со всей этой чертовщиной.

– Охотно, Сергей Красенович. С которой из чертовщин начнём? Со склада, с железной дороги или с борделя?

– С той, что ближе.

Ага, значит, пойдём с подполковником по бабам. Мой предшественник в этом теле в местных гнездилищах разврата бывал, а у меня опыта на сей счёт пока никакого. Да и в прошлой своей жизни Лёха Шейнин как-то обходился без жриц платной любви. Ладно, разберёмся по ходу дела.

Николов отдаёт поручику распоряжения: останки Хихи и невезучего вампира Кузьмина – в морг. Пока наше авто освобождают от бранных останков, Николов нервно курит папиросу. Я занимаюсь кормлением и поением своего скакуна, благо возле коновязи имеются и копна сена, и выдолбленная в бревне поилка.

Автомобиль готов к дальнейшим приключениям. Своего четвероногого друга и соратника с погонялом Валет – да-да, именно так зовут моё персональное здешнее средство передвижения и боевого товарища мощностью ровно в одну лошадиную силу – оставляю отъедаться и отпиваться у коновязи.

Я снова за рулём. Пылим по указаниям подполковника к месту происшествия. Надо сказать, китайцы к продажной любви относятся с

большим энтузиазмом, в городке целый квартал «весенних домов». Есть и высокоранговые с певичками и танцовщицами, есть и заведения попроще с «государственными проститутками», персонал для которых набирался из проданных за долги жён, сестёр и дочерей должников, в подавляющем большинстве крестьянского сословия.

Понятно, что покойные гвардейцы избрали для своих утех самое лучшее заведение городка. Останавливаемся у ворот большого двухэтажного особняка с вывеской из иероглифов, вдоль второго этажа – длинный балкон-терраса с затейливыми резными колоннами. У дверей вытянулся часовой с винтовкой с примкнутым штыком. Ага, охраняет место совершения преступления.

При виде нас часовой тянется во фрунт.

– Вольно, – командует Николов.

Входим внутрь. Теперь понятно, почему особняк такой большой, – во внутреннем дворе искусно разбит садик с кривыми деревцами, альпийскими горками из камней и небольшим прудом с золотыми рыбками. В садике нас ждёт богато одетая китаянка неопределённого возраста: на ней столько белил и румян, что лицо больше похоже на театральную маску, нежели на живого человека. На вид ей может быть и двадцать лет, и все двести.

Китаянка низко кланяется, сложив руки на груди.

– Сяо Вэй, недостойная хозяйка этого «весеннего дома».

По-русски она говорит с сильным акцентом, но всё же довольно неплохо.

– Подполковник Николов, военная контрразведка.

– Готова ответить на все вопросы господ русских офицеров.

Голос хозяйки борделя дрожит, и по нему видно, что местная «мадам» сильно напугана. Интересно чем: чувствует свою вину, боится контрразведки или случилось нечто из ряда вон выходящее? Плохо, что метровый слой «штукатурки» не позволяет увидеть эмоции, приходится полагаться только на её голос.

– Для начала покажите, где всё произошло, – сухо говорит Николов.

Сяо Вэй с очередным поклоном показывает в сторону одной из дверей во внутренние помещения борделя.

– Прошу за мной.

Входим в помещение, и я чувствую, как волосы встают дыбом под фуражкой.

Глава 18

Война приучила меня к виду крови и смерти: сколько раз боевые товарищи и враги погибали у меня на глазах! Я видел оторванные конечности, обезглавленное туловище, выпадающие кишки из распоротого живота, но зрелище, представшее в одной из комнат борделя, затмевало всё, чему мне приходилось быть свидетелем. Боюсь, оно часто будет сниться мне в ночных кошмарах.

Трижды осенью себя крестом и слышу, как Николов тоже крестится и бормочет про себя: «свят, свят, свят».

А ужаснуться есть с чего. Мёртвые тела русских офицеров лежат сплошным ковром, их так много, что я даже не берусь сосчитать. Трупы страшно обезображены: у кого-то нет глаз или ушей, кто-то впился в плоть соседа и замер в такой позе навечно, кто-то сам разодрал себе лицо, оставив глубокие борозды, есть даже те, кого буквально вывернуло наизнанку. То тут, то там рваные куски мяса с отпечатками зубов.

И всюду кровь, тонны крови... Её так много, что кажется, будто пол, потолок и стены выкрашены в тёмно-бордовый цвет. Я будто попал на скотобойню: везде мёртвая плоть, сделать шаг и то невозможно – пол скользкий как каток. Вот только в качестве скота тут были люди, и эти люди убивали друг друга и самих себя.

Полным-полно пустых бутылок, от дорогого «Мадам Клико» до какой-то китайской бурды. Трубки с опиумом, кокаиновые дорожки на столешницах, шприцы – готов поставить что угодно на спор, в них был морфий. Приторный запах спёкшейся крови и сладковатый аромат начавшегося трупного разложения, жужжание полчищ насекомых, облепивших тела, неприятная, давящая атмосфера.

Что там я, даже у Николова всю дёргаются глаза и сводит скулы.

– Боже мой, это же... Оболенский, Шувалов, Шереметев... Цвет нашей аристократии... – вырывается у контрразведчика.

Он подносит к носу платок. Догадываюсь, что, как у человека опытного, платок Николова чем-то надушен, – хороший способ отбить неприятный запах. У меня такого нет: не знал, что пригодится.

– Я увидел всё, что хотел, – кивает офицер.

Мы выходим из комнаты. Фарфоровое личико Сяо Вэй стало ещё бледнее. Женщину трясёт.

Николов испепеляет её взглядом.

– Что здесь произошло?

– Я не знаю, как вам объяснить... – делает большие оленьи глаза Сяо Вэй.

На кого-то при иных обстоятельствах это, может, и подействовало бы, но только не сейчас и не на нас. Перед глазами всё ещё стоит картинка с мёртвыми телами.

– И всё-таки вам придётся это сделать, иначе я буду вынужден арестовать вас, – сурово цедит сквозь зубы подполковник.

– Мне уже всё равно. После этого, – кивает она на комнату, – ко мне больше никто не придёт. Я разорена.

– Тем более вы должны отомстить тому, кто это сотворил... Итак, будем говорить здесь или у нас в контрразведке? Только я не обещаю, что тогда вы вернётесь назад...

– Здесь, – решается хозяйка борделя.

– Что ж, мы вас слушаем.

– Ко мне часто приходят господа русские офицеры. Они знают, что у меня тут уютно, а мои девочки – самые красивые. – Она смотрит на меня. – Кажется, вы, господин, тоже здесь бывали.

– Возможно, – не спорю я.

По меркам этого времени визит в публичный дом – не криминал, тем более на войне, когда ты оторван от жены и дома. А у Гордеева нет ни законной супруги, ни, похоже, невесты. Другое дело, как они не боятся «намотать себе на винт»: до открытия антибиотиков ещё далеко, а методы лечения венерических заболеваний кажутся настоящим варварством. Хотя... Если тут водятся лешие и домовые, может, есть и свои, специфические способы лечения. Сводила же мне в детстве моя бабушка бородавки всякими нашёптываниями, а тут колдунство куда могучей.

– Не отвлекайтесь, – напоминает Николов.

– Да-да... Сегодня тоже всё было как обычно. Господа офицеры собрались в большой зале, мои девочки принесли им вина, кто-то попросил опиум... Это же не возбраняется?

– Не возбраняется, – сквозь зубы произнёс Николов.

Увы, в России того времени даже кокаин продавался прямо в аптеках и стоил сорок копеек за грамм. Самым лучшим считался кокаин немецкой фирмы Merck, его фасовали в коричневые стеклянные баночки. Светские дамы таскали наркотик в пудреницах, были даже ювелиры, которые специализировались на таких предметах дамского обихода. Раненым солдатам и офицерам в качестве обезболивающего давали морфий. Многие потом на него подсаживались.

– Я села играть на рояле: хорошая музыка всегда создаёт нужное настроение, – продолжила Сяо Вэй. – Внезапно что-то произошло, я даже не поняла, в какой миг, потому что была поглощена игрой. Это было какое-то безумие! Господа русские офицеры перепились, нанюхались кокаина, накурились опиума, а дальше в них словно вселился бес, они были словно опоенные – рвали друг друга зубами и ногтями. Я попыталась взывать к ним, но это не подействовало. Тогда мы с девочками выскочили из помещения, заперли его с этой стороны и позвали за помощью...

– Всё?

– Мне больше нечего добавить.

– Наверное, нужен химик, – говорю я. – Надо проверить, что жертвы пили: вдруг в алкоголь подмешана какая-то дрянь? Ну, и неплохо было бы провести химический анализ всей этой дряни: морфия, кокаина, гашиша...

– У меня первоклассный товар! – обиженно восклицает хозяйка борделя. – Я знаю толк не только в девочках.

– Тогда переговорим с девочками, – решает Николов. – Может, они знают, с чего всё началось.

Приказ контрразведчика восторга у женщины не вызывает, однако спорить Сяо Вэй не решается.

– Сейчас я их позову, – сообщает она и, раскланявшись, идёт созывать своих подопечных.

Допрашиваем весь «цветник» скопом, рассадив красоток на диванчики. Сами с Николовым занимаем центральные места напротив – по его приказу нам приносят лёгкие плетёные стулья.

Жриц любви полтора десятка. Все такие же набелённые и раскрашенные, как их «мадам», с фигурками тоненькими, словно

тростинки, роскошные длиннополые халаты отливают золотом. Как говорится, дорого и богато...

Мне их белоснежные личики с красными щёчками и густо подведёнными бровями кажутся масками, а сами девушки будто на одно лицо. Да, симпатичное, где-то даже красивое, но неестественное и потому малопритягательное. Смыть бы с них штукатурку. Хотя... Неизвестно, какие крокодилы скрываются под ней на самом деле, так что ну его, хватит с меня ужасов в большой комнате.

Почти все девицы сносно балакают по-нашему: заведение специализируется на русских клиентах. Это облегчает допрос, можно обойтись без переводчиков. Правда, очень забавно, когда они путаются в словах, делают неправильные ударения или не могут выговорить какие-то гласные, но, думаю, начни я шпарить на китайском, девицы бы просто в лёжку легли от хохота.

Отвечают они под копирку. Пришли господа офицеры, выбрали себе спутниц на время, но, прежде чем разойтись по «номерам», решили усладить свой слух музыкой. Ну и перед основным действием приняли дозы горячительного, нюхнули порошок или ширнулись морфием. Вроде всё шло как обычно: клиенты трогали девушек за интимные места, те довольно пищали, вино лилось рекой, наркота сыпалась на пол... А вот потом... Глаза русских загорелись красным огнём, они обезумели, забыли про девушек и накинулись друг на друга. Почему это произошло, никто даже представить себе не мог.

– Это какой-то кошмар! – щебечет совсем миниатюрная китаяночка с пышной причёской на голове и слегка вздёрнутым носиком.

Она представилась как Джу, что в переводе означает «хризантема». Настоящее это имя или «творческий» псевдоним, девушка не уточнила. Я довольно равнодушен к восточному типу красоты, но в Джу что-то есть, правда, пока не могу понять, что именно. На мой вкус она слишком уж субтильная: тронешь – переломится пополам. Ну и приятные выпуклости подкачали: можно сказать, что их нет. А кукольным личиком меня не проймёшь.

И тем не менее при взгляде на неё кровь в жилах если не вскипает, то становится горячей на несколько градусов. Ловлю себя на мысли, что не прочь покувыркаться с Хризантемочкой в кровати, и тут же одёргиваю себя: какого хрена, товарищ штабс-ротмистр, за стеной

лежат разорванные в клочья русские офицеры, твои боевые товарищи, а ты тут слюной исходишь на сомнительные прелести китайской проститутки! Неужели всему виной то, что я уже несколько дней не видел Ли Юаньфэн, не касался её упругого тела, не целовал её шёлковые губы?

– Ротмистр, с вами всё в порядке? – удивлённо спрашивает Николов.

– Виноват.

Он качает головой, но больше ничего не говорит, а я начинаю анализировать нахлынувший на меня приступ желания. Амулет не реагирует, то есть вроде бы с Джу всё в порядке. Наверное, просто накачана по уши сексапиллом, вот я так на неё и реагирую. Есть женщины, просто заряженные феромонами, мужики летят на них, как мотыльки на огонёк. Наверное, Джу из таких. Она меня не соблазняет, глазками не стреляет, бедро не показывает, говорит мало, но по делу, да и голос без тревожащей хрипотцы, скорее даже писклявенький.

Внешность как внешность, ничего, как я уже говорил, выдающегося, причём в прямом смысле слова. Лицо в белилах, шея тоже... Хотя стоп! Кажется мне это или нет, но иногда сквозь толстый слой «шпатлёвки» на тонкой шейке проступают большие красные пятна, иногда они охватывают её целиком. Блин, а может, она заразная? Мало ли какую заразу можно подхватить, пропуская через себя по несколько клиентов за ночь... Меня аж передёргивает от этой мысли.

– Да что это такое с вами, Николай Михалыч? – опять не выдерживает контрразведчик.

Говорить о таких вещах при дамах не принято, однако я всё-таки склоняюсь над ухом Николова и шепчу, что девочка-то, похоже, больна: вон вся шея в пятнах, как у леопарда.

– Какого цвета, говорите, эти пятна? – напрягается Николов.

– Красные.

Он натянуто улыбается.

– Спасибо, девушки. Допрос окончен.

Проститутки поднимаются, начинают расползаться по комнатам.

– Джу, – зовёт контрразведчик.

Девушка замирает.

– Останьтесь, пожалуйста. Мне надо задать вам ещё пару вопросов.

– Холосё, – кивает она. – Как пликажете, господин офицел.

В комнате не остаётся никого, кроме нас троих. Я решительно не понимаю, зачем Николову понадобилась эта девка. Если она и впрямь больна, лучше держаться от неё как можно дальше и вызвать врача. Быть может, подполковник специально хочет сказать ей об этом...

– Сто вы хотели от меня узнать? – спрашивает девушка.

– Выпьете с нами? – удивляет меня начальник.

– Охотно, – кивает Джу.

– Что предпочитаете: шампанское, вино или лампадное масло?

Проститутка удивлённо мигает.

– Не понимаю вас, господин.

– Ты всё прекрасно понимаешь, рокурокуби! – кричит Николов. – Ротмистр, доставайте вашу шашку!

Не понимая, что к чему, я всё равно выполняю приказ старшего – выдергиваю заговорённый клинок из ножен.

С Джу происходит что-то странное: её шея удлиняется чуть ли не на метр, сквозь приоткрытые губы проступают острые волчьи клыки. Они клацают перед моим носом, я едва успеваю отшатнуться.

– Рубите шею!

Легче сказать, чем сделать. Демон проявляет чудеса проворности. Его голова действует не хуже тридцатитонного ядра – бабы, предназначенной для сноса зданий. Один удар – и мы с Николовым разлетаемся в разные углы комнаты. Подполковнику всё же удаётся разок задеть тварь саблей, но та со звоном отскакивает от рокурокуби, будто чудовище целиком сделано из металла.

Хватаю свой стул и запускаю его в демона. Плетёная конструкция разлетается в щепки. Тварь разворачивается в мою сторону, шея летит вперёд подобно кобре. Бью шашкой, но неудачно: в шею не попадаю, а «башня» у твари, как у танка, только отбиваю руку.

Бах! Ба-бах! Николов дважды разряжает в демона револьвер. Пули вышибают снопы искр, не причиняя Джу вреда. Она снова мотает башкой, а параллельно умудряется свалить меня на пол простой подсечкой.

Прыжком встаю на ноги, чувствую в себе кураж. Врёшь, демоница, не возмёмшь! Откуда только просыпается умение

фланкировать шашкой, не иначе вновь пробудился настоящий хозяин тела. Клинок мелькает с бешеной скоростью, а я всё увеличиваю и увеличиваю темп. Ещё немного – и передо мной возникает своеобразный щит. Джу ошалело пытается его пробить и каждый раз получает отпор.

Всё, что мне нужно, – удобный момент. И вот он настает. С хэканьем опускаю клинок на её длинную, лишённую всякого изящества шею, вкладывая в удар все силы, всю злость и ненависть, что успел накопить, мщу за погубленные тварью жизни русских офицеров. Теперь шашка не встречает сопротивления и погружается в плоть Джу как в масло. Женская головка отделяется от туловища и с грохотом падает на пол, подпрыгивает несколько раз и замирает. Взгляд демона заволакивает пеленой, глаза становятся стеклянными.

– Николай Михалыч, сегодня вы превзошли сами себя! – восклицает Николов. – Если бы не вы, это был бы наш последний день.

– Я даже не представляю, как вы с этим живёте, – вздыхаю я.

– Не просто живём, а сражаемся насмерть.

– Почему амулет не среагировал?

– Демоны вроде рокурокуби умеют обманывать не только людей, но и амулеты. Так что теперь вам придётся полагаться не только на него, но и на магическое зрение, которое вам подарила кровь Хихи.

Меня аж передёргивает от неприятных воспоминаний.

– Надеюсь, чего-то другого она мне не подарила?

– За своё здоровье можете не волноваться. Ну и коли ваше магическое зрение помогло нам разоблачить опасного демона, давайте-ка проверим остальных девиц. Кто знает, может, среди них затесалась ещё парочка-другая демонов?

Звать Сяо Вэй не приходится, она прибегает сама, перепуганная насмерть, и застывает в проходе.

– Что скажете насчёт мадам, Николай Михалыч?

– Мадам как мадам, – оглашаю я вердикт.

– Уже лучше, – облегчённо вздыхает подполковник и обращается к хозяйке борделя: – Госпожа Сяо Вэй, потрудитесь, пожалуйста, снова собрать здесь весь ваш персонал. Я имею в виду не только девочек, а вообще всех, кто у вас работает.

Вместе с охраной, садовником, поварами и прочей прислугой набирается человек тридцать. Внимательно обхожу каждого, разве что в рот не заглядываю.

– Чист, чист, чист...

Пройдя вдоль всей цепочки, сообщаю:

– Демонов среди них нет.

– Что ж, дамы и господа, вопросов к вам больше не имею. Только к вашей хозяйке. Мадам Сяо Вэй, потрудитесь объяснить, как это вы умудрились взять на работу японского демона?!

Женщине становится плохо. Усаживаем её на стул, слуга приносит воды и какие-то таблетки. Выпив их, Сяо Вэй пускается в путаные объяснения.

– Вы ведь сами видели Джу... Разве она похожа на японку?

Подполковник кивает. Ободрённая этим хозяйка борделя продолжает рассказ.

– Вот и я решила, что это обычная китайка. Времена сейчас такие, что многие девушки не прочь заработать своим телом на жизнь. До этого дня у меня к Джу не было ни малейших нареканий, а клиенты её очень любили.

– Откуда она у вас?

– Её привели мои знакомые... с той стороны фронта.

– Хунхузы? – сверлит её взглядом Николов.

– Да. Они были очень настойчивы, когда просили меня устроить судьбу Джу. Я всего лишь выполнила их просьбу.

Моё сердце ёкает, когда она говорит о хунхузах. Я перебиваю Николова, прежде чем он хочет задать новый вопрос:

– Скажите, а это случайно были не люди Ли Цао?

– Что вы, господин офицер! Все знает, что Ли Цао ненавидит японцев. Это были другие хунхузы, которые с ним никак не связаны.

– Хорошо, – кивает подполковник. – У меня на сегодня ещё много дел. Скоро сюда придут для разбирательства жандармы, они решат, что делать с вами и вашим заведением. А нам, Николай Михалыч, пора в другое место – расследовать нападение на поезд.

С огромным облегчением выхожу вместе с Николовым из борделя. Только на улице понимаю, что могу теперь дышать полной грудью.

– Так и живём, Николай Михалыч, – говорит Николов. – Так и живём...

Глава 19

Кажется, у меня личный рекорд в этом мире: впервые я несколько часов не вылезая из-за руля местного чуда инженерной мысли – николовского служебного автомобиля. Не скажу, что получаю удовольствие, устаёт всё что можно: руки, спина, ноги, глаза. Хлеб шофёра этого времени зарабатывается тяжким трудом.

Мы выезжаем из города, пылим по просёлку вдоль железнодорожного полотна к месту нападения на наш воинский эшелон. До сих пор не по себе от пережитого в борделе Сяо Вэй.

Николов, словно читает мои мысли.

– Николай Михалыч, вы как?

Честно признаюсь, что до сих пор мурашки по коже.

Николов достаёт из кармана фляжку, протягивает мне.

– Глотните. Может, полегчает.

Принюхиваюсь. Что-то явно спиртное.

– Господин подполковник, я ж за рулём... Николов удивляется:

– А при чём тут это?

У них что, можно пить за рулём? Хотя когда автомобиль – роскошь, а не средство передвижения... Да и гаишников я тут до сих пор ни одного не видел.

– У нас водителям запрещено пить за рулём. Дорожная полиция строго следит, чтобы это правило соблюдалось.

– Ну, стопочка-другая не сильно ослабит внимание водителя. Да и выветрится быстро.

Ну да, с местными скоростями и открытыми кабинами, когда водила и под ветром, и под дождём, и под снегом...

– У нас большинство машин с закрытыми салонами. А на скорости под сто километров в час даже небольшое рассеяние внимания способно привести к смертельной катастрофе, – делюсь с Николовым.

Подполковник удивлён:

– Сто километров в час? Сколько это будет в верстах?

Хорошо хоть не надо объяснять, что такое метрическая система.

– Больше девяноста.

- С ума сойти! Это же какая-то фантастическая скорость...
- Некоторые гоняют ещё быстрее. В полтора-два раза.
- Сложно даже представить себе.

Пожалуй, про реактивную авиацию и космос я подполковнику пока не буду рассказывать, дабы совсем уж не шокировать Николова.

Господи, мало мне было увиденного и пережитого у Сяо Вэй в «весеннем доме». Разбитые и обгоревшие вагоны, лежащие вокруг трупы часовых. Место событий взято под охрану и оцеплено солдатушками бравыми ребятушками под командой пехотного штабс-капитана. Завидев машину, он сам подбегает к нам и берёт под козырёк. Военная контрразведка – это вам не хухры-мухры.

Николов кратко переговаривает с ним. Оказывается, высокое армейское и железнодорожное начальство тут уже побывало, огляделось и отбыло восвояси. Ну хоть какие-то хорошие новости! Стало быть, нам с подполковником никто не будет мешать работать.

У насыпи пара запряжённых быками повозок, на которые китайские кули под присмотром усатого унтера аккуратно сгружают тела погибших. Мы с Николовым буквально роём землю: следы на земле, стреляные гильзы.

Подполковник выпрямляется и закуривает папироску, выщелкнутую из портсигара.

- Это были хунхузы.
- Почему вы так решили? – удивляюсь я.
- Кони подкованы на китайский манер, – объясняет офицер мне, как первоклашке. Судя по виду Николова, он с этим согласен.

Что-то не вяжется у меня в голове с этой версией.

– Сергей Красенович, но ведь гильзы исключительно от японских «арисак»... Есть несколько от наших трёхлинеек, значит, часовые всё же успели сделать несколько выстрелов по напавшему неприятелю. Неужели все хунхузы поголовно были вооружены японскими винтовками?

– Не вижу противоречия, Николай Михалыч. Японцы активно используют китайских бандитов, настроенных против нас, и не жалеют денег, чтобы вооружить их своим оружием, – говорит Николов.

Мне что-то слышится в кустах недалеко от паровоза. Станный жалобный звук на самой границе слышимости.

- Господин подполковник, вы слышите?

Николов прислушивается.

– Да, определённо, какой-то звук в тех зарослях. Давайте проверим.

Достаём револьверы и аккуратно раздвигаем кусты. Там залитый кровью седой мужчина в промасленной куртке. Он еле слышно стонет, воздух с хриплым бульканьем вырывается сквозь сомкнутые губы.

Железнодорожник открывает глаза, его мутный поначалу взгляд при виде нас с Николовым несколько проясняется.

– С-свои... – шепчет он.

– Свои, свои, – успокаиваю раненого. – Ты-то сам кто?

– Букреев Василий Трофимыч, помощник машиниста.

– Куда тебе прилетело?

– В голову...

– Потерпи, я тебя сейчас осмотрю.

Внимательно осматриваю залитые кровью седины Букреева. В рубашке мужик родился: пуля только скользнула по черепу, содрал клочок кожи с волосами. Крови потерял много, но кровотечение остановилось, и большого риска для жизни нет, разве что местная антисанитария. Отделался контузией.

– Сергей Красенович, далеко ли ваша фляжка с волшебным напитком?

Николов протягивает мне флягу. Подношу её к губам Букреева, тот делает глоток, ещё один, и ещё... Крякает.

– Эх... хороша, зараза...

Букреев розовеет и оживает на глазах. Бог с ним, с рулём, надо попробовать, что же там такое волшебное во фляжке у контрразведчика.

Прикладываюсь, делаю глоток.

Эх-м-м-а-а!!! От же ж зараза какая – духовитая, крепкая, ароматная! Такого мне даже в прежней жизни пить не приходилось, хотя Лёха Шейнин был не дурак до разнообразных алкогольных экспериментов.

– Что это, господин подполковник? – еле выталкиваю из себя слова, в которых вязнет мой собственный язык.

– Это ракия, ротмистр. Хорошая болгарская ракия.

Ох же ж... Надо отдышаться, а потом поинтересоваться у господина подполковника: нельзя ли мне из его запасов такую же

фляжечку вкусную для особых случаев по снятию стресса?

Поднимаем с Николовым Букреева и вместе с ним выбираемся из кустов. Пока ведём, помощник машиниста несколько сумбурно рассказывает о нападении. Они увидели красный сигнал семафора и начали экстренное торможение – сработали на рефлексах. И тут их обстреляли. Машиниста убило почти сразу. Сам Букреев получил удар в голову и потерял сознание. Видимо, он выпал из кабины паровоза, и нападавшие просто не обратили на него внимания, сочтя за покойника. А он уже потом, придя в себя, смог заползти в кусты и там снова лишился сознания.

– Только ведь, господа хорошие, – лепечет Букреев, – никакого семафора тут отродясь не бывало. Никак дьявольское наваждение.

Переглядываемся с Николовым.

– Можете показать, любезный, где этот семафор наблюдался?

Букреев тычет рукой чуть подалее по насыпи. Семафора там и правда нет, но... Смутно знакомые ощущения демонической ауры, почти такой же, как та, что совсем недавно мы видели с Николовым во время схватки с рокурокуби в борделе Сяо Вэй.

Николов тоже всматривается в следы ауры и соглашается с моими выводами:

– Видимо, рокурокуби поднял на нужную высоту красный фонарь, а поездная бригада приняла его за останавливающий сигнал семафора.

– Это могла быть упокоенная нами Джу, Сергей Красенович?

Николов размышляет несколько мгновений, затем отрицательно мотает головой.

– Вряд ли. Демоны многое умеют, но раздваиваться не могут даже они. Нападение на состав произошло перед бойней в борделе. Где-то за пятнадцать-двадцать минут. При всех её нечеловеческих качествах Джу просто не успела бы добраться отсюда до заведения Сяо Вэй. Эта или этот рокурокуби был вместе с нападавшими на состав.

По следам видно, что в том месте, где машинисты увидели красный семафор, стояли несколько человек.

– У китайцев есть что-то подобное рокурокуби?

Николов ворошит свою память, отрицательно мотает головой.

– Нет. Это исключительно японский продукт.

– Неужели хунхузы потерпели бы в своих рядах постороннюю женщину-демона?

– Николай Михалыч, уверяю вас, рокурокуби бывают не только женщинами, но и мужчинами.

Передаём раненого помощника машиниста на попечение усатого унтера. А нас опять ждёт скверная местная дорога и трясущийся на каждом ухабе автомобиль.

До сгоревшего склада с боеприпасами и зимним обмундированием добираемся где-то за полчаса. По пути ещё раз выпрашиваю у подполковника фляжку с чудодейственным напитком.

– А как же запреты вашего мира? – смеётся он.

Ракия вышибает из меня весь стресс, и прав оказался Николов: опьянения не остаётся, так что процессу управления автомобилем выпитое у железной дороги никак не мешает.

От склада остались рожки да ножки – обломки брёвен взрыв разметал во все стороны. Что не сделала взрывчатка, довершил огонь. Чёрные сплавленные груды, бывшие когда-то зимними шинелями, сапогами, портянками и прочим обмундированием, дымятся до сих пор.

– Погибло имущества на стрелковую дивизию, – докладывает Николову немолодой полноватый подполковник Селиверстов, начальник погибшего склада.

Слушаю внимательно, но сам в разговор не лезу. Пусть Николов работает. Он всё-таки профи, Шерлок Холмс в погонах.

– А боеприпасы? Каков ущерб?

– Примерно на неделю позиционных боёв.

– Значит, на два-три дня активной обороны или наступления.

Подполковник мрачно кивает, сморкается.

Не иначе как ответочка от японцев прилетела за наш рейд по их тылам...

– Кто-то выжил?

– Часовой. Рядовой Хмарин.

– Опросить его возможно?

– Можно попробовать, хотя он после происшедшего малость... – Селиверстов делает затейливый выверт ладонью.

Николов смотрит на меня, я пожимаю плечами. А что? Не мне такие вопросы решать.

Николов поворачивается к начальнику склада.

– Где мы можем с ним переговорить?

– Да хоть здесь, – разводит руками Селиверстов и тут же обращается к одному из солдат: – Лукичѐв! Приведи Хмарина.

Лукичѐв козыряет, исчезает и через пару минут возвращается, ведя под руку молодого солдатика лет двадцати с совершенно седой шевелюрой. Глаза у Хмарина совершенно шалые, несколько расфокусированные, а штаны в районе гульфика и ниже хранят на себе явственные следы сильного испуга, да и запашок от Хмарина соответствующий.

Негоже, конечно, брезговать несчастным Хмариним, но дышать нам с Николовым приходится через носовые платки. И опять я сожалению, что мой платок не надушен, уж больно ошутимое амбре.

– Вы бы хоть отмыли бедолагу, – морщится Николов в сторону Селиверстова.

Тот разводит руками с сожалением:

– Я распоряджусь, но придѐтся обождать.

– Ладно, потерпим. Не думаю, что разговор займѐт очень уж много времени.

Николов поворачивается к Хмарину.

– Расскажи нам со штабс-ротмистром, что же тут приключилось?

Хмарин молчит, только косит глазом в сторону развалин склада. Зубы его начинают выстукивать барабанную дробь. Того и гляди завалится в обморок от накативших воспоминаний.

– Рядовой Хмарин! Смир-на! – неожиданно ору я ему прямо в ухо.

Шок действует. Хмарин вытягивается по стойке смирно, выпячивает грудь, пытается даже есть нас с Николовым глазами.

– Отвечать кратко и ёмко. По сути!

– Есть, вашбродь!

По лицу контрразведчика вижу, что Николов с трудом сдерживается, чтобы не заржать. Со стороны обделавшийся шалый солдатик и впрямь выглядит комично. А ежели влезть в суть – уцелевший в аду человек. Пожалеть его надо. Я и пожалею, но малость погодя. Как только мы с Николовым удовлетворим необходимое любопытство.

– Что ты видел?

– Баба. Бабу видел...

Неужели опять длинношеяя монстриха?

– Шея какова? Длинная? Как змея?

– Никак нет. Шея обычная.

– А что необычного?

– Харя. Ни глаз, ни носа, один рот. И зубы – острые, чёрные. Щёлк-щёлк-щёлк! Страшно. Съесть меня хотела. А я убёг... убёг... И крест не помог, и слово святое не справилось... Токмо ноги быстрые и спасли. А потом как бахнуло!.. Я аж оглох малость...

Глаза Хмарина снова шалеют, а на штанах проступает новое мокрое пятно. Поворачиваюсь к Николову.

– Боюсь, это всё, что мы сможем из него вытянуть по горячим следам.

Начсклада горестно вздыхает.

– Волосы его седые видели? А ведь до этого дня Хмарин был рыжим. Балагур, матерные частушки исполнял – заслушаешься.

– Африкан Евстафьевич, – обращается Николов к Селиверстову, – обиходьте бедолагу. И надобно его в госпиталь, врачам показать. Николай Михалыч, – это контрразведчик уже мне, – едемте. Я увидел и услышал достаточно.

Понимаю, что Сергей Красенович хочет наедине поделиться со мной своими мыслями и, возможно, услышать мои соображения. Но события не тороплю. Пусть господин подполковник сам проявит инициативу.

Мы уже минут десять пылим по дороге, прежде чем Николов нарушает тишину:

– Есть мысли, господин штабс-ротмистр?

– Демон появился первым, а уже за ним, когда часовой сбежал от ужаса, японцы-диверсанты.

Николов согласно кивает.

– Вряд ли диверсантов было много, – продолжаю излагать свои мысли. – Один-два плюс демон. Кстати, что это за демон? Не похоже по описанию на рокурокуби.

– Это Охагуро-Бэттари. Есть такое существо на Японских островах. Очень страшное, но довольно безвредное. Всерьёз навредить не может.

– Логично, что её задачей было напугать бедолагу Хмарина. И она с ней успешно справилась. Часовой убежал и едва не лишился ума, а диверсанты получили возможность взорвать склад без всяких помех.

– Как думаете, три этих происшествия связаны меж собой?

– Думаю, да. Основная группа устраивает нападение на эшелон, эта ваша Охагуро-Бэттари и пара человек разбираются со складом, и длинношеяя Джу устраивает резню в заведении мадам Сяо Вэй. То, что акции произошли почти одновременно, говорит о том, что так и было изначально спланировано, чтобы гарнизон не смог отреагировать на все угрозы и не пустился бы в погоню за диверсантами – не разорваться же. Операция спланирована и осуществлена японской разведкой, а хунхузы – это, возможно, переодетые японцы.

– Что ж, неплохой анализ, – печально улыбается Николов.

– Я всего лишь любитель. А что скажет профессионал?

Николов задумчиво барабанит пальцами по дверце машины.

– Думаю, японских агентов было немного – демоны (причём Джу, как мы знаем, была внедрена в бордель заблаговременно) и, возможно, ещё пара человек, включая самого руководителя операции.

– А остальные?

– А остальные – настоящие хунхузы, нанятые японцами за деньги или действовавшие из вражды к России.

Некоторое время едем молча. Думаю о своих охотниках. Пока я сидел на губе да разбирался с Дзатоевым (вернее, как раз он пытался разбираться со мной), что там происходило во взводе? Не расформировали ли его ещё? С местного командного состава станется.

Машину неожиданно бросает в сторону, я еле успеваю выкрутить руль, чтобы не съехать в кювет. Очередная засада?

– Господин подполковник, из машины, живо!

Вываливаемся из салона, прячемся за корпусом автомобиля с револьверами в руках, напряжённо вслушиваемся и всматриваемся в окрестности. Всё тихо. Враги, если они и есть, не спешат нападать.

Похоже, ошибся я насчёт засады. А что же тогда послужило причиной странного поведения нашего авто? Твою же дивизию налево! Похоже, на этот раз всё обошлось без происков диверсантов. Левое переднее колесо спущено и стоит на ободке. Надо менять.

Скидываю китель, чтобы не замарать. Красенович подсказывает, где у покойного вампира хранился ящик с ЗИП, роюсь в нём, перебирая инструменты. Откручиваю с багажника запасное колесо, ставлю домкрат. Кто менял колёса на дедовских «жигулях», тот и со старинным автомобилем справится. Убили на устранение неисправности не меньше получаса.

– Повторю своё предложение, Николай Михалыч, перейти к нам в контрразведку, – поворачивается ко мне Николов. – Под моё непосредственное начало.

Будь я карьеристом, принял бы предложение не задумываясь. Но контрразведка – это всегда интриги, даже внутри одной конторы. Как будут говорить в моём будущем, «не всё так однозначно» и «есть нюансы». А я как-то по-простому привык воевать и жить: друг – друг, враг – враг.

– Мне кажется, Сергей Красенович, что на своём нынешнем месте, со своими бойцами, я буду более полезен. Прошу без обид.

– Да какие обиды, помилуйте. – Всё-таки чувствуется, что мой повторный отказ задел Николова за живое. – Но не обольщайтесь. Али Кули Мирза благоволит вам: персидский принц – человек прогрессивных взглядов, он одержим техническим прогрессом. Но в армии много и тех, кто привык воевать по старинке: пуля – дура, штык – молодец. Они и будут ставить вам палки в колёса.

Глава 20

Как ни грустно расставаться с Николовым, но я возвращаюсь в часть. Самое отрадное – лица бойцов: никогда б не подумал, что они так обрадуются моему возвращению. У меня едва не наворачиваются слёзы на глаза, приятно до жути. А ординарец прямо-таки из кожи вон лезет, чтобы угодить. Прикажи ему добыть для меня птичьего молока – в лепёшку разобьётся, а достанет.

– Мы уж не чаяли вас увидеть, – улыбается Бубнов. – Боялись, что вас совсем заарестуют или разжалуют.

– Пока обошлось, – вздыхаю я.

Привожу себя в порядок и отправляюсь к Шамхалову.

– Слава аллаху! – говорит тот. – Как вовремя вас выпустили! Надеюсь, больше не будете устраивать драк с другими офицерами?

– Ничего не могу обещать, господин ротмистр. Была затронута моя честь. Поскольку идёт война, пришлось проучить обидчика доступными средствами.

– Как дворянин дворянина понимаю вас, но как непосредственный начальник должен предупредить: постарайтесь держать себя в руках, Николай Михалыч. Впереди нас ждёт большое и важное дело.

– Снова разведка? – зажигаюсь я.

– Вынужден вас разочаровать, мы нужны в другом качестве.

Видя мой недоумённый взгляд, комэск поясняет:

– Готовится большое наступление с целью оттянуть силы японцев от Порт-Артура. Скажу по секрету: дела там обстоят неважно, поэтому командование хочет дать гарнизону передышку. Если повезёт, в Порт-Артур успеют подойти свежие пополнения.

– Погодите, мы что, будем использоваться как обычная пехотная часть? – начинаю догадываться я.

– Для штаба бригады мы все – драгуны.

Ну да, ну да... Конная пехота, едрить-растудыть! Понятно, что комбриг – генерал-майор Степанов – не обязан вникать в ситуацию с каждым взводом, но всё-таки использовать моих орлов в качестве пехоты – всё равно что забивать гвоздь микроскопом.

– Не расстраивайтесь так, Николай Михалыч. Есть и хорошие новости, – пытается приободрить комэск.

– Неужели? Даже не верится.

– А зря! Я ведь знаю вашу любовь к автоматическому оружию... Так вот, моряки передали в нашу бригаду дополнительную пулемётную команду – целых восемь пулемётов «максим».

Откуда растут ноги у этой команды, понятно. В конце девятнадцатого века именно флотские произвели массовую закупку новомодных пулемётов, приобретя почти триста «максимов». Жил в тот момент флот понятиями времён сражения при Синопской бухте и покупал пулемёты, чтобы отражать их огнём абордажные атаки врага. Теперь вот сами или по просьбе свыше решили с нами поделиться.

Правда, стоят эти «максимы» на чуть ли не артиллерийских лафетах и весят четверть тонны. Немудрено, что обычно их ставят на заранее подготовленные позиции или используют для обороны крепостей. Но всё равно «кулемёт» есть «кулемёт», машинка в хозяйстве полезная. Тем более в грамотных руках.

– Господин ротмистр, а можно мне выцарапать хотя бы парочку «максимов» для моего взвода?

– Боюсь, с таким вопросом – это не ко мне. Не мой уровень, Николай Михайлович.

– Тогда подскажите, к кому мне обратиться? Не к самому же генерал-майору Степанову?^[6]

– Стоит поговорить с полковником Ванновским^[7]. Он сторонник всего передового и имеет влияние на генерал-майора. Всё-таки батюшка полковника был военным министром.

С Ванновским я не знаком, потому мотаю на ус полученную информацию. С таким происхождением у полковника должны быть просто сумасшедшие связи. Немудрено, что Степанов ему в рот смотрит.

– Разрешите мне на завтра отлучиться из части.

– Для чего, Николай Михайлович?

– Хочу навести мосты с полковником Ванновским.

– Кого оставите за вас?

– Как обычно, унтера Бубнова.

– Хорошо, – усмехается Шамхалов. – Вам я всегда готов идти навстречу.

На следующее утро отправляюсь в город искать полковника Генштаба. Послужной список у этого «мажора» неплохой: в свои тридцать пять Ванновский успел отличиться в боях на границе с Афганистаном и поучаствовать в Китайском походе. Ещё мне удалось узнать, что у него очень острый ум (Генштаб есть Генштаб, других туда не берут), почти маниакальная любовь к огневой подготовке и репутация классного стрелка.

В штабе бригады мне сообщили, что к полковнику прибыла из Петербурга супруга, и по такому случаю он взял отпуск на один день.

Да уж, неподходящее время я выбрал для визита, но дела не ждут. Узнав, что квартирует полковник на центральной площади в каменном двухэтажном доме с черепичными крышами с загнутыми по восточной традиции вверх углами, набираюсь храбрости и еду туда.

Дверь открывает прислуга – сгорбленная китайка в возрасте, с трудом понимающая по-русски. С грехом пополам объясняю, что хочу видеть полковника.

– Полковника? – переспрашивает китайка.

– Да-да, полковника.

– Полковника лестолана, – отвечает та и захлопывает дверь.

Домогаться полковника в ресторане – попахивает перебором, поэтому неспешно прохаживаюсь по улице, заставленной многочисленными китайскими арбами со всевозможными продуктами. Народу полно (даже не скажешь, что где-то вовсю бушуют боевые действия), так что торговля у китайцев идёт бойко. Среди покупателей попадаются и наши солдаты.

Через час от крика и ора начинает пухнуть голова; такое чувство, что китайцы просто не умеют разговаривать не на повышенных тонах. Спасением становится подъезжающий к дому экипаж, из которого выходят офицер в парадной форме и дама в длинном платье и шляпке с огромными полями. Догадываюсь, что это и есть супруги Ванновские.

Подхожу к ним и козыряю:

– Господин полковник, разрешите обратиться?

– В чём дело, штабс-ротмистр? – хмурится тот.

– Я по служебному вопросу.

– Хорошо, – вздыхает он. – Пойдёмте в дом, там и поговорим.

Ни полковник, ни его жена мне не рады, но манкировать службой Ванновский не собирается, что говорит в его пользу.

По моей просьбе выходим в небольшой сад, разбитый прямо за домом. Там нам точно никто не помешает.

– Слушаю вас, штабс-ротмистр, – говорит полковник.

– Я командир разведвзвода, штабс-ротмистр Гордеев.

– Слышал про вас, – кивает он. – Это ведь вы недавно набили морду штабс-капитану Вержбицкому и угодили под арест?

Оказывается, среди офицеров бригады я известен не благодаря походу по тылам японцев, а по вот таким вот делам.

– Так точно!

– К вашему несчастью, я имею честь быть знакомым с семьёй адъютанта начальника нашей бригады, и более того, со Станиславом мы дружим практически с самого детства.

Моя челюсть падает вниз. Твою дивизию! Вот это поворот.

– Поверьте, я был вынужден так поступить. Штабс-капитан Вержбицкий оскорбительно отозвался о даме, с которой я знаком.

– Если не ошибаюсь, ваша дама – китайка, а её брат – хунхуз. Не самые приличные знакомства для русского офицера.

– Господин полковник, давайте отставим эту тему в покое и поговорим о том, что меня к вам привело.

– И что же вас привело?

– Я знаю, что из флота в бригаду будет направлена пулемётная команда. Прошу ходатайствовать перед их превосходительством генерал-майором Степановым, чтобы два пулемёта были приданы моему взводу.

Бровь полковника иронично подымается.

– Простите, штабс-ротмистр, а с какой стати я должен это сделать? Чем ваше подразделение так отличается от других, что нам придётся ради него раздёргать пулемётную команду? Тем более генерал-майор собирался держать её в резерве.

– Дело в том, господин полковник, что мне удалось по достоинству оценить роль автоматического оружия в войне. Кроме того, я разработал некоторые методики, повышающие его эффективность.

Взгляд Ванновского тускнеет. Очевидно, в его глазах я прожектёр-хвастун, коих, увы, в армии полно.

– Если не возражаете, я изложу свои соображения.

– Не возражаю.

Извлекаю из глубины памяти знания, полученные в училище и на войне, само собой, с поправкой на время и технические возможности пулемётов. Сначала полковник воспринимает информацию с недоверием, потом начинает задумываться, в конце он уже полностью погружён в то, что я попытался объяснить ему на пальцах и разжевать.

– Ваши идеи не лишены определённой логики, – признаётся полковник. – Но пока это всё теория, не подкреплённая практикой.

Практики у меня за глаза и за уши, но вряд ли Ванновскому понравится, если я пущусь в детали.

– Так давайте проверим на поле боя, – говорю я.

– Легко сказать! Вы понимаете, какая это ответственность, штабс-ротмистр? Вы знаете, в какую копеечку влетел казне каждый пулемёт? С нас ведь снимут не только погоны, но и головы!

Своё производство «максимов» только начато, поэтому подавляющее большинство машинок в войсках импортное, и стоят они и в самом деле безумно дорого.

– Для хорошего дела мне не жалко ни погон, ни головы, – заявляю я.

– Боюсь, в этом случае речь пойдёт о погонах генерал-майора Степанова и об его же голове, – грустно усмехается Ванновский. – Должен вам отказать, штабс-ротмистр. Вот когда пулемёты начнут массово поступать в войска, тогда мы проверим всё, что вы мне рассказали.

Хочется громко выматериться, но вместо этого я вдруг говорю:

– А хотите пари, господин полковник?

– Какое пари? – недоумевает он.

– Обычное. Вы ведь считаетесь лучшим стрелком полка?

Он польщённо улыбается:

– Не без этого, штабс-ротмистр.

– Тогда давайте проверим, кто из нас лучше стреляет. И если пари выиграю я, то вы передадите нам пару пулемётов, если нет...

– Достаточно, как вас по батюшке?

– Николай Михалыч.

– Достаточно, Николай Михалыч. Мне нравится ваше пари. А наказание я вам обязательно придумаю! – злорадно потирает руки полковник. – Но потом, когда вы проиграете. Например, примирю вас с Вержбицким.

Ради этих пулемётов я готов даже на дружбу с долбоклюем адъютантом, поэтому склоняю голову в кивке.

– У меня в саду нам никто не помешает, жену и прислугу я извещу, – входит в деловой раж Ванновский. – Из чего будем стрелять?

– Каждый из своего револьвера. У вас ведь наган?

– Да.

– И у меня тоже наган. Думаю, так будет честно: револьверы у нас одной марки.

– Согласен.

– Тогда попрошу вас принести мне два больших гвоздя и молоток.

Он уходит в дом, чтобы отдать распоряжения и возвращается с тем, что я просил. В конце сада стоит деревянный сарай, я вколачиваю в него на половину длины оба гвоздя, отхожу шагов на двадцать.

– Выбирайте ваш гвоздь, господин полковник.

– Вот этот, – показывает он.

– Отлично. Итак, стреляем отсюда. Кому из нас понадобится меньше выстрелов, чтобы загнать гвоздь по самую шляпку, тот и победил.

Ванновский переводит взгляд с сарая на меня и обратно.

– Ну что ж, жребий брошен, Рубикон перейдён. Кто первый?

– Уступаю эту честь старшему.

Полковник принимает стойку как в тире, вскидывает руку с револьвером, прицеливается и делает выстрел. Бах! Пуля попадает в шляпку гвоздя и вбивает его на несколько сантиметров.

– Моя очередь.

Бах! У меня результат аналогичный.

– Неплохо, Николай Михайлович, неплохо! Вижу, у меня появился достойный соперник. Да, можете называть меня Сергеем Петровичем.

– Благодарю вас, Сергей Петрович.

Если первый блин не был комом, то на второй промазываем, причём оба.

– И на старуху бывает проруха, – смеётся Ванновский. Ему определённо нравится это мужское развлечение.

Исправляем досадные промахи с третьего выстрела. Пока идём ноздря в ноздю.

– Что будем делать, если получится ничья? – спрашивает полковник.

– Надеюсь, у вас есть ещё гвозди?

– Пока есть, но таким макаром мы можем все гвозди в доме перевести.

И всё-таки мне удаётся победить в этой схватке, когда на пятом выстреле Сергей Петрович мажет, и его пуля уходит в молоко, а я загоняю свой гвоздь по самую макушку.

– Эх! – вздыхает полковник. – Обставили вы меня, Николай Михайлович! Позор на мою седую голову!

Его лысеющая шевелюра не содержит ни единого намёка на седину.

К счастью, зла на меня Ванновский не держит, забирает с собой в дом, где мы с ним и в компании его очаровательной супруги потихоньку приговариваем пару графинчиков водки. Само собой, мадам Ванновская пьёт шампанское.

В расположение я приезжаю буквально на автопилоте и падаю с коня в руки проворного домового.

– Эка ж вас угораздило, – шепчет Кузьма, раздевая меня и укладывая в постель. – Небось, намаялись, сидючи за решёткой, захотели отдохнуть, да сил не рассчитали.

Не могу сказать за полковника, но моя голова к утру просто раскалывается. Я мечтаю о живительной ракии из фляжки Николова, только где ж её здесь достать?

Но служба есть служба, спихивать свои обязанности на Бубнова я не собираюсь, поэтому провожу со взводом учебные занятия, а после обеда все массово садимся изготавливать ручные гранаты. Там, на передке, они нам ой как пригодятся. Жаль, что по-прежнему сплошная кустарщина, но лучше уж с такими гранатами, чем без них. Почти все мои солдаты уже видели, на что способны эти смертоносные штуки, поэтому относятся к процессу с пониманием. В какой-то степени от гранат теперь зависит их собственная жизнь.

Ближе к вечеру меня вызывают на пост, выставленный у входа в деревню. Вижу несколько подвод, загадочно накрытых рогожей, их сопровождают люди в чёрном, то есть мореманы. Сердце радостно бьётся в груди: замолвил за меня словечко Ванновский, не обманул полковник Генштаба.

– Кто такие?

– Вашбродь, вы штабс-ротмистр Гордеев? – спрашивает один из мореманов.

– Он самый.

Лицо морячка кажется мне знакомым. Точно! Я вспомнил его. Во время моего нахождения в госпитале мы с этим водяным неплохо погоняли демонов в монастыре.

– Жалдырин, ты, что ли?

– Так точно, господин штабс-ротмистр. Приказано доставить вам два пулемёта «максим» и поступить в ваше распоряжение инструктором по пулемётному делу.

– Знал бы ты, братишка водоплавающий, как ты порадовал меня сейчас!

Бойцы помогают сгрузить с подвод «максимы», а я прикидываю, кого бы назначить в пулемётные расчёты. Вдобавок в голове зреют первые мысли, как бы облегчить эти тяжеленные хреновины, на которые у меня весьма амбициозные планы.

Опять подряжаю кузнеца, причём за свой кошт, чтобы он вместо неподъёмных лафетов и больших броневых щитов склепал бы кое-что покомпактней.

Водоплавающему инструктору мои соображения нравятся.

– Этак же можно за собой «максимку» руками тащить.

– Да, а заодно использовать не только на специально оборудованных позициях, но и, скажем, в чистом поле во время атаки.

Принимаю соломоново решение прогнать через курсы пулемётчиков весь личный состав. Заходим, как обычно, издалека – с матчасти. Жалдырин оказывается неплохим инструктором, в нём нет характерного для мореманов чувства превосходства перед «серой скотинкой» и прочими сухопутными недосуществами, он умеет объяснять толково и доходчиво и почти не дерётся, когда кто-то умудряется облажаться.

Начальство нас пока не трогает. Я ценю это время как королевский подарок и через день, когда «максимы» уже принимают привычный по кинофильмам о временах Первой мировой или Великой Отечественной внешний вид, устраиваю стрельбы.

Пулемёт – штука прожорливая, способен выплюнуть до трёх сотен пуль в минуту, а когда ты пропускаешь через него три десятка солдат, немудрено, что боеприпасы тают на глазах. Ну и грохот стоит

такой, что во всех окрестных китайских сёлах народ ходит заткнув уши.

За это же богоугодное дело мне и попадает, когда на позициях внезапно объявляется какой-то хрен в погонах ротмистра. Вернее, что это за хрен, я знаю – командир 3-го эскадрона ротмистр Николай Петрович Коломнин, надо сказать, весьма желчный тип. А причина его желчности весьма простая: вот уже почти десяток лет его не продвигают по службе. Формально для меня он никто, мой непосредственный начальник – Шамхалов, но Коломнин вхож в штаб полка и вроде как входит в близкий круг всё того же пресловутого Вержбицкого, то есть при желании способен устроить мне вагон и маленькую тачку неприятностей.

– Штабс-ротмистр, вы с ума сошли?! – разъярённо кричит ротмистр, потрясая какой-то бумагой.

В ней я безошибочно узнаю свой запрос на боеприпасы.

– Приношу извинения, господин ротмистр, а что стряслось?

– Как это прикажете понимать?! Ваш взвод умудряется выстреливать столько патронов, сколько весь наш полк не тратит за неделю, а ведь мы даже ещё не выдвинулись на передовую!

– Обучаю людей новой технике, – показываю я на свою гордость, оба «максима».

– Бросьте возиться с этой машинерией! – заявляет с апломбом бывалого вояки Коломнин. – Всё равно в бою всё и всегда решает русский солдат. Помните, как у Суворова: пуля – дура, штык – молодец! Один решительный натиск – и противник будет разбит. Лучше б учили ваших солдат этому, а не переводили попусту патроны!

– Это приказ?

– Да, приказ командира полка. Подполковник приказывает вам экономить патроны. Скоро они нам очень понадобятся.

– И как скоро, господин ротмистр?

– До вас будет доведено!

Глава 21

Разговор с Коломниным получает продолжение в этот же вечер. С неожиданным визитом в деревню наведывается Шамхалов.

– Николай Михайлыч, что тут у вас стряслось с командиром третьего эскадрона? – с ходу огорошивает он.

– Ничего такого, – удивляюсь я.

– У меня другие сведения.

– Коломнин потребовал, чтобы я сэкономил патроны и перестал учить бойцов стрельбе из пулемёта, – вспоминаю я.

– Надеюсь, вы ему не дерзили?

Долго мне ещё будет аукаться та злополучная драка...

– Никак нет. Субординация была полностью соблюдена, – заверяю я.

Лицо Шамхалова светлеет.

– Слава аллаху! Ещё мне сообщили, что вы самовольно внесли изменения в конструкцию пулемётов и тем самым, возможно, испортили их.

– Давайте лучше я покажу вам их в работе? – предлагаю я.

– Пойдёмте, посмотрим.

Демонстрирую облегчённый вариант «максима», поясняя, что мои переделки только на пользу: пулемёты стали легче, а значит, гораздо мобильнее.

– За автоматическим оружием будущее, – продолжаю лекцию я. – Представьте себе, какой урон неприятелю способны нанести эти пулемёты, если их будет несколько штук на позициях каждого взвода! А когда конструкторская мысль дойдёт до автоматических винтовок, которые будут у каждого бойца...

– Тогда русская экономика вылетит в трубу, – горестно вздыхает Шамхалов. – Это ж какие деньжищи за минуту выстреливает один пулемёт. А если их будет по несколько штук в каждом взводе, как вы хотите... Такими темпами мы разорим страну.

– Массовое производство удешевляет продукцию. К тому же у нас нет выбора. Не мы, так наш противник обязательно перевооружит

армию. На самом деле эта война только пролог к другой, более масштабной...

– Типун вам на язык! – злится командир. – Разобьём япошку, и тогда ни одна сволочь к нам больше не сунется.

У меня для непосредственного отца-командира масса неприятных новостей, но ему пока рано, а то и вовсе не стоит знать, кто я на самом деле. Аккуратно выкруливаю на другую тему, умудряюсь выпросить дополнительные боеприпасы для прожорливых (этого у них не отнять) «максимок», заканчиваю встречу предложением перекусить чем бог послал.

У домового наряду с его многочисленными талантами есть ещё и кулинарный, так что ужин удаётся и потому проходит в тёплой, практически дружеской обстановке. Прощаемся чрезвычайно довольные друг другом.

Вызываю Жалдырина, спрашиваю, кто из бойцов лучше всех проявил себя в качестве пулемётчика. Он быстро называет полдюжины фамилий. Отбираю из них четырёх.

– Вот тебе два расчёта. Пока гоняй в хвост и в гриву этих, дальше посмотрим.

За сутки до наступления нас переводят на передок. Сразу бросается в глаза, что атака будет жиденькой: людей явно не хватает даже на один ударный кулак. С правого и левого фланга наши соседи – изрядно потрёпанные в сражениях сибирские стрелки. Все грезят о свежих дивизиях из России, но они где-то застряли.

После слабенькой артподготовки идём в атаку. Японцы ещё не успели толком закрепиться на этих позициях, поэтому особых препятствий нет: ни минных полей, ни «рвов с крокодилами».

На адреналине врываюсь в окоп, из револьвера снимаю бегущего на меня с примкнутым штыком японца. Благодаря маленькому росту он кажется подростком, почти шкетом, только глаза и изборождённая морщинами кожа лица выдают его настоящий возраст – мужику хорошо за тридцать.

Расстреляв весь барабан, выхватываю заговорённый клинок. Амулет и внутреннее зрение молчат – выходит, воюю с обычными людьми. Шашка сносит им головы не хуже, чем демонам.

Спину прикрывает верный ординарец, он ловко управляется со знаменитым русским гранёным штыком. У меня на глазах протыкает

им, как вилами, какого-то самурая, а потом ударом ноги в живот снимает того, словно мясо с шампура.

Захватив первую линию, идём к следующей. Часть солдат противника испуганно драпают из окопов, оставшиеся смельчаки вступают с нами в короткий и кровавый бой. Надо ломить, пока ломится, но начальство думает иначе. Мы прорываемся к крупной железнодорожной станции Вафангоу, и тут поступает приказ занять оборону.

По нам бьёт артиллерийская батарея японцев. Первый снаряд ложится в паре десятков шагов перед нами, второй незначительно перелетает – классическая вилка арты. Следующим залпом нас накроет и смешает с землёй.

– Отходим, братцы! – ору я. – Быстрее, быстрее!

Мы едва успеваем уйти из-под удара, а вот сибирякам везёт меньше: японцы открыли беглый огонь, и на наших глазах под взрывами шрапнели погибает целая рота. В контрбатарейную игру наши играть ещё не умеют, к тому же русская арта осталась позади, так что японцы щёлкают пехоту, как в тире.

Мы залегаем.

– Бубнов!

– Тута я, вашбродь! – отзывается унтер.

– Делай что хочешь, но нужно, чтобы японцы мазали! Ты же видишь, как они нашу пехоту расхреначили. Кузьма! – зову уже ординарца.

– Что, вашбродь?

– У тебя во фляжке есть водка?

– Никак нет...

– Кузьма, твою мать!

– Так точно, есть. Чуть-чуть, для сугрева.

– Дай Бубнову хлебнуть.

В глазах солдата немой вопрос.

– Делай что приказано!

После небольшой передышки артиллерия японцев начинает лупить правее, примерно туда, где к нам во фланг пытается прорваться их же пехота. Даже отсюда слышим крики погибающих от дружественного огня самураев.

Бубнов на какое-то время выбывает из строя, но главное он успел сделать. Японцы откатываются назад, однако мы их не преследуем: приказано закрепиться и готовиться к обороне.

Появляется делегация от стрелков. От их роты осталось меньше взвода, все офицеры выбиты.

– Вашбродь, – просит щербатый унтер, – возьмите нас, куда начальство не определится, к себе. Мы ж видели, как вы воюете, зазря никого под пули и снаряды не ложите.

– Что с вами подделаешь... Ладно, будем воевать вместе.

Через пятнадцать минут прибегает посыльный – господ офицеров требуют на совещание. Проводит его Али Кули Мирза. Вид у подполковника откровенно неважный: офицер бледный, говорит через силу, его качает как лист на ветру.

– Что с ним? – спрашиваю у одного из взводных нашего эскадрона, штабс-ротмистра Третьякова.

– Сердце больное, – поясняет тот. – Сегодня приступ был, едва откачали.

Персидского принца откровенно жалко: он и как человек хорош, и как командир выше всяких похвал. Но не с его здоровьем, конечно, воевать. Комбриг уже в курсе о приступе у подполковника, поэтому Али Кули Мирзе приказано отбыть в тыл и лечь в госпиталь. На его должность временно назначается... командир 3-го эскадрона ротмистр Коломнин. Плакали мои патроны к пулемётам, понимаю я.

Наше наступление, как и следовало ожидать, застопорилось. У начальства осталось в резерве всего два батальона, с таким войском успех не разовьёшь, только заткнёшь дырку на опасном участке.

– Но мы свою задачу выполнили, – невесело говорит подполковник.

– Говорят, приступ у подполковника случился после того, как он получил разнос от начальства, – шепчет на ухо Третьяков.

– За что? Мы ведь прорвались к Вафангоу...

– Оказывается, генералом Куропаткиным нам предписано не доводить дело до решительного столкновения и не допускать израсходования своего резерва в бою, пока не выяснится обстановка.

– И как тогда атаковать? – не понимаю генеральской логики я.

– Никто не знает, и наш командир полка тоже. Но приказы надо выполнять.

После офицерского совещания возвращаюсь на позиции и сразу провожу летучку среди своих.

– Диспозиция следующая: мы тут, похоже, надолго, поэтому необходимо приготовиться к обороне. Поэтому приказываю...

Про десантников принято шутить: три минуты – орёл, а остальное время – ломовая лошадь. Пехота же практически всегда вынуждена рыть землю, словно кроты. И чем лучше ты выкопаешь и укрепишь окоп, тем будет легче.

Взвод и поступившие на время под моё командование сибиряки вгрызаются в твёрдую, полную камней почву. Копаем, как говорится, отсюда и до обеда. И это не просто окопы, а фортификационные сооружения по военной науке будущего – полного профиля, ломаной линией, с оборудованием фланговых позиций для пулемётов.

Соседи уже несколько часов как закончили работы, а мои по-прежнему пахнут не разгибаясь. То и дело к нам подходят офицеры разных частей, недоумённо качают головами, порой пускаются в диспут со мной.

– Зачем такие сложности, штабс-ротмистр? Всё, что надо, предписано уставом.

Объясняю, как могу, но мои соображения кажутся коллегам надуманными. Они ещё не представляют, что такое полноценная позиционная война, когда противник с утра до вечера лупит по тебе артой. И что самое хреновое, меня никто не воспринимает всерьёз, для них мои приготовления – блажь. Не удивлюсь, если кое-кто в душе считает меня трусоватым: в представлении большинства офицер должен стоять во весь рост под градом пуль и снарядов. Разве что Третьяков проникается и пытается перенять мой опыт, уже что-то...

Японцам хорошо досталось, поэтому они пока не дают о себе знать. Накапливают где-то там, впереди, силы и готовятся атаковать. Одно радует: часть войск таки переброшена ими от стен Порт-Артура.

Одними окопами я не ограничиваюсь. С минами у нас напряг, если быть конкретней – нет от слова совсем. Приходится пускать в ход смекалку. Охотников среди моих и среди сибиряков хватает, поэтому быстро проводим мозговой штурм на предмет скрытых ловушек для противника.

Останавливаемся на самом простом и действенном варианте – копаем и тщательно маскируем ямы с вбитыми в дно заострёнными

колышками, испачканными в нечистотах и гнилом мясе. Такой колышек не только травмирует жертву, но и может довести её до гангрены с последующей ампутацией. Да, я варвар, но, когда сражаюсь за Родину, делаю всё, чтобы враг понёс потери. Пусть лучше героически умрёт он, чем я или кто-то из моих бойцов.

Очередное совещание и. о. комполка начинается с разноса:

– Штабс-ротмистр Гордеев, мне доложили, что вы занимаетесь самоуправством: ваши позиции обустроены совершенно не по уставу, кроме того, вы нарочно загоняете ваших подчинённых, чтобы они устали и не смогли дать отпор неприятелю.

Мне не по себе от такого дикого наезда. Вспоминается чересчур усердный в попытке потопить меня Дзатоев, а теперь вот Коломнина несёт в ту же сторону. И чем, спрашивается, я так им не угодил? Неужели выгляжу настолько белой вороной?

Пытаюсь высказаться в своё оправдание, но Коломнин грубо перебивает и дальше не даёт произнести ни слова. Походу, новый, пусть и временный, но всё-таки командир словил «звёздочку». «Застрелить его, что ли? – флегматично думаю я. – Дождаться удобного момента – и пиф-паф, ой-ёй-ёй! Ну не должны такие дятлы командовать воинскими подразделениями!»

Ситуацию спасает Ванновский, прибывший в полк с инспекцией. Это перед ним показывал себя Коломнин, надеясь с и. о. перескочить сразу в должность комполка: у Али Кули Мирза со здоровьем всё очень серьёзно.

– Да, вы правы, ротмистр, когда отмечаете, что методы Гордеева не похожи на те, к которым мы успели привыкнуть. Но вы наговариваете на штабс-ротмистра, назвав это самоуправством! – говорит полковник Генштаба.

– Прошу прощения, господин полковник, но я не понимаю, – разводит руками опешивший Коломнин.

– Дело в том, что это с моего разрешения господин штабс-ротмистр затеял этот эксперимент с обустройством позиций. Если эксперимент окажется удачным, попробуем распространить его на другие подразделения.

Шамхалов бросает на меня насупленный взгляд. Ну да, какому офицеру понравится, когда подчинённый за его спиной что-то мутит с

вышестоящим начальством. Надо будет потом объясниться. Мне с Шамхаловым ещё служить и служить.

– А, ну раз вы разрешили... – сконфуженно бормочет Коломнин.

На этом совещание заканчивается.

Улучив удобный момент, оказываюсь возле Ванновского.

– Господин полковник...

Он улыбается.

– Не надо ничего говорить, Николай Михалыч! Думаю, мы понимаем друг друга.

– Так точно!

– Как ваши пулемёты?

Довожу до Ванновского ещё одну задумку. По моей просьбе братья Лукашины раздобыли две пролётки; каким макаром, я не уточнял, но не удивлюсь, если хозяева транспортных средств готовы им башку отвернуть при встрече.

– В случае необходимости мы поставим пулемёты на пролётки и таким способом во время боя сможем быстро перемещать их на те участки, где понадобится усиление огня.

– Как-как вы их назвали?

– Тачанки, – усмехаюсь я.

– Тачанки?! А почему?

– Просто в голову пришло. Если хотите, можно назвать «боевая пулемётная повозка».

– «Тачанка» звучит интересней, – смеётся он.

Создание тачанок часто приписывается отрядам батьки Махно. Надеюсь, и мне они послужат добрую службу.

Простившись с полковником, ищу непосредственного командира, рассказываю, что никаким шахер-махером за его спиной не занимаюсь. Шамхалов успокаивается и благодушно кивает.

– Значит, Ванновский захотел спасти вас?

– Так точно. Если бы не он, не знаю, до чего бы додумался наш новый комполка.

– Наверное, заставил бы вас срыть старые окопы и вырыть новые, в соответствии с текущими наставлениями и уставом.

– С него станется, – соглашаюсь я.

Возвращаюсь, вижу действительно усталые лица солдат. За последние дни каждый выдал на-гора не одну тонну земли. Надеюсь,

что во время атаки японцев бойцы поймут, зачем были нужны все эти приготовления.

Всё следующее утро в лагере японцев царит подозрительная возня. Я практически не выпускаю из рук бинокль и всё время провожу на передке. Эх, взять бы «языка», но начальство категорически запретило любые вылазки. Опасаются, что так мы подтолкнём неприятеля к более активным действиям, не успев как следует подготовиться.

Напряжены все – и офицеры, и солдаты. В такой ситуации нет ничего хуже ожидания, поэтому я даже радуюсь, когда ночью меня будит Скоробут.

– Вашбродь, кажись, началось.

Сплю я в одежде, поэтому сборы занимают несколько секунд. Прохожу из землянки вдоль траншеи, замираю.

– С чего ты решил, что началось?

– Уж поверьте старому домовому! С минуты на минуту японцы в атаку пойдут. Сердцем чую.

– Хорошо, Кузьма. Поднимай бойцов.

Окопы быстро заполняются солдатами. Многие зевают и дрожат от холода. Кто-то хочет закурить, но я не даю. Снайперов с оптикой у японцев быть не должно, но это в моей истории, поэтому лучше быть настороже и не демаскировать себя.

Можно бы толкнуть перед ними речь, но я не политрук, да и политику партии и правительства до этих понюхавших пороху людей доводить не нужно. Они и так знают, что пойдут в бой за Веру, Царя и Отечество. Для них это совсем не пустые слова.

Внезапно над японскими позициями поднимается белёсый туман, ветер гонит его в нашу сторону, ещё немного – и он накрывает нас подобно облаку. Туман такой густой и плотный, что я с трудом вижу на расстоянии вытянутой руки.

– Может, передумает японец атаковать? В таком тумане и заплутать можно, – с надеждой говорит невидимый Скоробут.

– Станный этот туман... – вдруг произносит Бубнов. – Ненастоящий какой-то. Вот помню, как-то в лесу мне один шибко вредный браконьер попался, так я его туманом окутал, а сам поближе подобрался и ружьё с патронташем унёс.

Мне тоже категорически не нравится этот туман. Да, с одной стороны, атаковать при таком непросто, но с другой – можно подобраться незамеченным чуть ли не к самым окопам.

Амулет тихонько греется. На что он реагирует: на белую плотную стену или на того, кто может за ней прятаться? Подношу бинокль к глазам, напрягаю зрение до такой степени, что начинает идти кругом голова.

Щёлк! Щёлк!

Не сразу соображаю, что включается магическое зрение – дар уничтоженного мной демона Хихи.

Светло как днём не становится, но кое-что могу разглядеть. Прямо в клубах тумана в нашу сторону тихо крадутся ужасные существа. Нас с ними разделяют какие-то считанные сотни метров.

Глава 22

– Серебром! Пли! – командую я.

Если бы не пулемёты, тут бы нам и кирдык. В тумане не шибко прицелишься, что по демону, что по человеку. Даже мои амулет и дар магического зрения помогают так себе. В такой ситуации у автоматического оружия шанс попасть гораздо выше.

Из молочного тумана слышны проклятия, крики ярости и боли. Срабатывают и ловушки, которые мы с бойцами заготовили загодя, – те самые заострённые бамбуковые колышки, выпачканные в дерьме и нечистотах. Но порыв наступающих слишком яростен. Крики «банзай!» всё ближе.

Бойцы бьют залпами, пулемёты строчат, ловушки находят свои жертвы, а японцы – люди и демоны – прут и прут на наши позиции. Кроме обычных солдат противника в рядах наступающих какие-то похожие на гоблинов мерзкие существа.

– Это сикомэ, вашбродь, – шепчет из-за плеча верный Скоробут.

Сикомэ так сикомэ. Пуля, даже серебряная, как известно, дура, ей без разницы, кто перед ней: человек из плоти и крови или демон, весь пронизанный эфирными субстанциями.

Сперва всаживаю пулю в оскаленную харю сикомэ, прущего на меня с «арисакой» с примкнутым штыком. Демон падает. На его месте тут же вырастает японский солдатик с разинутым в диком крике ртом. Стреляю ему в грудь, солдатик спотыкается на бегу и падает почти на бруствере окопа. Сухо щёлкает курок. Так и есть, отстрелял весь барабан. Бойцы мои спешно перезаряжают свои «мосинки».

А противник прёт и прёт. В какой-то момент выстрелы с нашей стороны почти смолкают, только строчат пулемёты, собирая свою кровавую жатву. Лихорадочно впихиваю патроны в барабан револьвера. Вторая волна противников всё ближе – тёмные силуэты в белёсом тумане.

– Залпом! Пли! Залпом! Пли!

Враг так близко, что слышно, как пули с тупым стуком входят в тела.

– Стрелять без команды!

Грохот выстрелов учащается. И вот как прикажете в такой ситуации беречь патроны?

Пускаем в ход наши самодельные гранаты. Во все стороны летят комья земли и части тел противника. Уродливая голова японского гоблина с приплюснутыми остроконечными ушами и оскаленными в яростной гримасе кривыми клыками падает прямо передо мной. Зубы клацают от удара – полное ощущение, что последним посмертным движением он хотел укусить меня.

Японцы отходят. Думаю, небольшая передышка. Сейчас сформируют вторую волну и попрут снова. Спешно дозаряжаемся. Оставляю за себя старшим Бубнова, а сам с Кузьмой иду провести четыре наши пулемётные команды.

Откуда четыре, спросите вы? Выделили же всего пару пулемётов на подразделение. А ещё пару я тупо выцыганил у тех господ офицеров, которые, как и Коломнин, считают пулемёт ненасытным растратчиком патронов. Пулемётчиков на «максимы» у них всё одно не было, так что у них эти два ствола стояли бесполезным грузом, а у меня – сгодились в дело. Правда, пулемёты мне дали без патронов, так что приходится крутиться, объяснив перед боем всем своим пулемётчикам пользу коротких очередей.

Не доходя до Жалдырина с его вторым номером, чувствую под ногами непонятную сырость. Сапоги хлюпают по лужам. Откуда вода, дождя же не было?

Повторяю вопрос Жалдырину, тот смущённо хмыкает и лукаво улыбается. Ах ты ж ёж, морячок же у меня водяной. Как я мог забыть?

– Твоя работа?

– Моя, вашбродь. Уж больно японец сильно пёр, так что пришлось подболотить.

Осторожно выглядываю в потихоньку редющий туман. Раскисшая почва создала для наступавших японцев дополнительную помеху, и позволила Жалдырину выкашивать врага с большим успехом. Объявляю ему благодарность и предлагаю усилить его позицию вторым пулемётом, выдвинув их чуть вперёд во фланг второй волне японской атаки. Обговариваем, что сигналом для открытия огня должен стать двойной крик свиристели.

Отправляю Скоробута донести мой приказ до обоих пулемётных команд на другом фланге. Сам организую усиленную пулемётную

точку из Жалдырина с его вторым номером и второй пулемётной команды.

Во всё ещё густом белёсом тумане в стороне японских окопов звучат отрывистые команды и резкие звуки сигнальных рожков. Бегу по окопу к своему командирскому месту. Там уже ждёт Кузьма.

– Ну, что у пулемётов на правом фланге?

– Всё передал, вашбродь. Патронов у них маловато, жалуются.

Тяжело вздыхаю. Спасибо ротмистру Коломнину, любителю штыковых атак. С другой стороны, Шамхалов тоже прав, когда сказал, что экономика просто не потянет такого расхода боеприпасов. Заводы выпускают патроны по старым нормам, запасы на складах не столь велики, как требует того современная война. И что с того, что есть пулемёты, если к ним не хватает патронов? Легко попаданцам в книжках: у них как автор захотел, так и патроны откуда-то чудом взялись, в степи за пару дней заводы построились, дороги проложились, и даже чиновники перестали воровать и наживаться налево и направо.

Скоробут протягивает фляжку.

– Держите, вашбродь, я тут чайку сообразил. Сладкого. Не перекусить, так хоть чаем подкрепитесь. С утра же ни крошки во рту.

– Спасибо, Кузьма. А сам?

– Да я уже, вашбродь.

Чёрт... тишина-то какая вдруг свалилась. Туман ещё больше похож на вату, в которой тонут звуки, мысли... Рождаются другие – тихое, на самой грани слуха шуршание. Нет, это не шуршание. Это тихий, почти неразличимый шёпот. Сквозь туман проступают призрачные колышущиеся тени.

Господи, как вдруг захотелось сдохнуть... Что я здесь делаю? Зачем? Россию спасаю? Ну, и много наспасал? Всё без толку... Порт-Артур всё равно сдадут, войну проиграют, революция пошатнёт империю. А в семнадцатом уже и империя всем будет до лампочки, лишь бы мир поскорее. Царя скинули, чтобы мир наступил, большевики всех миром купили, а потом устроили бойню ещё на пять лет. Тиф, вши, испанка. Голод, разруха, эмиграция и прочие ангелы Великой русской революции.

С удивлением гляжу на револьвер в своей руке – самое же простое решение. Бац – и никаких проблем. Палец оттягивает курок, холодный

металл впивается в лоб.

Из губельного ступора меня выводит дикий, полный какой-то вселенской тоски крик. Один из моих новичков из числа прибившихся стрелков, бросив винтовку, выскакивает на бруствер и бредёт, словно потерянный, в сторону японских позиций. Грохает выстрел со стороны противника, и бедолага-стрелок, споткнувшись, падает на землю, чтобы больше никогда уже не подняться.

Призрачные тени демонов противника всё ближе. Всё сильнее ужас, охватывающий нас, и всё больше желание разом покончить с ним, выскочив под пули врага или пустив самому себе пулю в лоб. Живот крутит замогильным холодом, мозг выкручивает наизнанку. Это ж какой гормональный шок переживают наши бедные организмы? Воздействие демонов, похоже, парализует выработку в организме серотонина, дофамина и норадреналина.

Ещё один боец выскакивает из окопов и бежит в сторону врага, его гонят страх жизни и жажда смерти – единственного, как кажется, избавления. Пара выстрелов от противника – и этот бедолага падает на землю и замирает.

Из последних сил отвожу ствол нагана от собственного лба, всматриваюсь в доньшки револьверных патронов в барабане. Отлично, серебряные имеют место быть. Стреляю в приближающихся демонов. Они ростом с человека, с красными горящими глазами. Вроде попадаю, но большого ущерба не наношу.

Как хочется сдохнуть прямо на месте. Из последних сил кидаю в демонов гранату. И снова никакого эффекта. Со стороны противника слышны команды и сигналы к атаке. Походу, нам каюк... Возьмут как тёпленьких. В таком состоянии мы даже мало-мальски серьёзного сопротивления не сможем оказать.

Во рту словно сирийская пустыня, язык прилип к гортани, даже слова из себя не выдавить. Дрожащими пальцами откручиваю пробку с фляжки, делаю глоток-другой сладкого чая. И... желание немедленно умереть отступает. Спасибо Кузьме. Где он, кстати?

Оглядываюсь. Скоробут скорчился на дне окопа, обхватив руками голову. Вот он с диким вскриком выпрямляется и пытается выбраться из окопа. Ну уж дудки, ординарца я вам не отдам! Стаскиваю Кузьму обратно в окоп, отвешиваю пару пощёчин – не со зла, а чтобы малость

привести в себя. И вливаю в него несколько глотков чая. Чувствую, как его тоже потихоньку отпускает.

– Всем немедленно пить и есть! Если ничего нет, просите у товарищей! – приказываю я.

От японских окопов раздаётся громкое «банзай!». Топот десятков ног бьёт по ушам, словно барабанный бой. Сую винтарь в руки Кузьмы.

– Огонь!

Палю по наступающим из нагана. Мои не до конца пришедшие в себя бойцы ведут редкий неприцельный огонь по врагу. Редко взрываются уцелевшие после первой атаки растяжки. Вскрикивают наткнувшиеся на наши отравленные дерьмом колышки японцы.

Враг уже совсем близко к нашим позициям. В нагане снова пустеет барабан. Хватаю винтовку одного из погибших бойцов, передёргиваю затвор, целюсь. Выстрел...

– Вашбродь, – толкает меня в бок Кузьма, – пулемёты же! Чего молчат?

Точно, сигнал. Пора. Дважды свищу свиристелью. Услышат ли? А если и они самоубились от демонских происков? Секунды тянутся, словно часы. Мы лихорадочно отстреливаемся. И наконец сперва с левого фланга, а потом и с правого забили в четыре ствола кинжальным перекрёстным огнём наши «максимки». Молодец Жалдырин, молодцы ребята! Не поддались...

Японцы прут как не в себе. Мы палим как заведённые. Пулемётное тарактенье на наших флангах слабеет и захлёбывается. Чёрт! Что там происходит?! Как не хватает рации или хотя бы полевого телефона. Эк размечтался. Даже послать бойца разузнать, что случилось, не выйдет – некого.

Противник у самого бруствера. Штыки к винтовкам у моих бойцов примкнуты заранее, так тут принято во время боя. Перекидываю револьвер в левую руку. Выхватываю заговорённую шашку.

– Врукопашную! Ура, братцы!

Выскакиваем из окопа. Прямо передо мной – очередной японский гоблин-сикомэ с мечами танто в обеих руках. Руны на моей шашке пылают, как костёр в тёмную ночь. Запускаю «мельницу» – аж воздух свистит вокруг моего клинка – и стреляю сикомэ в коленку. Тот

спотыкается, воет от боли. Лезвие моей шашки впивается в его шею. Хлещет зеленоватая кровь. Противник хрипит и валится мне под ноги.

Успеваю оглянуться на своих людей. Вокруг кровавая круговерть. Бойцы чисто крестьяне на покосе: кто штыком противника, как вилами, кто прикладом. Недаром в древнерусском языке слова «пахарь» и «воин» однокоренные – «оратай» и «ратник».

Краем глаза вижу, как сбоку на Кузьму выскакивает какой-то потомок самураев – вот-вот ткнёт Скоробута своим штыком в бок, а домовою даже развернуться не успеет. Наношу удар шашкой по локтю врага. Отрубленная рука вместе с винтовкой летит на землю. Из обрубка хлещет кровь. Японец верещит от боли. Стреляю ему в голову, всё равно не жилец.

Да где же пулемёты, мать их дери?!

Словно в ответ на мой вопрос оживают оба пулемёта левого фланга, а затем и правого. Веер пуль косит врага. Японцы не выдерживают. Они откатываются вместе со своими демонами, оставляя на поле боя раненых и убитых. Дьявольские их демоны тоже отступают назад, разочарованно шурша на грани нашего слуха. «Мы ещё встретимся, обязательно встретимся...» – чудится мне в их злобном шёпоте.

Неужели отбились? Сползаю на дно окопа и сижу совсем без сил, привалившись спиной к окопной стенке. Нательное бельё насквозь мокрое, да и мундир... Что же это за напасть, с которой мы столкнулись?^[8]

Снова перемещаюсь к пулемётчикам, на этот раз на правый фланг. Костин, Загретдинов, Яцко и Васильев. Костин и Яцко – из примкнувших к нам сибирских стрелков.

– Костин, с патронами как?

– Есть ещё малость запасец, вашбродь, – отвечает боец, продолжая возиться с пулемётом – прочищает затвор и пулеприёмник от грязи.

– А чего перестали стрелять в разгар боя?

– Стволы закипели, вашбродь. Спасибо, морячок наш водяной пособил, устроил нам собственный источник. – Костин кивает в угол окопа, где весело булькает небольшой родничок. – Вы уж передайте ему наше мерси.

– Обязательно.

Молодец водяной, сообразил, что водную преграду можно не только под ноги врагам бросить, но и пулемёты напоить.

За спиной стук копыт. Оглядываюсь. Шамхалов осаживает коня.

– Как вы, штабс-ротмистр?

– Вроде отбились.

– У соседей справа беда, японцы ворвались в окопы. Нужно помочь.

Нужно так нужно!

– Бубнов, ко мне!

Унтер подбегает, козыряет.

– Остаёшься за старшего. С половиной людей справишься?

– Бог даст, выдюжим, вашбродь.

– Вторую половину с лошадьми ко мне и два пулемётных расчёта – Жалдырина с Костиным.

– Есть!

Он убегает выполнять приказ.

– Фёдор! – окликаю Лукашина-младшего. – Давай сюда наши тачанки.

Фёдор понимающе кивает и тоже убегает. Кузьма приводит двух наших коней. Вскликаю в седло. Вокруг меня собирается ударная группа. Пулемётчики грузят свои «максимки» в пролётки.

– Слушай мою команду! Рысью – марш!

Шамхалов нас как бы возглавляет. А как с реальной субординацией на поле боя?

– Николай Михалыч, командуйте, вам сподручнее с вашими методами.

Ага, вот и ответ на мой незаданный вопрос.

Рысью вылетаем к окопам соседей справа. Да, дела тут скверные. Японцы уже в наших окопах, а по полю боя спешно подходят вражеские цепи. Командую тачанкам вести огонь по наступающим японцам, двигаясь вдоль линии окопов. А сам с бойцами спешиваюсь.

Спрыгиваем в окопы в самую гущу боя. Шашка в правой, револьвер в левой. В окопах противник упорный, они считают, что победа уже у них в руках. Однако две пулемётные тачанки наверху делают своё дело. Японцы отступают, оставив без поддержки тех, что уже ворвался в наши окопы. Кто-то ещё яростно отбивается, кто-то тянет руки вверх, сдаваясь на милость наших солдат.

Оглядываю разгорячённые успехом лица бойцов. Бросаю взгляд на Шамхалова.

– Будем радоваться или рискнём развить успех?

В глазах моего кавказского командира нескрываемый азарт.

– Рискнём! И пусть аллах поможет отчаянным.

– В атаку!

Часть бойцов помогают перетащить через линию окопов тачанки. Они мчат вперёд, мы бежим следом, преследуя отступающих японцев. Тачанки делают разворот, бьют в спины бегущему врагу, сея смерть и ещё большую панику. Японцы бегут так, что только пятки сверкают.

На их плечах мы врываемся во вражеские окопы. Сопротивления почти нет. Поле боя и первая линия вражеских укреплений – за нами. Переглядываемся с Шамхаловым. Силён соблазн продолжить удар и рвануть на следующую линию японских укреплений, но бойцы устали после двух отбитых атак и собственного успеха.

– Лучше вовремя остановиться, господин ротмистр, – отвечаю комэску на его незаданный вопрос. Лучше укрепиться на этих позициях, подтянуть подкрепление и с новыми силами развивать успех.

Шамхалов согласно кивает. Он скачет в тыл. Я оставляю на новых позициях тачанку Жалдырина с его вторым номером и половину своих бойцов, старшим оставляю старшего Лукашина, а сам возвращаюсь на свои позиции. Как там у Бубнова?

У Бубнова всё нормально.

– Японец хотел было в атаку рвануть, да передумал. Никак ваш удар у соседей, господин штабс-ротмистр, заставил его остановиться.

Здесь бы получить подкрепление да развить достигнутый успех.

Возвращается Элихманов, да не один – с Али Кули Мирзой. Подполковник бледен, но старается держаться в седле бодрячком. Интересно, выписали его из госпиталя или сбежал? Не удивлюсь, если сбежал.

Докладываю об обстоятельствах сегодняшнего боя и наших успехах. Перс благосклонно качает головой.

– Благодарю за службу, господин штабс-ротмистр. Я позабочусь, чтобы награды не обошли достойных.

– Господин подполковник, награды – это хорошо. Но гораздо лучше было бы развить успех. Я мог бы организовать ночную атаку на

вторую линию японских окопов. Японцы не будут ожидать нападения.

Подполковник мрачнеет.

– Это как-то не по-рыцарски, Николай Михалыч. Да и не принято ночью действовать.

– Рыцари остались в прошлом. Современная война требует новых приёмов – таких, которых противник не ожидает. А мы сторожим вчерашний день.

Фух, высказался. А с другой стороны, только беднягу подполковника расстроил – он и так делает что может.

К нам подъезжает Вержбицкий, осаживает коня, козыряет Али Кули Мирзе.

– Господин подполковник, только что поступил приказ генерала Куропаткина. Из-за угрозы флангового удара противника необходимо отступить на подготовленные оборонительные позиции.

Что?!

С трудом сдерживаю язык, чтобы не нарушить субординацию и не высказать Вержбицкому всё, что думаю об умственных способностях Куропаткина. Поляк то ли что-то почувствовал, то ли прочитал в моём взгляде. Смотрит на меня с ухмылкой.

– Господин штабс-ротмистр, хочу напомнить, что командующему стратегическая обстановка видна лучше, чем вам из своего окопа. Это вам здесь сопутствует успех, а на нашем правом фланге противник серьёзно вклинился в наши позиции, так что в некоторых местах пришлось отойти на третью линию окопов.

– Не надо приписывать мне тех мыслей, которые я не высказал, – одёргиваю я Вержбицкого.

– Тогда потрудитесь выполнить приказ командующего.

Вержбицкий картинно козыряет и скачет от нас прочь. Вижу по лицам Али Кули Мирзы и Шамхалова, что и их приказ Куропаткина не порадовал.

– Командуйте, Николай Михалыч, – машет рукой расстроенный подполковник. – Отходим. Вы слышали приказ.

Глава 23

Командующий нашим корпусом барон и генерал Штакельберг досконально выполнил приказ командующего армией Куропаткина – «...С превосходящими же силами не доводить дела до решительного столкновения и отнюдь не допускать израсходования всего нашего резерва в бою». Изначально Штакельберг планировал оборонительные бои на подготовленных позициях южнее Вафангоу. Обнаружив против себя всего две дивизии, он решил повести наступление левым флангом. (Наша бригада обороняла правый фланг.)

Ущерб, причинённый запасам снарядов моим рейдом, не помешал неприятелю: противнику удалось создать перевес по демонам и остановить наступление русских частей. Наш правый фланг японцы атаковали не только в лоб, но и устроили обходной манёвр. Несмотря на нашу довольно успешную контратаку с захватом первой линии вражеских позиций, удар противника в стык 35-го и 36-го полков сыграл свою роль – обозначилась угроза окружения, которого так боится Куропаткин.

Плюс мои коллеги-разведчики «зевнули» и обнаружили 4-ю японскую дивизию, которая двигалась, чтобы ударить нам в тыл, слишком поздно, чтобы можно было атаковать её без ущерба для основной оборонительной позиции.

Мы отходим на север вглубь Маньчжурии, сперва к станции Ванзелин, а затем и дальше. Задача по деблокированию осаждённого Порт-Артура не выполнена. Настроение мрачное. Депрессия такая, что никаких синигами не надо, чтобы возникло желание пустить пулю в лоб Куропаткину, Штакельбергу, а потом и себе. И толку от моего попаданчества? Что может изменить обычный командир разведки на полковом уровне? Убедить Куропаткина, что его опасливая (чтобы не сказать, трусливая) тактика – прямой путь к поражению? Послушает он простого штабс-ротмистра, как же...

Тем не менее на привалах строчу как заведённый рапорты на имя вышестоящего командования, вплоть до этого самого Куропаткина, с предложениями развернуть партизанскую войну малыми силами и с привлечением дружественных хунхузов на коммуникациях

противника. Пишу о необходимости придать этим командам большую мобильность, опираясь на собственный опыт использования тачанок и действия во вражеских тылах не пешим, но конным образом. Плюс повысить огневую мощь подразделения за счёт усиленного вооружения ручным автоматическим оружием и гранатами и перейти в остальном вооружении с «мосинок» на карабины.

Передаю рапорты вверх по команде, начиная с Шамхалова. Но реакции, кроме хмыкания и улыбок Шамхалова, на эти документы пока нет. Читает ли мои сочинения хоть кто-нибудь?

Может, и читают. Команда охотников до разведывательно-диверсионной деятельности под моим началом увеличилась до двух полноценных взводов – без малого сотня человек. Прибыли ко мне оставшиеся без командиров осколки чужих взводов, да так и остались. Подполковник Али Кули Мирза своим приказом узаконил нашу команду и ввёл её в штатное расписание полка. Это, пожалуй, единственная радостная весть после отступления от Вафангоу.

Мрачное настроение не только у меня. После очередных занятий по маскировке и боевому слаживанию ко мне заявляется целая делегация: Бубнов, ставший наконец старшим унтером, братья Лукашины, Жалдырин, которого я назначил старшим пулемётной команды и которому написал представление на квартирмейстера (это уже низший унтер-офицерский чин на флоте), Ипполитов, ещё бойцы. Велю Скоробуту обеспечить всех как минимум чаем, а желательно и каким-нибудь угощением.

Домовой расстарался: к чаю подал не только колотый сахар из моих запасов, но и местное китайское лакомство махуа – что-то вроде известного нам хвороста, сплетённого косичкой и посыпанного кунжутом.

– Ну, господа хорошие, – начинаю я, когда с угощением и чаем покончено, – в чем возникла нужда? Или обида есть какая?

– Нужды вроде как нет, вашбродь... – Лукашин-старший оглядывается на товарищей. – У вас, не считите за лесть, в отличие от многих других господ офицеров, как у Христа за пазухой. За дело, конечно, спрашиваете, и строго, но без дела к служивым не придираетесь и рук не распускаете.

Усмехаюсь:

– Но есть какое-то но, Тимофей? Так?

– Почто мы отступаем от япошек? Вроде труса не празднуем, пятки салом не мажем, чтобы шкуру свою спасти. Воюем за царя и отечество не за страх, а за совесть. Так может, среди генералов измена какая?

Ох, опасно вести с подчинёнными такие разговоры. История с Дзатоевым ещё не забылась. Начнёшь поливать начальство, дойдёт до него – враз окажешься в смутьянах и бунтовщиках. Надеюсь, стукачей среди моих ребят нет, но лучше не рисковать. Я на месте Дзатоева и других «рыцарей плаща и кинжала» держал бы в каждом подразделении одного-двух осведомителей. Чисто чтобы знать настроения в массах рядового и офицерского состава.

Вот что мне отвечать характернику, если я и сам во многом разделяю его мысли? А не ответить нельзя: если начну юлить, авторитет среди бойцов враз даст трещину. Была не была.

– Тимофей, вот ты, сидя в окопе, что видишь?

– Как враг на меня прёт. Сколько их на нас наступает – всех вижу.

– А что у соседей справа или слева делается, тоже видишь?

– Не вижу, да и когда мне? От вражин только успевай отбиваться.

Но то ваша задача, вашбродь.

– На уровне взвода или эскадрона – да. А на полковом уровне?

Тимофей чешет в затылке.

– А на полковом, пожалуй, это уже задача полкового командира.

– Но ты согласен, что он видит ситуацию иначе, чем ты да я?

– Согласен, пожалуй.

– А командующий как видит обстановку? Как орёл, что в высоте парит, так?

– Можно и так сказать.

– И ему виднее, где враг уловку может сделать или подловить нас на чём. Где он пушки поставил, которых мы с тобой не видим, или резерв ударный подготовил, чтобы в нужный час по нам ударить. Вот и не хочет командующий лишний раз рисковать, подставляться под угрозу окружения. Бережёт солдатиков.

– Вашбродь, – вмешивается в разговор Сорока, – а может, стоило рискнуть, ежели на кону прорыв к Порт-Артуру стоял? Осторожность – это хорошо, а когда она трусостью зовётся?..

– Трусостью? А ты знаешь, Сорока, за что у него «Святой Георгий» четвёртой степени?

Сорока отрицательно мотает башкой. Я и сам не знал, да было время для расспросов у товарищей офицеров.

– В походе на Коканд Алексей Николаевич со своей командой разведчиков и охотников числом до полуроты и сотни казаков ворвался в крепостцу Уч-Курган. А в Ахалтекинской кампании во главе штурмовой колонны ворвался в крепость Геок-Тепе и принудил врага к сдаче, за что получил «Святого Георгия» уже третьей степени. Трус или нет человек с двумя георгиевскими крестами?

– Не трус, – вынужден признать Сорока.

– А как военный министр Куропаткин добился отмены телесных наказаний для нижних чинов, ввёл чайное довольствие и походные кухни. Так что, братцы, не всё так однозначно.

Молчат, переваривают услышанное.

– А ежели командующий такой храбрец, отчего ж мы только и делаем, что отступаем?

И ведь нет у меня ответа на этот вопрос, ни с моим прошлым опытом – Алексея Шейнина, ни с нынешним – Николая Гордеева.

– Был такой римский император Марк Аврелий, – говорю я. – Так вот, он говорил: делай что должно, и будь что будет.

Выдерживаю паузу и добавляю:

– Думаю, что командующий ждёт подкрепления, чтобы получить существенный численный перевес над врагом. А когда подкрепление получим, новые пушки да боеприпасы, там и до наступления дело дойдёт.

Уходят успокоенные. А я остаюсь с тяжёлым сердцем: то, что Куропаткин был храбрецом в Туркестане, никак не отменяет его... не назову это трусостью, назову чрезмерной осторожностью. Как такое могло случиться с боевым и отважным офицером, специалистом по Востоку? Он воевал в Средней Азии, был в составе военной миссии у французов в Алжире, освобождал от турок Болгарию, снова воевал в Средней Азии, затем управлял Закаспийской областью, и, судя по отзывам, делал это неплохо: строил дороги, открывал больницы и русские школы, привлекал переселенцев из центральных губерний России. В конце концов, шесть лет был военным министром...

А не это ли ответ на мой вопрос? Из министерского кресла спланировал в кресло командующего армией в Маньчжурии. Обиделся на понижение? Или командование армией – не его конёк? Военный

министр и управляющий Закаспийской областью – больше административные должности. Его реальный командный потолок – начальник штурмовой колонны при штурме Геок-Тепе: одиннадцать с половиной рот, одна команда с ракетными станками и девять орудий с артиллерийскими расчётами – всего-то неполный пехотный полк. Достиг предела компетенции как командир? Или виной гиперответственность?

На посту министра он занимался (и успешно) армейским строительством, многое сделал для улучшения положения офицеров, кое-что и рядовому составу перепало. А война – это урон армии, любимому детищу. Вот и осторожничает? Пожалуй, стоит свести с господином Куропаткиным личное знакомство и составить собственное мнение, опираясь не только на чужие оценки и впечатления. Кого же из своих высокопоставленных знакомцев использовать для аудиенции у командующего? Николова? Персидского принца? Или сына бывшего военного министра?

На фронте затишье. Основной движ сейчас у Порт-Артура, но и там он какой-то вялый: наши обороняющиеся войска заняли позиции на перевалах, японцы со своей 3-й армией топчутся перед ними, не атакуя. Видимо, ждут подкреплений. Мы с Маньчжурской армией медленно пятимся на север к Лаояну – «отходим на подготавливаемые позиции», как объясняет командование. По мере отступления к нашим силам подходят подкрепления. Японцы неспешно наступают в том же направлении.

Через неделю после нашего отступления от Вафангоу наша эскадра под началом контр-адмирала Витгефта попыталась прорваться из Порт-Артура во Владивосток, но, заметив на горизонте дымы японцев, Витгефт решил не рисковать и вернулся обратно. На мой взгляд, это какая-то болезнь отечественного командования (не только в этом мире и этом времени) – потеря стратегической инициативы. А война на расслабоне победу приносит редко.

Гоняю своих в хвост и гриву, тем более что от пополнения кое-что обламывается и мне. Если бы занимался подготовкой в одну харю, давно бы уже сдох от перенапряжения. Но у меня, слава богу, есть надёжный костяк, который я гоняю сперва сам, а потом он уже гоняет новичков.

Моё подразделение (уж так складывается) – своеобразная сборная солянка из пехоты, драгунов и казаков. Охотники же. Старший Лукашин занимается казачьей частью пополнения, Бубнов гоняет в хвост и гриву драгун. Жалдырин, получивший лычки квартирмейстера, учит и дрючит пулемётчиков действовать со стационарной пулемётной позиции, с передвижной (с тачанок) и перемещая пулемёт вручную по ходу изменения обстановки в процессе боя.

Сороку я сделал инструктором по изготовлению и использованию гранат и самодельных мин: у парня кроме задиристого характера оказались меткая рука, отличный глазомер, а главное, смекалка как техническая, так и по части как и где лучше установить растяжку или прикопать мину.

Пару раз пытаюсь завести разговоры с Шамхаловым о судьбе моих рапортов. Но тот лишь вздыхает, разводит руками и уверяет, что исправно передаёт всё выше по команде. Потом понижает голос и предупреждает: Вержбицкий, по слухам, скорешился с Дзатоевым и строчит на меня доносы наверх.

Ну, с Дзатоевым понятно: не получилось сделать из меня японского шпиона, влетело от Николова по самые помидоры да ещё и с патефонными иголками без вазелина за развал контр разведывательной деятельности в полку. А что неймётся пану адъютанту? Или просто гонор в нём говорит?

В конце беседы Шамхалов смотрит на меня со странной улыбкой.

– Николай Михалыч, вам завтра следует прибыть в штаб бригады.

– А на предмет? Шею мыть под награды или что пониже готовить под пистоны с орехами?

Шамхалов неопределённо разводит руками.

– Если бы вызывали в штаб полка, я бы предупредил. А так – не мой уровень.

Возвращаюсь к себе, а меня уже ждут Тимофей Лукашин с братом. Какой-то их дальний родственник прибыл с пополнением в нашу бригаду, так вот нельзя ли пристроить хлопца в нашу банду? Ну отчего же не пристроить, ежели Лукашины поручатся за него, что казак из парнишки справный и в бою не подведёт. Оба брата – характерник и оборотень – спешат уверить, что всё будет как надо. А

ежели их родич в чём провинится, так они сами с него три стружки спустят.

Предлагаю Лукашиным воспользоваться завтрашней оказией и лично скататься со мной за их родственником. Решаем, что обоим братьям там делать нечего, так что со мной поедет Лукашин-младший.

Наутро выдвигаемся в путь втроем: с нами увязывается Скоробут. А куда ж мне без ординарца?

Штаб полка и штаб бригады разместились в небольшом китайском городке Дашицао, главное достоинство которого – стальная нитка КВЖД, обеспечивающая логистику Маньчжурской армии. После примерно часа конной прогулки мы с Кузьмой и Фёдором подъезжаем к штабу бригады. В городке чувствуется оживление, связанное с приходом очередного пополнения. Офицеров и солдат распределяют по конкретным подразделениям и размещают на постой.

С одного из подворий слышится громкое ржание, распахиваются ворота, и оттуда с диким взглядом лиловых глаз вылетает здоровенный жеребец, на котором сидит крупный зеленокожий самый настоящий тролль с остроконечными ушами, острыми зубами и копной светлых волос на голове. Судя по морде и глазам, тролль изрядно накушамшись горячительного. Тролль бросает на нас несколько остекленевший взгляд.

С подворья выбегает драгун.

– Господин барон! Вашскородь! Да что ж вы так? Не срамитесь!

– В наготе срама нет! – рявкает тролль-барон. – Это есть средство устрашения противника!

Зеленокожее высокородие бьёт своего скакуна пятками и скрывается в конце улицы, окутавшись клубами пыли. Драгун смотрит ему вслед и тяжело вздыхает.

– Скажи-ка, братец, кто это был сейчас?

Интересно же.

Драгун разворачивается ко мне, козыряет.

– Подполковник барон Карл Густав фон Маннергейм, вашбродь.

Смотрю на погоны драгуна. Да это ж из нашего полка.

– Ты ж из наших? Пятьдесят второй драгунский?

– Так точно, вашбродь. Рядовой Дорофеев, ординарец господина барона.

Так мы с троллем сослуживцы. Ну, стало быть, увидимся.

Едем дальше. Поворачиваюсь к Лукашину-младшему.

– Фёдор, давай за своим родичем. Как, кстати, его звать-величать?

– Будённый Семён, Михайлов сын. Он казак справный. Ещё в девятисотом, когда в Платовскую приезжал тогдашний министр Куропаткин, перед ним устроили показательную рубку лозы, так Семён и в рубке чучел, и в рубке лозы всех обошёл и к финишу пришёл первым. Его высокопревосходительство наградил Сеньку серебряным рублём.

Опаньки... Густо-то как. Мало мне на сегодня Маннергейма, будущего маршала независимой Финляндии, так ещё и будущий маршал Будённый...

– Короче, Федь, бери своего Семёна, потом найдёшь Кузьму у штаба полка. А я – в бригаду.

Настроение кислое: предчувствую встречу с Вержбицким. Бригадный адъютант не преминет какую-нибудь гадость учинить. Ну да ладно.

Вхожу в приёмную, докладываю: мол, штабс-ротмистр Гордеев по вызову прибыл в штаб бригады. Вержбицкий сухо кивает, заходит в кабинет к командиру бригады генерал-майору Степанову доложить о моём прибытии. И тут же приоткрывает дверь.

– Входите, штабс-ротмистр.

Захожу, докладываюсь. Командир встаёт мне навстречу, жмёт руку.

– Поздравляю, ротмистр, с орденом Святой Анны четвёртой степени.

Офигеть... Дослужился. Степанов пожимает мне руки, протягивает бумаги. А орден? Спрошу Вержбицкого.

Как можно любезнее и ссылаясь на проклятую амнезию, прошу поляка прояснить мне несколько моментов. Вержбицкий, попав в хорошо знакомую ему тему, разливается соловьём: мой орденский знак четвёртой степени предполагает помещение миниатюрного орденского знака на эфес моей офицерской шашки, а сам темляк шашки делать цветов орденской ленты – красный муар с узкими жёлтыми полосками по краям.

Что радует, награждение орденом гарантирует мне прибавку к пенсии в полсотни рубликов в месяц. Что огорчает, приобретение знака

– за свой счёт, плюс необходимо уплатить на благотворительность в капитал ордена сто рублей. Это прямо серьёзный удар по кошельку.

– Господин ротмистр, – ехидно ухмыляется Вержбицкий, – в нашей бригаде принято проставляться за награду.

– Где и как удобнее это сделать? – интересуюсь я в ответ.

– В офицерском собрании. Сегодня как раз будет сбор господ офицеров.

– Тогда до вечера.

Коротким кивком прощаюсь с Вержбицким, он отвечает мне тем же.

А вечером в офицерском собрании меня ждёт смертельный сюрприз.

Глава 24

Самый больной вопрос в моём положении – это деньги. Сказать, что у меня пустые карманы, – всё равно, что ничего не сказать. Практически все нововведения в моей почти роте делались на мои же финансы.

Как жаль, что мой папа не банкир!

Кстати, я так толком и не удосужился выяснить о своей семье. Ещё и поток писем из дома как отрезало. Даже странно: судя по архиву, раньше мне приходило по письму в неделю, а тут – всё, ручей иссяк. Наверное, сам виноват, надо было хоть что-то написать в ответ. Черканул бы пару строчек: дескать, так, мол, и так... С меня не убудет.

Итак, деньги... Кто бы дал займы до будущей зимы? Забывать не нужно. Сдохну, но верну до копеечки. Кто в полку сидит на бабках?

Верно, полковой казначей. Сейчас его обязанности выполняет пожилой одутловатый капитан Истомин.

На последние покупаю бутылку хорошего коньяка и заруливаю к капитану. Тот на удивление быстро входит в моё положение, да и коньяк помогает срезать возможные острые углы.

Истомин отсчитывает мне пухлую пачку купюр.

– Вот, копил, чтобы домой отправить. У меня дочка растёт, замуж скоро, нужно хорошее приданое. Кстати, вы, Николай Михалыч, если не ошибаюсь, в холостяках изволите пребывать?

Я вздрагиваю. Про дочку Истомина мне уже довелось слышать. Если верить господам офицерам, там такой ужас-ужас, что всех денег на свете не хватит, чтобы взять её в жёны. Несчастный отец кому только её ни пытался сосватать в нашем полку, но желающих связать себя с ней узами брака так и не нашлось.

– Временно, – натянуто улыбаюсь я. – Меня ждёт невеста. Мы договорились сыграть свадьбу сразу после победы над японцем.

– Жаль, очень жаль! – вздыхает Истомин.

Сговариваемся, что деньги ему буду возвращать по частям. Разумеется, без процентов. Пишу расписку и отбываю восвояси.

Гулять так гулять. Узнаю, где в городе самый приличный ресторан и отбываю договариваться насчёт банкета в полковом офицерском

собрании.

Управляет заведением жизнерадостный пухляк по фамилии Куперман. Одного взгляда на него хватает, чтобы понять: сейчас с меня состригут всю «шерсть», ничего не оставят – уж больно пройдошистый вид у ресторатора. Но сдавать назад уже поздно.

Куперман с ходу понимает, что мне нужно, кивает и сразу приступает к делу.

– Не извольте сомневаться, господин офицер, всё будет по высшему разряду, – заверяет он. – Меню и напитки я беру на себя. Можете мне довериться, у меня большой опыт, – подмигивает Куперман, а затем приглушает голос: – Что скажете насчёт девочек? Вдруг господам офицерам станет скучно, а у меня первоклассные девочки. – Он даже причмокивает толстыми губами. – Вот, полистайте альбом. Вдруг заинтересует.

Я решительно откладываю альбом в сторону. Только проституток мне ещё не хватало в офицерском собрании.

– Зря отказываетесь! Девочки что надо, есть даже парочка французенок и одна мулатка. На неё всегда большой спрос.

Отрицательно мотаю головой.

– Нет так нет, – легко соглашается Куперман. – Тогда мой вам совет: закажите Веру Жемчужную. Господа офицеры обожают романсы в её исполнении.

Ну что ж... хоть какая-то культурная программа. И хоть сам я не любитель романсов (от них меня тянет в сон), оплачиваю небольшой сольный концерт Жемчужной. Может, выплусь...

Покончив с оргвопросами по предстоящему сабантую, возвращаюсь к штабу полка, где меня ждут Кузьма, Лукашины и их знаменитый в будущем родич. Легендарного краскома товарища Будённого узнаю сразу; правда, усы его пока не столь впечатляют размерами, как на фотографиях и портретах советского времени. Совсем ещё молодой парень, черноусый и чернобровый, в лихо сдвинутой набекрень фуражке-бескозырке, из-под которой торчит густой казацкий чуб.

Будённый представляется как положено, по уставу. Уже сейчас чувствуется, что парень далеко пойдёт. Про таких обычно говорят – толковый боец.

Оба Лукашина довольны родственником.

– Справный казак, не пожалее! – хвалит Фёдор. – Возьмёте в наш взвод, вашбродь?

– Возьму, – улыбаюсь я. – Как такого не взять!

Фёдор довольно хлопает Семёна Михайловича по плечу.

Быстро решаю вопрос с переводом его ко мне в строевой части полка. Тут ещё не знают, с каким золотым самородком имеют дело, поэтому подмахивают все бумаги без скрипа. Ну вот, теперь под моим началом ходит будущий маршал Советского Союза. Ответственность высока, мне теперь придётся хранить его как зеницу ока.

Вечером в начищенном мундире отправляюсь в офицерское собрание. К моему удивлению, вижу здесь не только сослуживцев, но и офицеров из других полков.

К назначенному времени двери распахиваются, господ приглашают войти внутрь. Куперман молодец, расстарался на пять: столы накрыты, между ними бабочками порхают официанты.

Больше всего меня радует появление подполковника Али Кули Мирзы, правда, вид у него по-прежнему нездоровый. По правую руку от командира полка восседает уже знакомый мне тролль Маннергейм, он полон энергии, которая просто хлещет через край. Отношение к будущему президенту Финляндии у меня двойное: до революции – искренний монархист, храбрый и талантливый офицер. Наверное, таким бы и остался, не пройди тот самый водораздел сначала в феврале, а потом в октябре тысяча девятьсот семнадцатого.

А потом... Потом было прямое участие в блокаде Ленинграда, в которой погибли мои родные по маминой линии.

Барон ловит на себе мой взгляд, удивлённо смотрит в ответ и что-то шепчет на ухо подполковнику. Али Кули Мирза улыбается и встаёт, поднимая бокал шампанского.

– Господа офицеры, по праву старшего я открываю сегодняшнее офицерское собрание нашего полка. Тем более у нас сегодня прекрасный повод для этого события: наш сослуживец, штабс-ротмистр Гордеев получил высокую награду – орден Святой Анны четвёртой степени! Предлагаю поздравить и выпить во славу русского героя! Господин штабс-ротмистр!

Звенят бокалы. Следует моя ответная речь, звучат всё новые и новые тосты. Когда выпили за прекрасных дам, которых волей войны нет с нами, на небольшой эстраде появляется томноокая певичка в

обтягивающем струящемся платье и под перебор гитарных струн затягивает популярный в офицерской среде романс. Внимание окружающих сразу переключается на Веру Жемчужную, обо мне быстро забывают, и я снова чувствую себя в своей тарелке.

После официальной части подполковник Али Кули Мирза покидает нас, сославшись на плохое самочувствие. На прощание он пожимает мне руку.

– Вы достойный офицер, штабс-ротмистр! Уверен, это не последняя ваша награда.

Во время паузы и перемены блюд я случайно оказываюсь возле Маннергейма. Тот успел хорошо принять на грудь, его лицо покраснелось.

– Николай Михалыч, примите и от меня лично поздравление со столь высокой наградой, – произносит он.

Барон высокий, на полголовы выше меня, очень стройный и подтянутый, сразу чувствуется прежняя служба в кавалергардах. Во время ходьбы он слегка прихрамывает – несколько лет назад породистая кобыла показала свой норов и разбила ему коленную чашечку.

– Большое спасибо, Густав Карлович. Для меня это большая честь, – раскланиваюсь я.

– Командир полка сказал, что вы постоянно что-то изобретаете и пытаетесь внедрить в войсках, – продолжает проявлять свой интерес ко мне Маннергейм.

– Пытаюсь по мере сил. Правда, если в полку мои начинания приветствуются, дальше начинается просто какая-то заколдованная стена, которую просто невозможно пробить, – вспоминаю о наболевшем я.

Маннергейм усмехается.

– Знаете, в этом мы с вами похожи: несколько лет назад, когда проводились испытания новых бронированных карет для императорской семьи, я тоже пытался внести скромный вклад – предложил поставить кареты на пневматические шины.

– И каков результат?

– Как и у вас – меня проигнорировали.

Я понимающе вздыхаю. Да уж, непросто внедрять новые веяния в России...

Нас окружают офицеры. Меня, как виновника торжества, заставляют выпить огромный фужер с вином. Отказаться нет ни малейшей возможности. Под гром аплодисментов опустошаю кубок. Вино тут же даёт в голову, но я делаю хорошую мину при плохой игре: улыбаюсь, шучу, раскланиваюсь и завожу новые знакомства. Настроение разыгрывается, в конце концов, награда заслуженная, а я имею право на отдых.

Сам не понимаю, в какой момент на моих коленях оказывается певичка. Понимаю, что девяносто процентов её красоты – результат умело наложенной косметики, а остальные десять – действие алкоголя, но мне хорошо, я обхватываю Веру за талию, шепчу на ушко скабрзные шуточки и с удовольствием чувствую, как мякнет её податливое тело. Мой взгляд полностью погружён в её глубокое, словно Марианская впадина, декольте.

На какое-то время мы с Верой уединяемся, я ворча снимаю с неё целый ворох одежды, словно листья с кочана капусты. Это сравнение кажется мне смешным, я хохочу, и тут же мой рот затыкают её влажные губы. Оказывается, наша артистка не только прекрасно исполняет чувственные романсы, она чудо как хороша и в другом искусстве.

Убедившись в этом, я возвращаюсь в офицерское собрание. Здесь осталась самая стойкая часть. Как-то само собой получается, что я снова сижу возле барона, подливаю ему вино и слушаю его излияния «за жисть».

– Я специально просился, чтобы меня перевели на фронт, сбежал сюда от бывшей жены и любовницы. И представляете себе, вместо участия в боевых действиях меня, русского офицера, отправили в резерв! И это в непростые для Отечества дни!

Подталкиваю ему бокал.

– Густав Карлович, выпьем!

– За что?

– За победу, конечно!

Он поднимается и торжественно пьёт. Следую его примеру.

Ещё через бутылку Маннергейм начинает проситься вместе со мной в рейд.

– Ты бы знал, Николай, как мне всё надоело! Как я хочу вместе с тобой ударить по тылам япошек, рубить их в пёси, крушить в хузары!

Возьми меня с собой на следующую операцию, а?

– Так я б с большим удовольствием, но...

– Никаких но, Николай! Мы ведь с тобой повоюем?

– Повуюем!

– Тогда пьем за совместный рейд!

– Пьем!

Меня вышибает из реальности. Очухавшись, с удивлением вижу, что держу возле виска револьвер, а указательный палец лежит на спусковом крючке.

– Ваш черёд, штабс-ротмистр, – противно улыбается Вержбицкий. Ухмыляюсь и нажимаю на пуск. Щёлк...

– Моя очередь! – нетерпеливо отбирает револьвер Маннергейм.

Твою в душу мать! Мы что, в русскую рулетку играем?! И как давно?

Снова сухой щелчок, и разочарованный барон опускает руку.

– Даже не знаю, что сказать, господа: повезло мне или нет...

– Круг закончен! – объявляет кто-то, и в нём я, к своему удивлению, узнаю ординарца Кузьму.

Тот ухмыляется во все тридцать два зуба и тихо бурчит под нос:

– Ещё б не повезло, коль я охолощённый патрон в барабан вставил.

– Хитрец! – грожу пальцем ординарцу, но зла на него не держу.

Всё правильно тот сделал, не хватало ещё, чтобы кто-то из сослуживцев со скуки сам вышиб себе мозги.

Русской рулеткой сюрпризы не заканчиваются.

– Господа, а давайте сыграем в «кукушку»? – предлагает пьяный в доску Вержбицкий.

Звучат одобрительные голоса.

– Кто будет куковать?

– Штабс-ротмистр, виновник сегодняшнего куте... торжества, – икнув, говорит один из офицеров.

Ну да, резонно, я их поил-кормил, на мне и развлекательная программа. Вот только познания об этой игре у меня исключительно из старого советского фильма «Гори, гори, моя звезда» с Олегом Табаковым в главной роли.

Приступ здравомыслия охватывает меня на секунду, но уже поздно: начну отказываться – сочтут трусом.

– Хорошо, господа, – обречённо говорю я.

По опущенному взгляду Скоробута понимаю: при всём желании подменить все патроны на холостые у него не получится. Значит, игра будет всерьёз. Охотники опрокидывают ещё по стопочке, я отрицательно мотаю головой.

Само собой, здание офицерского собрания для «кукушки» не годится. Идём на край города, где есть подходящий амбар. По дороге холодный воздух выветривает из меня остатки хмеля. Вержбицкий даже не прячет злорадную усмешку. Сдаётся мне, недруг намерен сполна использовать выпавший ему шанс. Жаль, «кукушка» по правилам не может обороняться...

В амбаре, как положено, темно так, что не видно ни зги, даже повязки на глаза надевать не нужно. Всего игроков пятеро: четверо «охотников» с полным барабаном патронов в револьвере и я.

Меня ставят в центре амбара, охотники разбредаются по углам. Ощущение дурацкое, я готов провалиться под землю от стыда.

– Кукушка? – первым не выдерживает Вержбицкий.

– Ку-ку! – говорю я и бросаюсь на пол.

Над головой гремят выстрелы.

– Ку-ку!

Бах! Ба-бах! – дважды спускает кто-то крючок.

– Ку-ку!

Перекат, в темноте налетаю на что-то острое, спину пронзает боль.

Бах! Бах! Фьють!

С грохотом обрывается и падает невидимая полка.

Сколько патронов осталось у игроков? А хрен знает... Некогда было считать. Из последних сил лавирую, пытаюсь предугадать, куда ударит пуля. Костерю себя последними словами за дурость. Лучше б в карты в дурака поиграли...

Ох ты ж блин! Меня таки слегка задело: пуля по касательной прошла у правого бедра. Вроде ничего серьёзного, царапина, но она напомнила, что в любой момент прилетит и другая пуля.

– Господа, я всё!

– Я тоже отстрелялся!

– Пуст...

Трое игроков отчитались, опустошив барабан. Вержбицкий, гад, молчит.

– Ку-ку!

Всем телом с напрягом жду пули, а её всё нет и нет.

Бросаюсь в противоположную сторону.

– Ку-ку!

Тихо.

– Ку-ку, штабс-капитан, твою мать!

Бах!

До меня доносится грязное ругательство Вержбицкого.

– Последний патрон...

Утираю рукавом пот. Не думаю, что игра длилась долго, но каждая секунда стоила мне уйму потраченных нервов.

Двери амбара растворяются, впуская патруль.

– Что здесь происходит?! – недовольно рявкает старший.

– Небольшое развлечение, – улыбается Вержбицкий.

– Ничего себе развлечение! Из-за вас по тревоге роту подняли: думали, японцы прорвались! – злится офицер из патруля.

Конфликт улаживает вовремя появившийся Маннергейм. Погоны подполковника оказывают магическое действие на патрульных. Они козыряют и уходят.

Маннергейм восхищённо протягивает мне руку.

– Вы показали себя храбрецом, ротмистр. Надеюсь, вы помните, что обещали взять меня в ближайший рейд?

С удовольствием откликаюсь на его рукопожатие.

– С огромным удовольствием, господин подполковник. Надеюсь, и вы мне поспособствуете...

– Это чем же? – удивляется он.

– Хотя бы поможете продвинуть мои рапорты. Хочется, чтобы они легли на стол кому надо, а не сразу попадали в корзину.

– Употреблю все свои связи. Но на многое не рассчитывайте, Николай Михалыч. Наша военная машина тяжела и неповоротлива и очень не любит всё новое. Впрочем, так везде.

Эту ночь я провожу в апартаментах певички. Её и в самом деле зовут Верой. Утром она продолжает нежиться в постели, а мне уже пора возвращаться в расположение взвода.

Лукашины, Кузьма и Будённый ждут меня на улице. После ночных игр, особенно тех, что в амбаре, я чувствую себя слегка не в себе, голова раскалывается, тело болит, но стоит оказаться в седле, и я забываю обо всём. Кузьма посматривает на меня с ухмылкой: он лучше всех осведомлён о моих вчерашних подвигах.

Внезапно будущий маршал ровняет своего коня с моим. С утра кончики его усов задорно топорщатся вверх.

– Вашбродь, разрешите обратиться?

– Обращайся, – любезно разрешаю я.

– Мне тут родственнички рассказали про вашу придумку... – сбивчиво излагает он.

– Какую?

– Про тачанки.

– Ну и?..

– Здорово придумали, вашбродь. Вот бы в каждой роте на усиление по такой... Это ж как здорово мы бы япошке хвост прищемили! – восторгается он.

Не могу сдержать улыбки. Совсем ещё молодой – сколько ему? чуть только за двадцать перевалило, – а уже начинает мыслить стратегическими масштабами. Полководец растёт.

Глава 25

Лошадь – животное пугливое. Громких выстрелов боится. А уж пулемётных очередей... Значит что? Надо приучать.

Драгунская лошадь, как и другая войсковая коняшка, к стрельбе приучена, осталось только выработать у наших четвероногих скакунов привычку к пулемётной пальбе. Вот этим и занимается Будённый, быстро ставший неформальным лидером нашей мобильной пулемётной команды. У Семёна не только усы оказались выдающимися, но и какое-то звериное чутьё на коней и умение с ними договариваться.

Первым делом интересуюсь у Лукашиных: не демон ли какой их сродственник? (Хотя я и видел своим новым зрением, что демонической магии в Будённом, в отличие от Скоробута, Бубнова или тех же Лукашиных, нет.)

Братья переглядываются, пожимают плечами.

– Не должон, мы бы о том слышали от родни.

А не подкатить ли с тем же вопросом к самому Будённому? Тот как раз тренирует лошадиные упряжки на привычку к пулемётной пальбе. Жалдырин палит из пулемёта холостыми, а Семён держит лошадей за узду, оглаживает им морды да шепчет что-то в уши. А может, и не шепчет, а дует – за пулемётным стрёкотом не разобрать.

С моим появлением тренировка прерывается. Жалдырин доливает в ствол прохладную воду для охлаждения «максимки», набивает новые ленты холостыми патронами, Будённый скармливает лошадам яблоки и морковь.

На мой вопрос молодой казак улыбается, чешет затылок.

– Вашбродь, доподлинно не знаю, но дед рассказывал, что был цыган в нашем роду.

– Как так? Ты ж казак.

Из рассказа Семёна выходит, что лет сто назад в окрестности их хутора Козюрин прикочевал цыганский табор. И была в том таборе цыганка-красавица Луминица. Никто лучше неё не мог с конями управляться: то ли слово знала воробьиное заветное, то ли дар имела. Самого горячего необъезженного жеребца могла успокоить и заставить

под седлом ходить. Родилась бы парнем, великий конокрад был бы у цыган, а так лекаркой лошадиной стала.

И вышла у Луминицы любовь с удалым казаком – предком Будённого. Такая любовь, что только в песнях поют. И всё у Луминицы с казаком было – и горячие поцелуи, и жаркие ночи в стогу. Вот только не хотели цыгане отдавать свою за казака. Откочевали спешно, снявшись всем табором.

А через год на хутор пришла Луминица. Ни следа от прежней красоты – измождённая, худая, почти в беспамятстве. Не одна пришла, с мальчонкой трёхмесячным. Понял казак, что это его сын. И рад был бы обвенчаться с любимой, да больная она уже была, в несколько дней сгорела. А мальчонку выносили, казак его своим сыном признал. И теперь у Будённых в роду тот конский дар проявляется.

Слушаю Семёна – ну чисто сериал из моего мира посмотрел, серий так на триста. А будущий маршал дальше меня удивляет.

– Дозвольте, вашбродь, соображениями поделиться.

– Дозволю. Делись.

Сперва Семён начинает задвигать о тактике. Мол, на ходу прицельную стрельбу с тачанки вести несподручно: на полном скаку (а на ровном поле тачанка могла разогнаться и до сорока километров в час – лично замерял, не всякое современное авто за ней угонится) пулемёт нещадно трясёт. А если медленно ехать, чтобы уменьшить тряску, тачанка с лошадьми превращается в удобную цель для вражеского огня.

Вот и получается, что пока тачанка – лишь способ быстрой доставки пулемёта в удобную точку, откуда уже с неподвижной позиции ведётся стрельба по врагу. И лучше всего выдвигать тачанки по флангам и оттуда рубить противника в капусту.

– А что, если бронировать тачанку? Защитить расчёт металлическими листами?

– А лошадей? Их-то как от пуль защитить?

Чувствуется, что за четвероногих друзей Семён переживает поболее, чем за самих пулемётчиков.

– Ну, четыреста лет назад лошадей в специальные доспехи заковывали, такие пулей не враз прошибёшь.

– А долго ли лошадь в таких доспехах проскачет с тачанкой, да ещё и бронированной?

Теперь уже я чешу затылок. Наши драгунские части в конном походе движутся со скоростью около шести километров в час, это когда шагом. Строевой рысью – десяток километров в час. Но чаще используется переменный аллюр – десять минут шагом, пять минут рысью, чередуя аллюры друг с другом. Так можно двигаться довольно длительное время, часов шесть-семь, давая лошадям роздых. В сутки получается максимум километров шестьдесят. С тачанками будет несколько медленнее. А если ещё утяжелить тачанки и лошадей бронёй... И где взять столько металла? А если?..

Описываю Будённому ламеллярный кожаный доспех – кожа доступнее и легче металла. А хорошо изготовленная кожаная броня может неплохо защитить и от пули, особенно если чередовать слой жёсткой, вываренной в масле кожи, и слой сырой, вязкой.

На нашу «усиленную команду охотников» – фактически вдвоенный разведвзвод – приходится четыре «максимки». А если на повозки посадить ещё и вооружённых ручными пулемётами бойцов? Стоп, стоп! Что-то нас с будущим маршалом заносит. Зачем бойцу с ручным пулемётом тачанка? Он и на обычном драгунском скакуне может передвигаться.

Аппетиты Будённого я этим несколько умерил, но чувствуется: будущий маршал просто загорелся идеей создать ударную часть из одних тачанок. С одной стороны, это сделает войну мобильной, а с другой – даже у бронированных тачанок не хватит силёнок атаковать укрепленные позиции с окопами полного профиля, дотами и заграждениями из колючей проволоки.

Но энтузиазм Семёна Михалыча увлекает и меня. Представляю себе рейд тачанок по японским тылам. Главное – прорваться через линию фронта, а там нам сам чёрт не брат. Но сам я такие вопросы решать не могу: не в моей компетенции. Хотя ничто не мешает написать соответствующий рапорт и отправить его начальству.

О, да к нам целая делегация! Строю подчинённых перед приближающейся конной группой командиров. Кроме комэска и персидского принца целая делегация – Ванновский, Маннергейм и Вержбицкий, будь он неладен.

Докладываю о ведущихся занятиях мобильной пулемётной команды.

– Николай Михалыч, вы не будете возражать, если мы поприсутствуем? – интересуется Ванновский.

– Почту за честь, Сергей Петрович.

Даю отмашку. Под грохот холостых очередей четыре тачанки мчатся по полю, демонстрируя перестроения для ведения разного рода огня – с колёс при наступлении, вдоль линии вражеских окопов и при отходе, – а также перемещения с последующим ведением огня с различных позиций: фланговых, фронтальных и так далее. Будённый ловко командует перестроения с помощью слегка изменённой под наши задачи флотской сигнальной азбуки – машет соответствующие комбинации разноцветных флажков с борта командирской тачанки.

– Впечатляет, – усмехается Ванновский, когда грохот выстрелов наконец смолкает.

– И идея с использованием флажкового семафора для отдания команд весьма кстати, – добавляет свои пять копеек Али Кули Мирза.

Вержбицкий наклоняется к уху полковника, что-то шепчет. Ванновский кивает. Мне это определённо не нравится. Никак штабс-капитан опять что-то затеял? Так и есть!

– А что по части результативности стрельбы?

– Легко, господин полковник.

Даю команду своей конно-пулемётной команде заменить холостые патронные ленты на боевые. Над окопами, изображающими вражеские позиции, поднимаются щиты с мишенями. Украдкой показываю Будённому кулак. Впрочем, он и сам осознаёт ответственность момента и даёт накачку остальным пулемётчикам и возницам.

К грохоту очередей теперь прибавляются стук пуль о дерево, а также летящие от щитов-мишеней во все стороны щепки.

Высокая комиссия тщательно осматривает мишени, от которых остались фактически рожки да ножки. Впечатлён даже Вержбицкий.

– Что ж, господа, – Ванновский оглаживает усы, – Николай Михалыч доказал нам, что не зря жжёт боеприпасы. Его задумка выглядит весьма эффективной. Думаю, стоит попробовать внедрить её в войсках, хотя бы в порядке эксперимента в вашем полку. При ближайшей возможности доложу командуящему.

– Прошу прощения, господин полковник, – влезает Вержбицкий. – Пока она выглядит скорее эффективной. Об эффективности можно будет судить по результатам ближайшей атаки на вражеские позиции.

– Я планировал использовать отряд штабс-ротмистра для разведрейда в ближайших вражеских тылах.

– Можно совместить, господа, – встречаю я в разговор, который напрямую касается меня и моих людей. – Если совместить атаку с последующим пересечением линии фронта. По-иному нам тачанки на ту сторону не перетащить.

– Хотите взять такое мощное огневое средство в обычный разведрейд? Не будет ли это как из пушки по воробьям? – любопытствует Маннергейм.

– А если совместить разведку с диверсиями? Глубокий рейд по японским тылам. Тут тачанки будут в самый раз. И лошадей можно будет взять с собой для остальных бойцов.

– Нам будут нужны оперативные данные о расположении укреплений противника и сосредоточении их частей в прифронтовой полосе, – недовольно морщится наш комполка. – Если вы уйдёте в дальний рейд, какой смысл от вашей разведки, Николай Михалыч?

– Можно использовать почтовых голубей.

– Ближайшая голубиная станция в Порт-Артуре, но тамошние голуби натренированы доставлять сообщения в Леоянь и Чифу. К тому же все они задействованы для связи с осаждённым городом.

– Местный купец Цянь использует голубей для связи со своими приказчиками в соседних уездах. Полагаю, будет несложно договориться с ним об использовании его птиц.

Ванновский переглядывается с Али Кули Мирзой. Прямо вижу, как шевелятся извилины под их фуражками.

– А как вы намереваетесь преодолеть линию вражеских окопов с этими своими пулемётными телегами? – подпускает сарказма Вержбицкий.

– Использую переносные деревянные мостки – три доски, сколоченные между собой поперечными планками. Двух довольно для преодоления подобного препятствия для одной тачанки.

– И у вас они, разумеется, уже имеются в полном комплекте?

Чувствую скрытый подвох в новом вопросе поляка.

– Нет. Но их изготовление не займёт много времени.

– Сколько понадобится времени на подготовку, Николай Михалыч? – спрашивает Ванновский.

– Три дня, – прикидываю я.

– Вы же говорили, что изготовление этих ваших мостков не потребует много времени? – корчит недовольную физиономию Вержбицкий.

– Потребуется время на слаживание взаимодействия бойцов при пересечении линии окопов. Да и договориться с китайским купцом о его почтовых голубях тоже потребует времени, – излагаю я.

Маннергейм поворачивается к Али Кули Мирзе.

– Могу я напроситься в рейд с господином штабс-ротмистром?

– Мне бы тоже хотелось испробовать себя в настоящем деле, – неожиданно встречается в разговор Вержбицкий.

– Это, господа, уж как господин Гордеев решит, – разводит руками персидский принц.

Если компании тролля я искренне рад, то присутствие в рейде зловредного поляка энтузиазма во мне не вызывает – ну никакого.

– Господа, я не против. Но в рейде у отряда один командир, остальные беспрекословно выполняют его распоряжения и приказы вне зависимости от чинов.

– Согласен. – Маннергейм жмёт мою ладонь своею ручищей.

– Не имею возражений. – Вержбицкий пижонски щёлкает каблуками, сопровождая движение коротким кивком.

– Тогда возражений не имею.

А что остаётся?

Мостки сколотить успели – по три комплекта на каждую тачанку. С купцом о голубях договорились, на время рейда непосредственную заботу о пернатых эсэмэсах взял на себя мой ординарец: домовый неплохо умеет договариваться с мелкой домашней живностью. Правда, цену купец Цянов, как он сам себя именует на русский манер, запросил невероятную – сто рублей золотом. Сам бы я не потянул, но тут платит казна, так что можно не переживать.

От ежедневных многочасовых занятий, к которым я не без удовольствия привлёк в качестве новобранцев Маннергейма и Вержбицкого, осталось даже немного времени, чтобы встретиться с местным кожевником и обрисовать ему задачу изготовления противопульной брони для тачанок и лошадей по принципу кожаного ламеллярного доспеха.

Признаюсь, Вержбицкий меня несколько удивил. От его обычного ехидства и сарказма почти не осталось следа. Штабс-капитан тянул

тренировки наряду со всеми остальными и даже согласился переодеться на время рейда в наши «маскхалаты» по типу «леший».

И вот мы готовы к выступлению. Тачанки хоть сейчас в бой: рессоры проверены, ступицы смазаны, пулемётные ленты набиты патронами. Бойцы вооружены до зубов: у каждого помимо карабина ещё и по револьверу (для увеличения огневой мощи), у всех запас ручных гранат. Все в маскировочных накидках, рожи размалёваны почище чем у некоторых демонов.

Шведско-финский тролль и Вержбицкий не выделяются из общей массы. В глазах Маннергейма искрится азарт. Да и у саркастичного поляка проглядывает искреннее любопытство.

Смотрю на карманные часы. В японских окопах, не ожидая дурного, кашевары разносят самураям пайки: рис, маринованные сливы, консервы, зелёный чай. Японцы орудуют своими хаси (палочками), поглощая отпущенное им императорским правительством пищевое довольствие.

Время! С нашей стороны пушки грохнули первым неожиданным залпом. Второй залп. Третий. Дальше беглым огнём по заранее намеченным целям. Пятнадцатиминутная артподготовка с закрытых позиций.

Секундная стрелка завершила последний круг, суматошно дёргаясь. Рухнула неожиданная после грохота и давящая тишина.

Пора! Пехота, которая должна прикрывать наш прорыв, с криками «ура!» поднимается в атаку. Перебрасываем через наши окопы заранее приготовленные мостки. По команде Будённого тачанки (а за ними и мы) устремляются следом за пехотой в атаку на японские позиции.

Не сразу, но японцы всё-таки очухиваются. Стучат нам навстречу выстрелы их «арисак». Поздно. Лавину нашего наступления не остановить.

Тачанки подлетают почти к линии японских окопов, делают резкий поворот и, двигаясь вдоль них, поливают свинцовым дождём всё живое. Японские позиции прикрыты «колючкой» – спиральями Бруно. Поверх них наступающая пехота кидает мостки, преодолевая это препятствие, и обрушивается в японские окопы. Выстрелы, крики ярости, удары штыками, саблями – ярость и круговерть рукопашной. Так хочется принять в этом участие, но у нас другая задача.

Поперёк японских окопов, где всё ещё идёт рукопашная, мои бойцы перекидывают ставшие штатными мостки, по которым линию окопов пересекают тачанки и наша конная группа. Мостки собраны, приторочены к тачанкам, и наша охотничья команда устремляется вглубь занятой японцами территории, оставляя за спиной резню в захваченных нашей пехотой японских траншеях. Фактор неожиданности сделал своё дело: японцы начинают сдаваться. Кто-то бежит, выскакивая из схватки, кто-то поднимает руки вверх, надеясь на милосердие русского солдата.

Плотной группой мой отряд выскакивает на дорогу, движемся рысью. Две тачанки в авангарде, две тачанки в арьергарде, передовой дозор, боковые дозоры – всё как положено. Торопимся. Надо уйти как можно дальше, а затем скрыться в ближайших лесах и начать дальнейшее разведывательно-диверсионное веселье.

Спасибо передовому дозору: успеваем укрыться в лесу до того, как на дороге показывается спешно марширующий к месту нашего прорыва японский полк. Отдыхаем, а ночью возвращаемся на дорогу. Риск столкнуться с японцами в ночное время минимален: здесь и сейчас ночью воевать не принято, равно как и совершать манёвры. Тем не менее движемся осторожно, с соблюдением необходимых мер предосторожности.

Следующий день проводим в лесу. Надо ж осмотреться, что тут вокруг нас происходит. В разных направлениях уходят разведтройки – идут пешими за сведениями и языками. Сеть раскидываю широко, в лагере остаётся примерно половина нашего отряда.

За обедом ко мне подсаживаются Вержбицкий и Маннергейм. Могу их понять: я им ровня, хотя со стороны нравы в нашем отряде могли бы показаться едва ли не анархической вольницей. Однако каждый знает свой манёвр и место в бою при любом (ну или почти любом) развитии ситуации. Всё многократно обговорено и отработано на учениях и в предыдущих боевых выходах.

– Николай Михалыч, – начинает Вержбицкий, – приношу вам свои извинения. До последнего момента считал, что эти ваши «художества» – опасная фантазия и попрание всех основ тактики. Однако убедился: ваши придумки эффектны и эффективны. Мир?

Вержбицкий протягивает мне руку. Пожимаю его ладонь.

– Мир.

Неужели поляка проняло? Или хитрит в преддверии каких-то очередных интриг? Ладно, жизнь покажет. Но спиной к нему я поворачиваться не рискну, не сочтите меня перестраховщиком.

– Интересная придумка эти ваши тачанки... – Маннергейм задумчиво жуёт травинку. – Ведь если вдуматься, она делает боевые действия мобильными, позволяя перемещать огневые точки с большой скоростью на дальние расстояния, менять конфигурацию огневых позиций в соответствии с требованиями момента – обороны или наступления. Можно представить себе целую армию таких тачанок, мчащихся по просторам степей...

А тролля, похоже, всерьёз пробрало идеей мобильной войны. Этак ещё додумается до концепции танков.

– Новые орды Чингисхана? – вставляет свои пять копеек поляк.

– Жаль, нельзя на ваши брички поставить серьёзную артиллерию, – вздыхает барон. – Конструкция просто не выдержит веса пушки.

– Но имеется же горная артиллерия – легкие пушки, которые перевозят на вьючных лошадях. Такой вес эти повозки вполне выдержат. – Поляка тоже увлекла идея. – Или у британцев в Индии есть части, где лёгкие пушки перевозят на верблюдах.

– Господа, – пытаюсь урезонить фантазёров, – давайте будем реалистами.

Оба смотрят на меня удивлённо: зачем я подрезаю крылья их фантазии?

– Давайте будем реалистами – будем требовать невозможного.

Где-то я читал этот парадокс, почему бы и не блеснуть им втихаря?

– Николая, да вы философ, – усмехается Маннергейм.

Наша увлекательная беседа прерывается: возвращается одна из разведтроек. Братья Лукашины и Сорока притащили с собой «языка». Спелёнатый, как мумия, японский лейтенант пучит глаза и сверкает белками, мычит что-то сквозь кляп. Мычи-мычи, скоро запоёшь, когда начнём допрос.

Особо стараться не пришлось. Молоденький лейтенант на приличном французском поведал нам много интересного. Мне пришлось разыграть целую интермедию, чтобы повесить допрос на Вержбицкого с Маннергеймом с целью не выдать им своего незнания

этого прекрасного языка: эти гордеевские навыки до сих пор дремлют где-то в глубинах моего нового организма, а у Лёхи Шейнина второй рабочий язык – английский.

Расположение своей части и соседей, схему караулов и постов, периодичность их смены, а также расположение складов – всё это аккуратно заносится на карту, кратко формулируется для донесения и в ближайшее время отправится с крылатым почтальоном прямиком в штаб.

Но главное, атака нашего полка, предпринятая лишь для прикрытия перехода нашей разведгруппой линии фронта, увенчалась неожиданно серьёзным успехом – японцы были выбиты из окопов. Али Кули Мирза ввел в бой весь полк, и японцы сочли за лучшее отступить на запасные позиции второй линии своей обороны. Намечавшееся японцами наступление отложено на неопределённый срок – до выяснения, так сказать.

Неужели моё попаданчество наконец дало какой-то реальный результат? За это стоит выпить. Велю унтерам раздать бойцам винную порцию – по пятьдесят капель за победу. И сам с удовольствием прикладываюсь в компании барона-тролля и польского пана.

---

notes

Примечания

У Шейнина, а уж тем более Гордеева, довольно однобокое и поверхностное впечатление о японской культуре: где им знать, что эта «балалайка» – сямисэн.

Гордеев и его команда столкнулись на складе с кумо. Демонь-пауки, или же пауки-шлюхи, предстают перед своими жертвами в женском обличье, а подобрившись поближе, опутывают своими сетями и пожирают.

Шейнин-Гордеев ошибается. Наручные часы начали распространяться с конца XIX века, и именно с военной касты, которой в боевых условиях пользоваться карманными часами на цепочке было крайне неудобно. Первые наручные часы даже получили название «траншейных». Хотя повсеместное распространение они получают несколько позже.

Телесные наказания для рядового состава в императорской армии были отменены в августе 1904 года, и только после этого на гауптвахты стали помещать для дисциплинарного наказания и рядовой состав. До этого гауптвахта была исключительно офицерской «привилегией».

Тверцы – прозвище юнкеров и выпускников Тверского кавалерийского юнкерского училища.

Степанов Николай Петрович, на тот момент генерал-майор и командир 2-й Отдельной кавалерийской бригады.

Ванновский Сергей Петрович, сын генерала от инфантерии Петра Семёновича Ванновского (1822–1904), военного министра (1881–1898) и министра народного просвещения (1901–1902) Российской империи. В 1904 году полковник Генерального штаба, прикомандированный к 52-му драгунскому Нежинскому полку.

Здесь японцы выпустили против бойцов Гордеева синигами – это демоны, паразитирующие на человеческом страдании. Они появляются на поле боя, в районах катастроф или эпидемий и вызывают у уцелевших жажду смерти. Справиться с ними можно только одним способом – едой и питьём. Гордееву повезло, что он интуитивно ухватил верный способ.